

*Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка...*

Александр Кушнер

НИША
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

NICHE
LITERARY SPACE

Редактор: **Алла Ходос**

Технический редактор: **Любовь Шапиро**

Фотография на обложке: **Юрий Золотаревский**

Художник-оформитель: **Вита Голубовская**

Взгляды редакции не всегда совпадают со взглядами авторов.

Редакция не несёт ответственности за неточности и непроверенные факты в опубликованных материалах.

При перепечатке ссылка обязательна.

ISBN: 978-0-9832503-8-8

ISSN: 2167-0765

Сан-Франциско 2022

СТИХИ И ПРОЗА

Владимир Гандельсман

Узор, нерукотворно вышитый 5

Мария Перцова

Жизни смысл? А если ...херес?!

Стихи 7

О стихах Марии Перцовой:

Алла Ходос

Из дышащей груди 9

вселенского хлама

Вячеслав Новиков

«Aeroflot» 11

Алла Ходос

Метеор дневной. *Стихи* 19

Эхо 21

Валерий Черешня

Калифорнийский лес. *Стихи* 25

Три этюда о творчестве

Пастернака 28

Мартин Мелодьев

Так и жили: не зная, как надо.

Стихи 32

О стихах Мартина Мелодьева

Виктор Фет

Дорога из Хаоса в Логос 34

Анатолий Либерман

Мартин Мелодьев. Как по нотам. 35

Вера Юркина

Сны Апокалипсиса. *Стихи* 37

Александр Трегуб

Служебный роман или

Жизнь на карантине 41

К вопросу о швабре 48

Александр Милитарев

Непостижимое –

лишь форма бытия. *Стихи* 51

Борис Клетинич

Мое частное бессмертие 53

О прозе Борис Клетинича:

Татьяна Цветкова

Читательские заметки о

романе Б. Клетинича

«Моё частное бессмертие» 57

Вадим Жук

...Мальчиком с обложки

Сэлинджера. *Стихи* 59

Саша Немировский		Виталий Шрайбер	
Вдвоем с Сизифом	62	Старые песни о страшном	97
Австрийская открытка. <i>Стихи</i>	65		
Майкл Голдшварц		Галина Курляндчик	
...В угол, на предмет	66	Владимир Лазарев и Александр Солженицын	105
Лев Бертин		Лина Маркова	
Окна светящийся квадратик. <i>Стихи</i>	72	Режиссер театра им. Вахтангова Гарий Черняховский	110
Юрий Михайличенко		ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!	
Сестра человечность. <i>Стихи</i>	76		
Мария Перцова о Юрии Михайличенко	78	Вита Голубовская – художник- оформитель «Ниши»	118
ДРАМАТУРГИЯ		Борис Бернштейн	
Артур Соломонов		Открытие выставки. Выступление	119
Благодать	79	Алла Ходос	
Александр Трегуб		О картинах Дмитрия Янушкевича и Аллы Виксне	122
Опера «Еще раз про любовь»	89	Дмитрий Янушкевич	
ПЛЕННИКИ ЛЕТ		Живопись	123
Инна Трегуб		Алла Виксне	
Олимпиада	92	Живопись	125

Владимир Гандельсман

УЗОР, НЕРУКОТВОРНО ВЫШИТЫЙ

* * *

Я шёл, я был один на белом свете,
и только колокол небесный бил
безмолвно, и сжимали горло... эти...
объятия?... рыдания?... Забыл.

Я шёл, и сквозь деревья холод голо
на землю падал, и клонился... да...
день?.. И сжимали горло... горло...
Но что?... К чему клонился он?... Куда?

Я шёл, я с белым светом был в разлуке
и вдруг в окно взглянул сквозь темноту –
там человек стоял, раскинув руки,
прибит прибором вечера к кресту.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

У винно-водочного, застеклённый рай.
День фиолетовый, февральский.
В руке сжимаю ключ. Какой? Кастальский.
Себя стирает дерево. Стирай,
согнувшись в три погибели в закате.
Пробило шесть в шестой палате.

По оттепели не сошедший снег
сереет койками с ума сошедших,
сводящих счёты с жизнью, но не сведших.
Там я стою, прощальный человек,
у винно-водочного и смотрю, как пламя
из окон – рыжими клоками.

Халат на босо тело в самый раз.
Мелькнул впотьмах Марии Лазич локон.
Усиьем воли уползаю в кокон,
чтоб в образы бог весть когда (сейчас!)
мне вылететь – о да! – презревши пыль их.
Лечу на опалённых крыльях.

Там я стою. Я замер, я замёр
разлома снизу вверх, по вертикали,
до звёзд, что, пробивая гарь, сверкали,
еврей я шеншин, римлянин, шумер,
в той книге, что горит в Александрии,
я фраза вечная, внутри я.

Сгори догла. В трубу труба зовёт.
Дымится дом, зеваки доят горе,
и гончий их огонь в глазах в повторе
документальных кадров вижу – вот!
Нет никакого горя, хорошею,
и гнёт фонарь вдали жирафью шею.

Фигура за фигурой, видит Блок,
сгорают шахматы, картины, книги,
я в Шахматово прожил эти миги
задолго до того, как превозмог
и пережил себя – развеян пепел,
и мне легко, хоть я сегодня не пил.

Лечу на свет. Не мой ли дом горит?
Мойсейка, шапочная ль мастерская?
Не знаю что и кто, огнём верстая,
меня как незабвенный текст творит.
В руке сжимаю ключ. Какой? Кастальский.
День фиолетовый, февральский.

* * *

Всполохи звёзд горящим порохом,
и эти, сорванные с крон,
раскрики хриплые ворон,
раскрики и круженье ворохом,

и гусениц меха – то сжатые,
а то растянутые на
один прополз – кора черна, –
себя в свой кокон провожатые,

и ночь, и ночь до часа раннего,
до упразднённых в небе вех,
когда я устремлюсь наверх,
коснувшись синего бескрайнего,

и с птичьего полёта птичьего
увидев точку на земной
коре, явившуюся мной,
исчезну, чтоб врасплох постичь Его.

* * *

Мост Иоанновский, чуть выгнута
его спина, снег первозданный,
лететь и таять – что за выгода? –
младенческий, ты гость мой званный.
У розовой полоски крепости,
где парк и на зиму есть горка,
дни шли пешком в своей конкретности
и расходились, как «Вечорка».
И тратились запасы царские,
пока светилась та полоска,
и запах типографской краски я
вдыхал, застыв возле киоска.
Какое-то дитя зарёвано –
мать за руку его куда-то,

и мне взволнованность дарована,
как вспышка между строк заката.
Не горб империи по гроб нести,
но облик облаков небыстрых
и ювелирные подробности
деревьев в каплях серебристых.
Что там ещё? Смущенье, скованность,
за «Стерегушим» жалкий лепет
и много больше, чем взволнованность –
любовь и всякий прочий трепет.

* * *

Мать за руку со мной, и вечер чудный
в пятидесятом, господи, году
напомнил этот пригород безлюдный.
Прости, к простому слову припаду.

Взять осторожно снега на лопатку
или упасть, от боли голося...
Я засмотрюсь на детскую площадку,
как кинозал, смеркающуюся.

Боль и обида в рост пойдут, не удаль,
но это, как в бинокле, далеко,
вот бегают дворовый мальчик, трудно ль
быть гением и так любить легко,

озвучив зимний день свободной речью?
А вот и мать – казённому отбой! –
за ним пришла, он ей бежит навстречу.
Не плачь, не плачь, придёт и за тобой.

* * *

Не се ль Элизиум полнощный...
А. Пушкин

Сквозь редкий снег мы этот город весь
пройдём и удивимся с непривычки,
какие ходят худенькие здесь
колеблющие воздух электрички,
как, в сумерках впадая в забытьё,
Господень храм без пристальной опеки
разменивает золото своё
на нищий сад, всё сбывший до копейки,
как зимний день умеет озарить
в оконных переплётах те страницы,
в которых он приговорён прикрыть
в три пополудни серые ресницы.
Вот эти жизнь и смерть, не обессудь,
смотри, не оскверняя их проклятьем,
и если ты не римлянин, то будь
невозмутимо зорок, чтобы стать им.
Пройдём весь город вдоль и поперёк,
висящий на пунктирных нитях,
чтобы забыть роскошность этих строк,
не стоящих его, забыть, забыть их.

* * *

Спящей ночи трепетанье...
А. Пушкин

Вой ветра или чей-то плач?
Я подошёл к ограде –
в саду безмолвно стыла ночь,
и всё затихло вроде.
Сверкнул светильник из-за туч
и тоже стих бесследно.
О чём ты, стих, заводишь речь?
О ком ты? Здесь безлюдно.
В ночной квартире я один.
Один. Чего ты хочешь?
Угомонись. Средь этих стен
ведь только ты и хнычешь.
Как поводырь, меня провёл...
Провёл? Но я не слеп и
я не был там, где ветер выл,
и не слышал ни всхлипа.
И я не рад тебе, не рад,
как если б ты постылым
мотивом мне пророчил труд,
который не по силам.

* * *

Ты узор, нерукотворно вышитый,
жизни бережно осиль.
Видишь, как слетает с крыши той,
вьётся пыль

снежная, покуда не рассеется,
в чистокровном воздухе висит,
тянется, и светится, и веется,
как дымит

во дворе котельная и, стало быть,
как на белом – гаревый налёт,
как умеет косо ломом скалывать
вратник лёд?

Пристально во всё вживись:
в переключку огненную фар, в
бег служивого – как, съживившись,
дышит в шарф.

Несказанное лови, бесшумное.
Я в разрыв проникну временной
и, пока не выдворен, вдышу *моё*
в то, что мной

станет после жизни, и с удвоенной
силой ты увидишь вдалеке
гаснущий мой вечер, упокоенный
здесь, в строке.

Мария Перцова

ЖИЗНИ СМЫСЛ? А ЕСЛИ ...ХЕРЕС?!

* * *

Тропический дождь поливает тропический лес,
и нас поливает, того и гляди разрастемся,
подобно лианам и мхам неразбуженных мест,
так буйно и дико, что нас не узнает потомство.
С шуршащим потоком вот-вот
снизойдет благодать
на нас, неуклонно к сокрытому свету влекомых –
сюжеты лелеять, трагический эпос слагать
из жизни растений и всяких других насекомых.

ОБЪЯСНЕНИЕ

*"Что вы лезете: Европа да Европа!
Возьму и открою другую страну".*

Маяковский, "Христофор Колумб"

Не с первого взгляда, не с трапа, не с ходу –
С разлада, надсада, с изнанки, с исподу...
Вошла в мои помыслы позже, чем надо,
Новейшей истории дерзкое чадо.
Не сразу – с тележками, в утреннем дыме –
Твои сумасшедшие стали родными,
Не вдруг

мою грудь прокололи несмело
Подветренных сосен амуровы стрелы.

Твои города

не спеша, постепенно,
Меня провели за кулисы, за сцену,
Оставивши в силе иные законы,
Меня допустили в свои павильоны.
Позднее пришло обобщение сходства –
Твоя красота рождена из уродства.
Язык твой облекся значением не сразу –
Шипение речи? Кипение джаза?
Уайльдовский пир на Шекспировом блюде –
Чужой и великий, таким и пребудет.

CHRISTMAS

Окрестности в день Рождества бесшумны,
пусты, величавы,
Как в сонной дремоте глаза закрылись
суды и управы,
Хранилища денег и книг, святилища муз и науки,
Мадонна в витрине стоит, призывно
протянуты руки.
Распахнуты храмы души, захлопнуты
храмы торговли
Невидимый снег не спешит с небес
опуститься на кровли,
С дороги ли сбился гонец, в пути ли его укачало...
Похоже на света конец, а также на света начало.

* * *

Саше

Давеча о смысле жизни рассуждали в самолете,
Бутерброд жевали гадкий, как холодная война.
В темном небе проявилось
легкой косточкой в компоте
Что-то круглое, с прожилкой, может, даже и луна.
Жизни смысл? А если ...херес?! С твердым сыром,
с козым сыром,
На ступенчатой террасе над уснувшим городком.
Отмахнулся — это ересь, непродуманно и сыро,
О гипотезе спонтанной отозвался с холодком.
Ты сказал, он существует, но мы все ещё не знаем,
Как найти к нему дорогу – по волнам, по детским
снам?
...А пока мы размышляли, скрылась
косточка ночная,
Твой чюрленис, мой солярис – и вина налили нам.

САН ФРАНЦИСКО

Тем, в сущности, дороже, чем
случайнее...

Брожу, гляжу в глаза его причальные,
Вечерние, глубокие, шафранные,
Мерцающие дальними экранами.
В глазах его изломы дня смягчаются,
Бокалы тонконогие встречаются,
А там, где пахнет серой или кущами

-
Там веки осмотрительно опущены.
Свои каноны охраняет набожно...
Снуют трамваи вдоль нарядной набережной,
Вуаль тумана скомкана, распорота,
И город под стеклом – иль гостя города...

* * *

Раньше времени вишни разбужены,
Март еще глянцежит, не примят.
Над фламандским старательным кружевом
Дымно-сладкий плывет аромат.

Утро все еще сковано холодом,
Каждый кустик от ветра продрог,
Но мимоз византийское золото
Озаряет извивы дорог.

Из стихии другой, не из огненной,
Эти первые строки весны.
Так причудливо ветка изогнута–
Иероглиф забытой страны.

* * *

Собиратель мгновений,
укротитель креповых бабочек,
промокашечных голубей,
только тебе и доверю
рождественский вечер в Вене –
парчовый младенец
на площади...
не вспомню названия, хоть убей...
В восемьдесят-отъездном.
Неслышный (тишайший) возглас.
Воздух – колючий,

с мелкой холодной моросью –
тёплым парком пополняющийся
в толпе,
раскромсанный
тысячей лезвий,
чтобы свет
проливался в прорези.
Только тебе и нужен
тот чёрный воздух.
Только тебе.
Место на кладбище,
которого не хватило
той, которой не доставалось
ничего, никогда.
Точнее,
яйцо разбивающая,
в чернилах,
не гладкая,
морщинистая ее рука
над сковородкой
на небольшом огне.
И запах жареного шпината...
Тебе это тоже надо,
не только мне.
Вот и пишу тебе часто,
перед уходом,
по крайней мере,
и (ты будешь доволен!)
на бумаге,
сделанной из тряпья.
Я ведь давным-давно
ни во что не верю.
Только в тебя.

Мария Перцова родилась и выросла в Баку, с 1990 года живет в Калифорнии, в маленьком городке Кэмпбелл. Печаталась в журналах «Зинзивер», «Эмигрантская лира», «Литературный Азерайджан», альманахе «Образы жизни», сборнике поэтического фестиваля Аркафест. Вышли два альбома песен на ее стихи (музыка и исполнение Жанны Шниц). Лауреат Восьмого международного поэтического конкурса «45 калибр». Автор книг стихов «По другую сторону обмана» и «Из жизни растений». Электронная почта: maria.pertsova@gmail.com

Алла Ходос

ИЗ ДЫШАЩЕЙ ГРУДЫ ВСЕЛЕНСКОГО ХЛАМА

(О стихах Марии Перцовой)

...в которых отразился век...

А. С. Пушкин

У Марии Перцовой лирика эпична, а эпос лиричен. Указан адрес во времени и пространстве. История и география стали душевным опытом. Каждое мгновение жизни настоено на этом опыте. Старик, избиваемый в бакинском автобусе, девушка со странным именем Иоланта, Чюрленис и «Солярис», города, «выпячивающие мишуру и прячущие сердцевину», продырявленный диван и сны, над ним витающие, русская классическая литература и английский язык, – «уальдовский пир на шекспировом блюде», – все становится личным, трагическим и счастливым переживанием.

Вселенский хлам-ахматовский сор переплавлен. А смысл жизни, о котором с такой шуточной грацией говорится в одном стихотворении, может быть, и вправду, в хересе, а истина в вине. И в чувстве вины, конечно, тоже.

И в России, и в Америке проживает

лирическая героиня. И в мировой культуре она своя. А конкретный адрес – коридор, так она утверждает. Это нахождение поэта одновременно в жизни реальной и воображаемой, а также между ними, в коридоре, между адом и раем, причем то жизнь рай, то искусство; в предбаннике, чистилище, бардо, черт знает где обитает поэт! И у Бога за пазухой, – когда пишется стихи.

Нередко смысл разворачивается, как веер.

*Их любви – то грипп, то ангина,
Что казалось на миг, то навек,
Что навек, то золою грачиной
Осыпалось на сахарный снег.*

На миг – навек; но и вечное сгорело, стало золой на снегу; однако и это – особенная, грачиная, готовая то ли вспыхнуть, то ли вспорхнуть и ожить в памяти зола. Из старого рождается новое, но старое в этом новом сохраняется. Из частей возникает целое; картина жизни раскладывается на множество картинок. Раскрывается и сворачивается веер.

Бывает, стихотворение вмещает целую жизнь. Одно из них «На фоне маятно-го века». Причем поэт не воздвигает памятник, а создает иллюзию жизни. Станет ли она вечностью или канет в лету?

*И все ж, бессмертье под вопросом,
И все ж в любом заборе – щель.
Глядишь, художник длинноносый
Стачает новую "Шинель".*

Поэты часто говорят, что смысл на-

чинается с гула, звука. Когда же возникает картина? Или все рождается сразу – звук и цвет, мысль и чувство?

*Утро все еще сковано холодом,
Каждый кустик от ветра продрог,
Но мимоз византийское золото
Озаряет извивы дорог.*

В первой строке будто слышен стон: о-о-о, земля скована, во второй дрожащее от холода р. В третьей и четвертой звон византийского золота. Картина, которую мы еще и слышим.

Поэт выныривает из культуры в природу, и живая природа весны, с дымным ароматом и золотом мимоз, в свою очередь, становится частью культуры, *фламандским кружевом, иероглифом далекой страны.*

О чем-то похожем у Заболоцкого: *И когда я открыл свою книгу в большом переплете...*

В стихотворении «Постригли под нолик, разлили эфиры» переплелись серебряный век, древняя Греция и добиблейская немая старина...

Дышащая грудa вселенского культурного хлама – вот порода, из которой возникают стихи. Об этом иронично и лично:

*Всего серебра-то – серебряный век –
Черненная стынъ петербургских каналов,
Нечищенный свет фонарей и аптек.*

Нечищенный это не только о стекле, это и сам свет такой, с вкраплениями тьмы. У Мартина Мелодьева свет иной. «Свет былого, не тусклый, но матовый, из-за спу-

щенных временем штор...» У каждого поэта свое освещение. В стихотворении Марии Перцовой это еще и свет аптек, свет помощи больному миру.

Городской пейзаж Сан-Франциско перед Рождеством не только тревожен, но и полон надежды:

*Распахнуты храмы души, захлопнуты
храмы торговли,
Невидимый снег не спешит с небес
опуститься на кровли.
С дороги ли сбился гонец, в пути ли
его укачало...
Похоже на света конец, а также
на света начало.*

Экзистенциальный вакуум, о котором пишет Виктор Франкл, должен быть заполнен смыслом. Не в гармонии ли этот смысл заключен?

Вячеслав Новиков

«AEROFLOT»

Записки бортпереводчика

Банановая кожа

Почему так темно? Сейчас должно быть утро.

Пол прохладный. Щеке прохладно. Я на полу. Я в коридоре. Как-то я сполз с кровати.

«Если б был я не калека и слезал с кровати вниз»... Ха.

С кровати вниз на пол сполз.

Встать невозможно. Дышать больно. Никого нет.

Все уехали. Командир меня будил, посмотрел на меня красными глазами и сказал, что пришлёт врача эскадрильи.

Потом провал опять.

Как сполз – не помню.

Что ж так темно? Окна все зашторены. От жары. Впрочем, жары здесь особой нет. Но все же Африка.

От стены отделяется тень. Худая, длинная. Тень похожа на Колю, борттехника по АДО¹.

– Коля, ты?

– Я. Ты как?

– Не знаю. Ребро, кажется, сломано.

– Понятно. Лечиться будешь?

Коля не ждёт ответа. Борттехники по АДО – очень хорошие ребята, они никогда не ждут ответа, не дадут пропасть, всегда у них что-нибудь припасено.

Коля выносит из комнаты 3-х литровую банку.

– Лёжа пить можешь?

– На животе трудно.

Я кое-как приподнимаюсь и сажусь боком, прислонив здоровую часть спины к стене.

От боли я что-то произношу нехорошее.

– Щас полегчает.

Коля садится на корточки и начинает наливать в стакан.

1 Авиадесантное оборудование

– Черт, не видно ни хрена!
– А ты же ещё в черных очках, Коля!
– Та все равно – ничего не видно. На, держи!

Я пью.

– Это что – камышовка?

– Больше ничего нет, хорошо, что это заначил.

Камышовка: так мы называем эфиопское белое сухое вино, которое продаётся в пузатых бутылках, обмотанных какой-то соломой, похожей на камыш. Продаётся в любом, даже самом задрипанном киоске на улице, вместе с другой всякой дрянью, типа эфиопских сигарет. Кислятина жуткая, но все же лучше тети Клавы.

Тетя Клава – это смерть, это катаклизм, это мертви бджолы². По-амхарски – катикала, местный самогон. Пить тетю Клаву – безумство храбрых.

– Это же всё надо выпить, чтобы полегчало.

– Пей вволю.

– А ты чего здесь остался? Тоже заболел?

Коля садится на пол рядом со мной, глубоко вздыхает и снимает огромные – в пол-лица – черные очки.

Поначалу мне кажется, что на Коле ещё одни черные очки, чуть поменьше. Присмотревшись, понимаю, что это два здоровенных фингала.

– Понятно. И кто тебя так?

– Сашко.

Сашко – стрелок в нашем экипаже, прапор. Как все прапора в эскадрилье – хохол. Они – тоже крепкие хозяйственники и мастера на все руки. Еду сготовить, поляну накрыть – лучше людей нет.

Ну, и мастера на все руки. Или я уже это говорил? А у Сашка – хоть он и пожилой – руки, что Колины ноги, и кулаки, как чайники.

– В общем, – Коля опять глубоко вздохнул, – ты уже намылился с Кокаревым куда-то ехать, а мы ещё порядочно посидели, выпивали. На Сашка нашла ностальгия, и он стал вспоминать любимого кабанчика в своём селе: и какой он красивый и гладкий, и как его Сашко любит. И как он «взлыкого собаку гоняв навколо хаты». В итоге Сашко лёг под стол и стал изображать своего любимца. Попросил, чтобы кто-нибудь почесал ему за ухом. Ваш штурман стал чесать, а Сашко, доволь-

2 Мертвые пчелы (укр.) – кранты, кирдык.

ный, хрюкал. Не знаю, что на меня нашло, я просто пошутить захотел: схватил шампур и на Сашка с криком: «А теперь, свинюка хохляцкая, я тебя заколю!» И тут Сашко как будто забыл, что он кабан домашний, а не дикий, и стал меня метелить...»

– Що, так зобразився¹ на хохла?

– Та хто його зна. Здурів зовсім. Ми ж з ним з одного села, він і кабанчиків для мене колов.

Коля ещё раз вздохнул и вернулся к русскому языку.

– И всегда один колол, помощники мне не нужны – только мешают, говорил. Ну, и сам валил кабана, сверху его придавливал – и длинным шилом...

– Хорошо, что вчера без шила обошлось.

– Ну, и ты, хорошо, что жив остался. Начальник штаба – чемпион округа по тяжелой атлетике все-таки.

Полбанки камышовки приглушили боль. На её место возвращался разум, вернее, то, что осталось от него после вчерашнего большого праздника – 23 февраля.

Как же все было? Шашлыки, совершенно резиновые, что понятно: говядина здесь такая же тощая, как и сами эфиопы. Консервы, колбаса, сало из запасов, привезённых из Союза. Техсостав подсуетился, наготовил картошки, салатов. Гвоздём программы был технический спирт, смешанный – чтобы он был ещё вкуснее – с кока-колой.

Все три экипажа, размещённые на вилле, уселись за сдвинутыми вместе столами. Поначалу тосты произносили командиры экипажей и начальник штаба. Потом все подряд: за авиацию, за содружество родов войск, за боевое братство...

Потом запели. Как положено: «Первым делом, первым делом – самолёты», «Махну серебряным тебе крылом» – это хором, дурными голосами. Потом потише – «Кожаные куртки, брошенные в угол» – под гитару. Выпили ещё – опять повеселели: «За моим стодолом выдно чуже сэло», «Ты ж мэнэ пидманула, ти ж мэнэ пидвэла». Недаром экипажи из Запорожья.

Потом пошли разговоры. В основном про то, как кто-то из дивизии приехал с проверкой и кого-то выебал.

Стало скучно. Мы с Женькой переместились в его комнату.

1 Обиделся (укр.)

Женька – тоже бортпереводчик. Он – из Мариуполя. С Левого Берега. Он сам так всегда говорит: «Я – из Мариуполя, с Левого Берега». Что это за Левый Берег – никто не знает, но что-то, должно быть, важное.

И тут появился Кокарев – как чёртик из табакерки. Слегка пьян, побрит и благоухает одеколоном. И одет явно на выход.

– Слав, одевайся, поедem в город. Скучно здесь.

– Куда?

– В «Раз-отель».

«Раз-отель» – гостиница в центре Аддис-Абебы, куда нас иногда селят на время очередной 3-х месячной командировки. В этот раз не повезло – разместили на вилле на окраине. Виллу прозвали «сомалийской»: до войны с Сомали здесь жил сомалийский посол. Думаю, один с семьёй. А сейчас здесь мы – три доблестных экипажа АН-12 плюс «маслопузы» – короче, человек 30. Тоже большая дружная семья.

«Раз-отель» по-английски, соответственно, Ras Hotel. Если перевести с амхарского – Prince Hotel. Наши ребята произносили, понятное дело: «Расхотел». Отель кишел западным людом и шармутами². Шутка была: «Целый день в полетах, мечтал: скорей бы в уже в гостиницу. Приехал – расхотел...»

– Вставайте, сэр, нас ждут великие дела, the night is young³, – не унимался Кокарев.

Он действительно чёртик: небольшого роста, юркий, только носик курносый, дерзкие глаза, театральные позы. Короче, сплошные понты. Лётную фуражку он сразу как-то лихо переделал. В Эфиопии она, правда, не нужна. Мы летаем в гражданском, кто в чем придётся. И только Кокарев раздобыл где-то летнюю голубую робу, которая бывает только у пилотов истребителей. А вместо штатных ларингофонов, которые не передавали все красоты английского произношения, у него были наушники с микрофоном с Ил-76.

Я пошёл в свою комнату, чтобы надеть джинсы и обуться.

2 Проститутки (амх.)

3 Вечер только начинается (англ.)

Выйти из комнаты мне не дал начальник штаба – коренастый, колченогий, кряжистый. Человек-торс. Шире дверного проема. Не обойти. Разве что между колченогими ногами пролезть.

Пошёл обычный буллит¹: товарищ лейтенант, куда это Вы собрались и прочее.

– В Раз-отель, – говорю.

– Это ещё зачем?

– Погулять. Праздник все-таки.

– Какой праздник? Отставить!

– 23 февраля, какой праздник.

– Отставить! Закончен праздник!

– Никак нет, товарищ капитан! – раздался голос Кокарева из-за спины начштаба. – Ещё только 23 часа 25 минут – детское время!

– Кокарев? И ты туда же?

– Так точно! И я туда же!

В голосе Кокарева явно узнавался развязный поручик Ржевский, но начштаба этого не заметил.

– Так, – перешёл он на крик, – отставить Раз-отель, никто никуда не едет! Стариков, раздевайтесь!

– А что это Вы собрались со мной делать? С чего это я должен раздеваться?

Начштаба ничего больше не говорил. Слов у него вообще было немного.

Я слышу дружелюбным и веселым. К тому же в детстве много болел, читал книжки и играл на пианино в то время, когда мои друзья гоняли в футбол. Короче, мы мирные люди. Но все-таки я пацан донецкий и не люблю, когда на меня кричат не по делу. Особенно в красный день календаря, и когда я немного выпил за содружество родов войск, и отдаю лучшие годы жизни в борьбе за светлое будущее братского эфиопского народа, и меня замучила ностальгия по родине.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться!

Начштаба вспомнил с моей подсказки слово и угрюмо выдавил:

– Обращайтесь!

– Вы не могли бы пойти на х*й?

Я сказал это и испугался. Не за себя – за капитана. Он весь налился пунцовым цветом и стал похож на перезрелый помидор «Бычьё сердце», ко-

торый вот-вот рэпнет².

– Подонок! По стене размажу!

У начштаба по-настоящему прорезалась память: он вспомнил много слов.

И тут раздался задорный и тонкий голос Кокарева:

– Слав, да что ты смотришь на него? Врежь ему как следует!

И я врезал. По-видимому.

Мне так кажется.

Потом все. Темно. Мертви бджолы. Хорошо было Никулину в «Бриллиантовой руке»: проснулся – гипс. Тут проснулся – нет гипса. А дышать нечем. В комнате никого. Начштаба больше нет. Догадываюсь, что кинул он меня каким-то приёмом – голова и челюсти не затронуты – и хряпнулся я спиной о деревянный угол кровати.

Не помню, как переполз в комнату Женьки.

Женька пил джин с моим штурманом. Увидев меня вползающего и стенающего, он закричал: «Что они с тобой, гады, сделали?», и слезы брызнули у него из глаз.

Плакал Женька долго, и пока он это делал, мы со штурманом махнули по паре рюмок.

Стало веселее. Я коротко рассказал о единоборстве с начштаба.

«Сука!», – опять закричал Женька и зашёлся пуще прежнего.

Успокоился он так же внезапно, как и начал плакать.

«Бл*ди, – задумчиво произнёс он, – бл*ди! Вдали от Родины мы выполняем наш интернациональный долг, пьём...

Женька замолчал и тяжело вздохнул.

– Отставить «пьём». Хотя и пьём тоже, – Женька повысил голос. – Льём, льём кровь за социалистическую Эфиопию, за этого Мангуста Хайле Мариама³, а нас калечат начальники штабов! Давайте выпьем. Выпьем и споём. Давай, Слав, про «рыцарский турнир⁴»!

Последние куплеты Женька пел стоя:

«И вот всё кончено, пусть отдохнут поля,

2 Лопнет (укр.)

3 Менгисту Хайле Мариам – президент Социалистической Эфиопии, пришедший к власти после свержения императора Хайле Силассие

4 Песня Владимира Высоцкого

1 Херня (англ.)

И льётся кровь его на стебли ковыля.
Король от бешенства дрожит,
Но мне она принадлежит,
Мне так сегодня наплевать на короля!»

Он пел, стиснув кулаки и с вызовом глядя на дверь: за ней, по-видимому, находились те люди, на которых он хотел плюнуть.

Как-то я добрался до койки и заснул...

Приехал доктор. Мэртви бджолы, то есть пьян. Но очень весёлый. Веселые глаза – в разные стороны. Ткнул мне в спину – я чуть не сдох.

– Два ребра, как минимум.

Я не очень расстраиваюсь. Надеюсь, у него двоится.

Камышовку допиваем вместе с доктором. Коля помогает загрузить меня в УАЗик. Через полчаса мы в военном госпитале.

Хирург наш, советский и военный. Сухо: «Отпраздновали? Думаю, анестезия ещё продержится, пока рентген сделаем. Потом сделаю блокаду».

Лучше бы он сразу блокаду сделал. Боль придавливает так, будто начштаба меня снова об угол кровати хряпнул. Все-таки камышовка – фуфло. Не зря в песне поётся: «Вино не пью, вино мне пить не интересно»... Назад к хирургу меня везут на каталке.

В палате две койки. На одной из них узнаю Жеку Белова – какая встреча. Жека учился на переводческом отделении на курс младше меня. Я его и ещё одного его одноклассника отвозил в Асмару: их направили на северный фронт. В вечер перед вылетом мы выпили в Раз-отеле, они ловили каждое моё слово, я раздувал щёки, корчил из себя ветерана. Но фронта они не боялись, им сказали, что работать при наших советниках – дело безопасное. Они боялись, хватит ли им знания военной терминологии, чтобы хорошо переводить.

Короче, не того они боялись. Английского у них было больше, чем у эфиопов, для которых они переводили, и военный перевод у нас преподавали очень хорошо.

Бояться нужно советников.

Жека попал в переплёт довольно скоро. Батальон, в котором он оказался со своим советником, углубился в какое-то ущелье. Эфиопы несколько раз намекали советнику, что ущелье очень узкое и удобное для засады, и перестрелять их смогут лег-

ко. Но у советника был какой-то свой хитроумный план, типа «война – хуйня, главное – манёвры», и он насоветовал продолжать движение.

Эритрейцы заперли их в этом ущелье и стали отстреливать. Спасать наших прилетел вертолёт. Жека проявил героизм: дотащил из БТР к вертолёту раненого своего полковника. Переводчика из Горького – я его не знал – убили, а Жекиного одноклассника, который на один день – один! – попал в Эритрею с Южного фронта, ранило в бедро. Его вскоре отправили в Союз, комиссовали и наградили ЗБЗ¹. Он вернулся в Харьков, ходил долгое время с палкой, как Грушницкий, стал героем войны и преподавателем на кафедре английского языка нашего университета.

Жека после засады заболел малярией.

Когда мы встретились в госпитале, он болел ею в третий раз.

– Ну, что – давай за встречу?

– Да мне как бы нельзя – малярия. И забор вокруг – не выйдешь.

– Пойдём к забору – чего-нибудь придумаем.

Думать долго не пришлось. В метрах 30 от железного забора – киоск со всем необходимым.

Мы кричим: «Сима! Сима²!»

Из окошка деревянной будки высовывается голова.

Товарно-денежный обмен происходит через стальные прутья. Мы находим место в тени.

– Так что, с Севера тебя переводят?

– Нет.

Жека не очень разговорчив, и когда говорит, немного улыбается, так – в пол-лица, будто смотрит на что-то смешное внутри себя. Когда смеётся – довольно редко – его глаза почти исчезают, становясь узкими шелками. Глаза и волосы, вопреки фамилии, совершенно черные. Точно, он корейских кровей.

– Но должна быть какая-то ротация, ты и так натерпелся. И тебе цены нет, ты амхарский освоил как, тебе самое место – в Аддис-Абебе, при ГВС³.

Жека улыбается и молчит. Все не так про-

1 Медаль «За боевые заслуги»

2 Послушай (амх.)

3 Главный военный советник

сто. Что-то, может быть, произошло у него с этим полкашём. А амхарский он действительно здорово выучил...

Вот чем хорош госпиталь в Эфиопии? Человечностью и добротой младшего медперсонала. Я это ещё по Бальче выучил – больницы Красного Креста, спасибо Булатовичу. И ещё – кнопкой возле изголовья кровати. Её нажмёшь – и придёт эфиопка, обычно молодая и очаровательная. Ей говоришь на любом языке одно слово – морфий. Она извлечёт резкий и короткий вздох, как будто у неё перехватило от неожиданности дыхание – такое «ах» на вдохе и добавит: «Ищи».

Искать ничего не надо. Так эфиопы выражают согласие: «хорошо», «ладно». Ну, вот, красавица быстро удаляется и возвращается со шприцем, вид которого вовсе не пугает, а радует. Через несколько минут...

...«всё стало вокруг голубым и зелёным»...

И можно возвращаться к интересной, насыщенной больничной жизни.

Ее насыщал майор разведки, которого ранили в рот.

В майора попали из крупнокалиберного пулемёта. Стреляли сепаратисты не в него, а в вертолёт, с которого он вёл разведку позиций противника. Пуля пробила обшивку и угодила снизу в челюсть майора. В госпитале ему сделали операцию и наложили на челюсти шины. Шины не давали майору раскрывать рот, что не мешало ему говорить. При этом шины, напомилавшие огромные и страшные клыки, обнажались, производя жуткое впечатление.

Но это только поначалу, пока не привык. Через пару часов уже не пугаешься и не вздрагиваешь, просто стараешься понять человека. И это дело оказалось несложным. Для разговоров, точнее монологов, у майора всего лишь две темы. К нам – молодому личному составу, валявшемуся в госпитале с травмами, амёбной дизентерией и малярией, он обращается по-отечески ласково – «пеньки».

– Ну что, пеньки, – выдавливают майор сквозь клыки слова, как воздух из прохудившейся велосипедной шины, – кто в храп будет?

Храп – любимая карточная игра в ВТА¹. Я в неё играть так и не научился, но желающих и без меня хватает.

1 Военно-транспортная авиация

За картами майор заводит разговор на вторую – любимую тему.

– Ну что, пеньки, кто скажет, что Запорожец – плохая машина?

Никто такое сказать, естественно, и не подумал бы: *we know better*².

– Новая модель Запорожца существенно отличается от старой, – подыгрывает майору Жека.

– Правильно! – радостно подхватывает майор, – Красивая машина, современная, элегантная. Багажник находится в передней части автомобиля, как и у старой модели, но значительно просторней.

– За счёт чего? – изображает неподдельный интерес Жека.

– За счёт того, что бензобак тоже размещён в задней части, – увлечённо продолжает майор.

– Ничего себе! – встречает кто-нибудь ещё.

– Да, пеньки, в задней части! И салон...

– Там есть салон? – раздаётся изумлённый вопрос.

– Салон почти такой же просторный, как у Москвича, всего на полтора сантиметра меньше! А мощность доведена до 30-ти лошадиных сил! И удобный доступ к двигателю!

Нездоровая страсть майора к ушастому уродцу отечественного автомобилестроения имеет простое объяснение. По ранению майора отправляли на Родину. В Эфиопии он пробыл меньше года и, естественно, не успел настоговать достаточно денег, чтобы купить мечту каждого военного – машину «Волга». Хватало только на Запорожец.

Каждое утро майор идёт на охоту. Место для засады у него одно и тоже – на лестничной площадке за углом, из-за которого хорошо просматривается длинный коридор. Около семи – до утреннего обхода – в дальнем конце появляется толстая эфиопка – уборщица. Орудя шваброй, она задом перемещается по коридору к лестничной площадке. Когда её зад вплотную приближается к повороту за угол, из засады со страшным рыком выскакивает майор, подняв над собой руки, как зверь, ставший на дыбы, и обнажив свои клыки-шины.

Эфиопка оборачивается, роняет швабру и истошно орёт. Она – очень простая женщина и не помнит, что вчера, позавчера и поза-позавчера –

2 Здесь: дураков нет (англ.)

каждое утро на протяжении последних пары недель – на неё точно также напал наш саблезубый майор. Каждый раз она кричит так, как будто это происходит с ней впервые. Каждый раз её шоколадное лицо сереет от испуга, а глаза наполняются неподдельным ужасом.

Майор смеётся, обнимает дрожащую эфиопку и приговаривает: «Чигир йелем, все батам туруно¹! Шутка!»

Это он делает каждый раз также совершенно искренне. И радуется, как ребёнок.

Так и проходит больничная жизнь: сцена охоты, обход, завтрак, морфий, Гарольд Роббинс², обед, храп (и тот, и другой), реклама автомобиля «Запорожец», камышовка, Гарольд Роббинс, ужин, морфий... Иногда наши врачи задействуют нас, переводяг, на обходах, но это не в тягость. Эфиопов жалко: страдают стойко, а ранения бывают тяжёлые, и морфий им в больших количествах не дают.

Воскресенье. Много посещающих. Эфиопов посещают семьи. Мамы, жены, сестры в белоснежных шамах³. Многие из них ослепительной красоты. Тонкие черты лица. Татуировки на лбу некоторых в форме эфиопского православного креста делают их ещё интереснее, если не краше. Неужели это Африка?

Вот и ко мне посетители. Приперлись всем экипажем, во главе с командиром. Все ребята хорошие, но чтобы в свободный от полётов день навещать своего переводчика, вместо того, чтобы поехать отовариться на маркат⁴ – это уж слишком, в такое трудно поверить. Видно, что не по своей воле, а «токмо»... Командир – весёлый парень, а сейчас как-то криво улыбается:

– Слав, вот мы тут пришли тебя проведать.

– Спасибо.

– Ты давай поправляйся, а то без тебя скучно, некому на гитаре сыграть, песни попеть.

– Да скоро выпишут, думаю, мне делать ничего не делают, даже гипс накладывать нельзя.

– Отлично. Слушай, тут такое дело...

Ну вот, дошли до дела. Так просто эта история кончиться не могла. Все-таки, обматерить нач-

штаба и по роже ему заехать...

– Короче, твоё дело расследовать должны.

– Моё?

– Ну, не только твоё. Сам понимаешь, это – типа ЧП, с нанесением телесных повреждений.

– А что, начштаба тоже повредился?

Командир улыбается. Он и правда хороший мужик. Курчавые волосы, круглое доброе лицо. Он никого бы об угол кровати бить не стал.

– Нет, он жив и невредим. Но очень переживает. По любому такому факту проводят расследование. И неприятности могут быть у всех.

Это он и себя имеет в виду.

– В общем, чтобы все как-то уладить похорошему... Ты напиши объяснительную, что, мол, несчастный случай...

Вот за что я люблю наших военных: у них не только авторучка и бумага найдётся, но и папочка, на которой писать удобно, не вставая с кровати.

Как слышится, так и пишется.

Пишу объяснительную на имя командира эскадрильи:

«По факту полученного мною увечья – поломки 1-го (одного) рёбра – довожу до Вашего сведения, что вечером 23-го февраля 1978 года я зашёл в свою комнату и поскользнулся о незамеченную мною банановую кожуру, лежавшую на полу. В результате чего я упал и ударился спиной об острый угол кровати».

Ну, дата и подпись.

Командир прочитал и повеселел:

– Это как в Бриллиантовой руке, получается?

– Ну да, зато чистая правда. Могу кожуру поменять на апельсиновую.

– Да не, сойдёт. Ты поправляйся.

Все заметно повеселели. Видно, особист их настрашал.

– Ну, ты давай поправляйся!

Последним уходит Сашко.

– Ось трймай, тоби гостинец. Сало домашне.

Сашко достаёт из кармана свёрток и кладёт на тумбочку.

Жеку выписывают. Я провожаю его до ворот. Он – в эфиопской военной форме. Ему везёт: в этот момент от госпиталя отъезжает автомобиль, за рулем которого я узнаю своего знакомого – авиадиспетчера. Я прошу его подвезти Жеку до штаба ГВС.

1 Проблем нет! Все очень хорошо! (амх.)

2 Популярный в то время американский писатель

3 Накидка, эфиопская традиционная верхняя одежда

4 Искаженное от меркато (ит.) – базар

Через два дня за мной приезжает эскадриль-ский доктор. Я захожу в палату к майору, чтобы по-прощаться. Он сидит спиной ко мне. В руке у него карандаш. Перед ним стопка писчей бумаги. Все листы разрисованы. Рисунок один тот же – «Запро-рожец», модель ЗАЗ 968.

Прощай, майор разведки...

На Кокареве – несмотря на мороз – кожаное пальто и фетровая шляпа. Он стоит ко мне спиной.
– Узнал?

Он медленно поворачивается ко мне лицом, чтобы произвести максимальный эффект. Кино.

– Я милого узнаю по походке. Личико мож-но не показывать.

10 лет как будто не было. Кокарев – всё та-кой же.

Он позвонил секретарше ооновских курсов, и она позвала меня к телефону. Вот кого не ожидал услышать.

– Ты где? Как меня нашёл?

– В географическом смысле я – в Москве. Об остальном – при встрече. Вечером сегодня сво-боден?

Голос был тоже 10-летней давности.

Квартира у Кокарева – не в центре, но боль-шая. Не хило для луганского пацана.

– Люсю мою помнишь? Сейчас на стол на-крывает. Хозяйка у меня просто замечательная.

Помню, конечно. На нашем инязе на педа-гогическом училась. Симпатичная и умная.

Стол действительно замечательный. Вод-ка после мороза на улице – как елей на раны. Мы пьём за встречу. Закусь отменная, в магазинах та-кая не продаётся. Люся выпивает с нами одну рюм-ку и оставляет нас вдвоём. Ученая женщина, сразу видно.

– Так как ты меня нашёл?

– Легко! Мы с тобой, считай, коллеги. Я – в МИДе работаю.

Кокарев смотрит на меня многозначитель-но.

– Я так понимаю, – перешёл он на харак-терный развязный тон, – ты эти курсы переводчи-ков ООН заканчиваешь к лету, и осенью – в Нью-Йорк?

– Я не знаю, распределение после экзаме-

нов будет.

– Значит, в Нью-Йорк. Ну, а я в Женеве, ат-таше по правам человека.

– Ты? Ты теперь специалист по правам че-ловека?

Он только смеётся в ответ.

Мы вспоминаем наши похождения в Эфи-опии. Становится тепло и весело. Пьём за дружбу. Потом и за содружество родов войск, естественно.

– Ну ладно, – снисходительно произносит Кокарев, освежая рюмки, – не буду тебе морочить голову. Или надо рассказывать, где я работаю? Ты вот спрашивал, как я тебя нашёл?

Всё понятно. Сбылась мечта, значит. Интере-сно, давно ли.

– Ладно, давай помянем наших боевых дру-зей.

Поминаем.

– Вот так вот, друг ты мой любезный, и опять разбрасает нас по свету.

Кокарева уже явно тянуло на лирику.

– Давай за удачу и пойдём перекурим.

Он перехватывает мой взгляд, обращённый к еде на столе.

– А лучше, знаешь, давай возьмём на кухню закусь и там ещё посидим. Люська там курить раз-решает. А ей уже спать пора.

Моё внимание сразу привлекают старые большие наушники с микрофоном, висящие на сте-не рядом с холодильником.

– Узнаёшь гарнитуру?

Кокарев надевает наушники.

–This is Aeroflot 10109. Over.

Это мой позывной. Я его сам выбрал. В Со-юзе позывной был другой.

– Requesting clearance to land. Over.¹

Все, как 10 лет назад: кривая ухмылка, дерз-кие глаза, сигарета в уголке рта. Сплошные понты.

– Aeroflot 10109, this is Bole² tower, you are cleared to land between the fridge and the window. Over and out³.

– Вообще-то я гарнитуру к приёмнику при-соединил и радио слушаю. Чтобы Люсе не мешать.

1 Прошу разрешения на посадку Прием (англ.)

2 Аэропорт Аддис-Абебы

3 Аэрофлот 10109, Боле-старт, посадку разрешаю между холодильником и окном (англ.)

– «По ночам я слышу голоса»¹?

Кокарев смеётся.

– Идеологического противника нужно знать хотя бы понаслышке.

– Или по прослушке?

– Смешно.

Кокарев не смеётся. Он наклоняет голову вниз, как будто увидел что-то в своей рюмке.

– Давай ещё выпьем. Не чокаясь. За тех, кто не вернулся.

Умеет он пафос нагнать. Вообще-то, все вернулись. Мы всех привезли. Но выпьем.

– Где ж ты моя черномазая, где? В Аддис-Абебе, Аддис-Абебе! – вдруг запел Кокарев, – Помнишь? Это же ты сочинил! А ещё: «Родина слышит, Родина знает, Кокарев Саша свой долг выполняет!» Твои всё изыски. Как ты говорил: «Погиб при взимании интернационального долга»?

– Ох, хорошая у тебя память...

Какое-то время мы сидим молча.

– Ладно, я пойду, хорошо посидели. Спасибо. И Люсе твоей спасибо.

– Тогда на посошок! И.. А хочешь я тебе кое-что покажу напоследок?

Глаза у Кокарева вновь становятся хитрыми и наглыми.

Он выходит из кухни и вскоре возвращается. В руке у него папка.

– Вот, ознакомься, – протягивает он мне лист бумаги.

Бумага пожелтевшая. Почерк знакомый.

«Командиру эскадрильи...

Объяснительная...

По факту полученного мною увечья – поломки 1-го (одного) рёбра – довожу до Вашего сведения, что вечером 23-го февраля 1978 года я зашёл в свою комнату и поскользнулся о незамеченную мною банановую кожуру, лежавшую на полу. В результате чего я упал и ударился спиной об острый угол кровати»...

Немая сцена. Так сказал бы классик.

Полупустое метро несёт меня на другой конец Москвы.

Вагон старается укачать меня.

Я закрываю глаза.

Я вижу Женьку с Левого Берега: на его мокром от праведных слёз лице отображены боль

за товарища и смелый вызов несправедливому устройству нашей жизни.

Вижу загадочную усмешку Жеки Белова и почти не вижу его глаз.

Вижу доброго Сашка, кладущего на мою тумбочку кусок сала...

...склонившегося надо мной курчавого командира...

...красотку-эфиопку, спешащую ко мне со шприцем...

...оскалившегося беднягу – майора...

– Чигир йелем, пеньки! Всё туруно! Шутка!

Продолжение следует.

Новиков Вячеслав Анатольевич

Родился в 1955 г. в Брянской области. Ранее детство провел в средней полосе России среди лесов (в основном, березовых и смешанных, но были и хвойные) и пчел (у бабушки была пасека). Среднее образование получил в средней школе № 25 г. Донецка, одной из самых средних в городе. В 1972 поступил на переводческое отделение факультета романо-германской филологии Харьковского государственного университета, которое закончил в 1977 году. После этого два года служил бортпереводчиком (была такая должность) в военно-транспортной авиации, летал в разные страны Африки и Азии: Эфиопию, Уганду, Ливию, Йемен, Афганистан и др.. Потом еще два года отслужил военным переводчиком в Эфиопии. После демобилизации работал в деканате по работе с иностранными студентами Харьковского политехнического института. В 1987 г. поступил на курсы переводчиков ООН при Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза и был зачислен в группу синхронистов, где проучился год. После сдачи основных экзаменов был направлен на работу в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Там проработал почти 20 лет, переводя синхронно с английского и французского на русский. В 2009 г. был переведен в отделение ООН в Вене, где работает по сей день.

1 Из песни Владимира Высоцкого

Алла Ходс

МЕТЕОР ДНЕВНОЙ

* * *

Весна, как метеор дневной, —
тебя не ждали.
Сегодня ты пришла за мной
из зыбкой дали.
Да не в платочке расписном,
а в пестрой маске
ты пролетела над мостом,
дракон из сказки.
Вот город-призрак.
Дремлют здесь
витрины, клумбы,
оград тускнеющая жесь.
Придут Колумбы.
Там каравелла иль корвет?..
Озноб спасений.
Вот-вот откроют новый свет
среди мглы весенней.

* * *

Не вылечит жара дневная жара.
И солнцепоклонникам жарко с утра.
Александра горячая хандра
вызывает ответное чувство.
Вот и жизнь скоро выгорит вся дотла.
На горе, где кудрявая муза жила, тоже пусто.
Эти мысли – безумство. Молчи, Александр!
Вот забрало тебе. Или лучше скафандр.
Как я рада, что ты ещё жив!
И, что рук не сложив, я тоже жива.
Что ж, мне легче – светлей моя голова,
не в смысле умнее, ну, просто светлей,

легкомыслия бабочки в ней.
Знаю, сушь охватила всю землю и мор,
Но ты помнишь последний наш разговор?..
Что ж так жарко, как будто жаровню раздул
повелитель мух Вельзевул!
Отвернись от его неземного огня.
Хочешь чаю? Нет? Значит, смотри на меня.
Просто смотри на меня.

* * *

Разве радость не в счёт?
Неизбытая боль?
Что теперь?
Миражи мироздания?
Изволь.
Летний свет. Лунный пляж.
Наслаждений мираж.
Глубина, пустота.
Все, что дождик с листа
находу прочитал.
Все, что взгляд твой усталый застал.

* * *

Марсианских камней
послежизненный вид.
(Кто законы сновиденья мне объяснит?)
Розоватых окошек
неверная весть.
Этот свет земляничный
у Бредбери есть.
Сквозь такие окошки легко бы смотреть,
хоть на что – хоть на жизнь, хоть на смерть.

* * *

Спасешься, подернется радость стыдом.
Стремнина бурлящая –
утренним льдом.
Страх за бесстрашных, к бездне влекомых,
старых приятелей и незнакомых.
В страхе подумать –
вслух не сказать.
Вздохом – унижить.
Страхом – связать.
И суеверно молчать о любимых,
спасшихся или судьбою гонимых.

* * *

Ты говоришь, что рамки
можно раздвинуть.
Но тогда в них войдёт
толстая леди
из детской книжки,
проглотившая паука, кошку,
корову и лошадь.
Даже странно,
что она ещё живая.
Не подходи к ней близко, —
может оказаться,
что она людоедка.
А между тем ты знаешь,
какая девственная стыдливость
и молочная нравственность
вдруг прорезываются на грани
страсти и безумья?
Расшаркиваясь огромной ножкой,
леди говорит,
что больше не будет.
Прикрыв опухшие веки,
представляет,
как пойдёт она
бочком, бочком,
обходя за версту все рамки,
и даже на муравья не наступит.
Как сядет на траву,
но не будет есть завтрак,
состоящий из твоего великодушия и заботы,
а нарвёт одуванчиков букетик,
не тех, которые сами себя высевают,
а тех, что ещё не поседали, —
ведь рано подводить итоги
осознавшей свою вину людоедке.
Отёкшая Офелия наденет веночек
и тонким голосом споёт
о своей любви неизбывной.

* * *

Коль разжег во мне, Господи, свой костер,
поддержи его!
Как угля пылают и краски горят в небесах!
Сколько ярости в мире прекрасного —
алых лент, фиолетовых
в лунных Твоих волосах!
Все костры, что возжёт, поддержи!
Даже греться под грудой валежника
хорошо в темноте
и бессмертные искры хватать.
Не покинь ни раба своего, ни мятежника,
ни того, кто глаза замороженно
от огня не может поднять.

* * *

Вечером — проблески света.
Утром — тени деревьев.
Несвоевременна радость.
Неутолима печаль.

Но неожиданность встречи
радости и печали —
в полдень слишком пугает,
к полночи как-то бодрит.

Алла Ходос родилась и выросла в Минске.
Автор нескольких книг стихов и прозы. Создатель
литпроектов "Образы жизни. Международный
литературный альманах" (Совместно с Мариной
Золотаревской. 2010-2018) и "Ниша" 2022 г.
Публиковалась в российских и американских
изданиях "День и ночь", "Дети Ра", "Зинзивер",
"Дружба народов", "Футурум-арт", "Араксин-
блюз", "Terra Nova", "Литературные известия",
"Образы жизни", на литературных сайтах
"Интерлит" и "45 параллель". В 2021 году в
издательстве "Стеклограф" вышла книга стихов
А. Ходос "Летучий Сан-Франциско", которую
можно заказать на сайте издательства.
Электронная почта: ahodo2002@yahoo.com

По воскресеньям в магазине яблоку негде было упасть. Если бы какая-то непонятная сила вытолкнула яблоко из ячеистой коробки, стоявшей на самой вершине пирамиды, оно упало бы в чью-нибудь тележку, где уже находилось несколько свертков и пара ребятишек. Кроме яблок и лимонов в магазине наличествовали и другие товары: банки с медом, мешочки с крупой, соленая рыба, холодильники и дополнительные изделия. В государстве Светонь давно все необходимое есть, а чего не надо, того нет. Трогать и пробовать воспрещается, да и зачем, яблоко всегда будет яблоком, а рыба не превратится в птицу. Хорошо упакованные товары стоят друг на друге, образуя красивые арки, пирамиды, мосты и дворцы, чтобы глаз радовался, а душа гордилась. И закалялась, — ведь не все можно купить сразу. Мешок с мукой — раз в три года. Банку с медом — только на свадьбу. Холодильник, когда родится второй ребенок.

Эхо старалась никого не задеть тележкой. В последнее время она стала осторожной: ведь сердце её умирало. Эхо же при этом оставалась живой; может быть, даже когда её сердце совсем умолкнет, она, как человек долга, останется.

А ведь ещё недавно ей нравилось бывать в магазине. Она часто придумывала себе будущее с кем-нибудь из встреченных мимоходом.

Подвал магазина был разделен на пригодные для жилья отсеки занавесками и, для дополнительной изоляции, одеялами. Каждой светонской семье полагалось необходимое количество бесплатных одеял — по одному на каждого члена семьи, а значит — достаточно плотное уединенье. Люди, спящие вместе, могли использовать второе одеяло, чтобы лучше отгородиться. С наступлением темноты над кроватями в полсилы горели лампочки, но и без них света хватало: в сумерках глаза всех жителей светились синим светом, напоминавшем газовый. Эхо закутывалась с головой в оба свои одеяла, ведь соседи слева и справа вешали свои, темно-серые. Это, конечно, не спасало от нечаянных голосов и неизбежных микробов. Микробы со временем теряют свою силу, и что о них беспокоиться, а вот людские разговоры или негромкие возгласы будят мысли. Обычно, сочувственные и добрые. Но иногда — иные. Дело в том, что порой из дальнего отсека доносится сдавленный стон. Это — задушенный крик. Кричать в общезжитии запрещено, а если кто и пытается, то любой

находящийся рядом человек обязан закрыть рот кричащего рукой. Человек продолжает дышать носом, и голос его постепенно стихает. Он ведь может в тихом, даже беззвучном плаче излить свое горе, никого зря не обеспокоив. Однако бывали несчастные случаи — люди умирали будто назло: кричать для них оказывалось важнее, чем дышать.

Угадав в глухом стоне задушенный крик, Эхо убаюкивала себя бесшумным плачем. Вот если бы всхлипнуть чуть громче, чтобы кричащий понял: кто-то горюет из-за него! Но возможно, умирающему было бы только хуже: он бы переживал за нее перед тем, как умереть. Ведь светочи учили: те, кто жили-поживали, — обретали счастье, а те, которые жили-переживали, — получали смерть.

Ночные крики контролировать было непросто. Контролеры нередко дремали. В спальнях висели плакатики: «Ты сам — свой главный контролер». Или: «Контролируй ближнего, как себя самого». Или же: «Контролируй себя самого, как ближнего своего». Обычно, сразу три плакатика. Крепкий сон был обеспечен тому, кто, засыпая, неотрывно читал их перед тем, как уснуть. Некоторые светонцы имели склонность кричать во сне; и потом поди докажи, что у тебя вырвался бессознательный крик. Тем, кто знал за собой такую слабость, приходилось спать в звукопоглощающих намордниках.

Эхо, сколько могла, отгоняла сон. Слушая стоны и храп людей, припавших друг к другу, монотонные мольбы об излечении и плач детей на тюфячках, устилавших днища магазинных тележек, она думала, что тоже когда-нибудь припадет к плечу достойного человека и вдвоем они смогут пройти сквозь жизнь. И даже еще кого-нибудь родить и кому-нибудь помочь. Редко, но все же случалось, что иной светонец радостно лопотал или смеялся во сне, и тогда Эхо думала: пока и так хорошо, за одеялами — мир.

Однажды до ее слуха донёлся совсем близкий шепот.

— Я весь день думал о тебе, Лин, и не заметил, как перевыполнил норму по сборке всеслышащих ушей.

— А я — наоборот... Как подумаю о тебе, Рон, так на миг и перестану работать! А сколько таких миггов! В результате — невыполнила план по изготовлению бомбин...

Рон негромко вскрикнул: ведь каждый знал, что случается с теми, кто не сделает норму. И сразу послышалось глухое стенанье: видимо, Лин закрыла его рот ладошкой. И, наконец, чмокание: он поцеловал

вал ее ладонь.

— Да, меня заставили отжиматься от пола, — прошептала Лин. — Но светоч попался хороший, не считал. Как увидел, что мне не вмоготу, махнул рукой, мол, вставай, пока старший светоч не пожаловал и — быстренько на рабочее место. Я в перерыв доделала норму.

Оба вздохнули, и Эхо тоже перевела дух. Некоторое время было слышно только их дыхание. Устав сочувствовать и беспокоиться, Эхо засыпала.

Это стало повторяться каждую ночь. Нырять под одеяло, Эхо улыбалась в темноте, радуясь за соседей, живущих слева от нее. «Ну хватит уже вам обниматься, — наконец, мысленно советовала она. — А то еще норму завтра не сможете выполнить». Последнее время сама она работала очень быстро и качественно: ее даже наградили атласным желтым цветком, который следовало носить на груди. А по выходным было принято вставлять цветок в прическу. В новом бумажном бледно-лимонном платице, с тонко вырезанным цветком в коротких волосах, Эхо всматривалась в строгие утомленные лица соотечественников: наверное, и у них имелась самая тайная тайна. Гуляя в Парке скульптуры и отдыха, Эхо и себя ощущала в центре пересечения внимательных взглядов. Весна выдалась теплая; ветерок, освежая, не мешал рассеянными лучами прогревать отдыхающих.

В тесноте, да не в обиде, и в отсутствие войны светонцы спокойно жили под руководством светочей. Дни трудящихся заполнялись работой. Ведь человек создан для работы, как рыба для плавания. Как молчаливая рыба для долгого подводного плавания. Трудовая деятельность обычно продолжалась и после десятичасовой смены: из просторных цехов люди переходили в светлые мастерские и там на досуге ваяли фигурки светочей и отличившихся на работе граждан. Лучшие произведения выставлялись в Парке.

Светонцы создавали прочные предметы посуды, мебели, несгораемые холодильники, а также изготавливали одноразовые товары для личного отдыха. Бумажные женские платица и мужские блестящие куртки из клеенки вечером в выходной складывались в контейнер для переработки, чтобы через недельку-другую превратиться в новую одежду, тарелки и скатерти. Эхо и ее соседи слева трудились на предприятии, выпускавшем мелкие приборы для переговоров, стрельбы или слежки, которым, из уважения к традициям, присваивались старинные названия. Девушке хотелось бы узнать происхождение

этих красивых названий, но тренеры рекомендовали не проявлять излишней любознательности. Военные приборы изготавливались для нужд обороны, а бытовые еще и для соседнего государства Магонь: с ним на десять лет было заключено перемирие.

Но изнеживающая жизнь Магони брала свое. В свободное время магонцы предавались трем порокам: фантазированию, любовному авантюризму и обжорству. Светочи говорили, что теоретически каждый разросшийся порок мог бы уничтожить их как нацию, и тогда в войне не было бы необходимости. Но если этого не случится, лет эдак через десять, война неизбежна. Главное, быть начеку. Говорить о Магони разрешалось только светочам. На занятиях по развитию прозорливости они рассказывали, что каждый день после работы магонцы возвращаются в свой отдельный огромный отсек. Два дня в неделю эти рабы вещей убирают его и чистят, — ведь полы присыпаны мукой, захламлены упаковочным материалом и вповалку лежащими книгами....

Услышав слово Магонь в разговоре соседей, Эхо ахнула и в испуге сама закрыла себе рот ладошкой. Рой, волнуясь, говорил о том, что в будние дни магонцы возвращаются с работы засветло и не только безрассудно тратят время на вечеринки и перебранки, но еще и читают. Об этом Эхо тоже уже слышала от светочей. Они регулярно обличали книжки, в которых все придумано. Но придумано так хорошо, что можно навсегда позабыть настоящую жизнь. Действие этих книжек подобно опиуму. В Магони дрёмпартия одержала верх, и жителям дозволено себя одурять разными способами. Если ум светонца чист и прозрачен, то разум магонца безнадежно замутнен. Даже слово «самозабвение» значит там нечто хорошее. «Люблю тебя самозабвенно» — так говорят влюбленные перед окольцеванием. Сначала кружатся в брачном танце, потом порхают, как птицы, где хотят. Глядишь, через пару лет, колечко сдано в золотом, а самозабвенные готовы к новым отношениям.

Эхо встревожилась не на шутку, услышав, что разговоры за темно-серым одеялом слева приобретают опасный оборот. Ей больше не хотелось слышать соседей. Она закрывала уши руками и шептала: «Перестаньте, перестаньте!» Ведь могло оказаться, что этих двоих слышит не она одна.

Но другие соседи спали крепко. Это было удивительным везеньем, которое могло оборваться в любой момент.

До сих пор в жизни Эхо все плавно длилось.

Сначала усиление трудоспособности, потом сознательная и плодотворная работа. Привычные, как повторяющиеся сны, воскресные прогулки, закупка продуктов на неделю и ожидание счастливой встречи.

И вдруг сама судьба взялась нашептывать на ушко девушке манящие сказки. Будто не сумев предложить насущного, она дарила Эхо опасный избыток, ставший ее единственным сокровищем. От недосыпания и беспокойства Эхо сделалась похожа на пугало магонизма, — с таким светонцы ходили на демонстрацию в праздник весны и труда. Сходство достигалось висевшей, как на палке, одеждой и цветком в волосах. Правда, у иностранного пугала в соломенных волосах был голубой цветок.

С цветком вскоре пришлось распрощаться: Эхо теперь с трудом могла выполнить норму. Прежде она нет-нет, да и выкраивала минуту, чтобы хоть немного подумать К примеру, о том, в какой степени собранные ею изделия могут улучшить жизнь и безопасность людей. Теперь мысли приходили и днем, и ночью. Новые, непрошенные. Иногда она боялась, что может вслух произнести что-нибудь страшное.

Однажды вечером, повесив плотное рабочее платье на перегородку, Эхо взяла бумагу и, надеясь разобраться с этими мыслями, начала их записывать. Записи получались отрывочные. Р. и Л.

Возможно ли переселение? Предупредив, не напугать. Все равно ничего нельзя сделать. Ничего не надо делать? Может, это не планы, а мечты?! План рожден для воплощения... Возмечтал — не жди спасенья. Мечта — запретный плод — гнилой, червивый, ядовитый. Поэтому — запретный. Неправда. Он созрел в тиши. Он сладок.

Вот было раньше отраднo — всех любить. Так равномерно, что почти неощутимо.

Эхо вставала и начинала ходить вдоль койки: три шага вперед, три шага назад. Ее ли это сомнения? Ясно было лишь то, что они не свойственны другим светонцам. Они созрели вдали от всеслышащих ушей, от бомбин, от приседаний и отжиманий за несделанную норму, от тонких занавесок, от бумажных платьев, от всего, от всего. И страшно было подумать, что можно сжиться с ними. Предаться им — значило предать. Родину предать! От долга уехать!.. — Мысль мелькнет — и позабудешь, — утешала себя Эхо. — Жизнь скользнет — и не заметишь. А ежели в отсеке, со стенами и дверью?.. Потом на улицу — бесстрашно разговаривать. Потом вернуться в отсек, снова плотно закрыть дверь и чи-

тать до одурения. Ничего, что чтение уводит в дебри. Там растут вечнозеленые деревья. На них можно делать памятные насечки — чтобы вернуться. Это сейчас она — будто потерянная. Потому что мало знает. Зато кое-что уже слышит.

Вместо того, чтобы на ночь читать плакаты, Эхо теперь каждый вечер записывала мысли и сомнения, а на полях рисовала предметы из своих снов: летящие в тишине летнего утра бомбины, вставленные в дупла деревьев Парка скульптуры и отдыха всеслышащие уши, раскачивающиеся на ветру пустые виселицы.

* * *

Ночь выдалась душная, не оттого ли Эхо проснулась в поту? Сев на кровати, она чуть было не закричала. Перед ней стояли двое: высокий юноша и девушка, переступавшая с ноги на ногу от застенчивости. Рон убрал руку с плеча Эхо. «Простите, я вас разбудил, — сказал он. — Вы кричали во сне». Эхо замерла от страха и удивленья. «Но где же намордник?» — воскликнула она, забыв поблагодарить юношу. «Он не понадобился, — улыбнувшись, сказал молодой человек, — достаточно было прикоснуться к вашему плечу». — При этом он посмотрел вопросительно на свою спутницу. Лин зарумянилась, помотала головой, затем согласно кивнула и тоже улынулась.

«Мы надеемся, больше никто не проснулся...», — добавил Рон.

«Все тихо», — подтвердила Лин. Ноздри молодого человека раздувались: он спешил вдыхать воздух. Кажется, он был очень красив. Но Эхо и не думала его рассматривать. Зато она решила рассмотреть быстроглазую Лин, чьи движения и улыбки были неожиданны и от этого казалось, что смелы. Она тоже очень понравилась Эхо.

— Друзья, — шептала Эхо, вытирая глаза ладошкой, когда соседи ушли...

Она навестила их перед выходным, в личницу, захватив с собой тетрадку с тревожными мыслями. В этот вечер усталые светонцы не ходят в мастерские после работы. Тихо сидят или беседуют, наслаждаясь личным временем.

Когда Рон заметил, что кто-то стоит у порога, он потупил голову. По обычаю их страны хозяин должен был не глядя приветствовать каждого вошедшего, а потом уже принимать решения и меры. — А-а, это вы, соседка, — наконец, сказал он приветливо. — Лин немного задерживается. — Ничего, я подо-

жду, — поспешно сказала Эхо. — Или нет, не подожду. — Вы присядьте! — сказал Рон. Эхо отчаянно замотала головой.

— Сегодня на уроке развития прозорливости нам говорили о государстве Магонь, — прошептала она.

— Да, нам тоже, — ответил Рон учтиво. — Вам нужны конспекты?

— Нет, — ответила Эхо. — У меня есть свои мысли... Странные. Вот, вы можете прочесть, — и она положила тетрадь на освободившуюся табуретку... Я все знаю, — тихо добавила она.

— Я тоже много знаю об этом предмете, — сказал Рой, нечаянно взглянув в глаза девушке. Усердное развитие прозорливости усиливало блеск глаз светонцев; взоры горели в сумерках, освещая помещение домочадцам или дорогу пешеходам. Прямой и длительный взгляд мог быть опасен. Он ослеплял. Взгляд Рона был короток, но невыносимо ярко. Он вызвал жгучие слезы на глазах девушки.

— Рон, — сказала Эхо, — вы и Лин — такие... — Разные слова пронеслись в уме: ... умные... смелые... особенные... Но светочи учили, что, надеясь положительными чертами себе подобных, ты заслоняешь тех, кто неизмеримо мудрее. Не закончив фразы, она прошептала: — А между вами двумя и всеми остальными только одеяло и занавеска.

Быстро темнело. Эхо думала, что надо уйти: пусть они поужинают, отдохнут и вдвоем прочитают ее записки. В этот момент послышалось шуршание, и оба ринулись навстречу запаздывающей Лин. Но это была не она. Короткопалая рука, вся в буграх и жилах, отдернула занавеску, одеяло и схватила тетрадь с табуретки. На мгновение показалось лобастое лицо. Под навесом лба глаза горели: их невыносимый газовый свет заставил Рона и Эхо зажмуриться.

Эхо попыталась закричать, но вторая бугристая рука зажала ей нос и рот. Рон сильно ударил по этой руке, но Эхо уже опускалась на пол.

Она не знала, как оказалась в своей кровати. Проснулась утром, в выходной. Тело было тяжелым и слабым. — Лечили или убивали? — вяло подумала она и снова уснула. Когда проснулась опять, тяжесть в теле не прошла, и душа казалась оглушенной. Но в комнате было просторнее и чуть светлее, чем всегда; на миг Эхо показалось, что ее ждет что-то хорошее. И тут она увидела, что нет ни занавески, ни одеяла. Соседский отсек был пуст.

* * *

По выходным Эхо старалась бывать на людях. Подолгу задерживалась в магазине. Тележки, которые порой задевали ее, напоминали ей, что она еще живая. Прошел месяц с того дня, когда по ее вине исчезли друзья. Эхо все старалась представить, где они теперь. Тихо спят на общем кладбище или мучительно дремлют в тюрьме? Ей, наверное, следовало бы пойти и лечь в общую открытую могилу для решивших умереть предателей. Но ведь она была предателем невольным. Таких и судят бесшумно. Может быть, ей бы стоило дожидаться того дня, когда ее судьбу решат за неё. Ведь на это существуют светочи, вершители судеб. Они всегда приходят вовремя, но никогда не спешат. Пусть человек сначала казнит себя сам, в своем сердце, ведь в тюрьме его сознание замутится. Неделя, месяц или даже два месяца — Эхо не знала, сколько еще времени ей отпущено. Итак, у неё был выбор: открытая могила или закрытый судебный процесс. Пока же ей было показано лечение от крика во сне — сон в наморднике.

Но, может быть, Рон и Лин успели переместиться в Магонь? Существует ли мгновенный секретный способ перемещения? Иногда Эхо представляла картины магонской жизни так явственно, что ей начинало казаться, будто единственно силой мысли можно перенестись туда. Казалось, она видит каких-то толстых счастливых людей, гуляющих под огромными лиственными или мягкохвойными деревьями или сидящих неподвижно в просторных светлых комнатах с книгами на коленях. После работы люди целовались, хохотали или рыдали навзрыд, и это ей не казалось неприличным; иногда они куда-то надолго исчезали, она знала: это называлось отпуск. Возвращались, не поймешь, вроде прежние, да не совсем. Умиротворенные, похудевшие, смуглые. На работе снова работали, в основном что-то печатают: быстро ударяли по клавишам, будто целый день играли музыку, просто так, для себя. Некоторые трудились на свежем воздухе: строили дома или выращивали пищу; их голоса были сочны, как зрелые фрукты, висевшие у них над головой.

Эхо шла по широкой улице, не боясь никого задеть. Все было впервые. Даже то, что казалось знакомым, приобретало новые черты. Утром ее будил мелодичный звон будильника, вечером, перед сном, вместо плаката был экран визора. Репортажей из Светони не показывали. Она склонялась головой на плечо Рона.

— Лин, — говорил он ей, — жива ли Эхо?

— Жива ли Эхо? — вздыхала Лин.

Валерий Черешня

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ЛЕС

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ЛЕС

Взбираясь на холмы
цепочкою деревьев,
окрестность нам умы
вправляет, как умеет:

носи, как носим мы,
невинный глянец листьев,
терпи, как терпим мы,
холодных ветров свисты.

Цепляясь за подзол
корявыми корнями,
наращивая ствол
непешными слоями,

исколоты дождём,
всем воздухом горбаты,
по кромке туч плывём
в косматые закаты,

мы пьём их долгий свет,
сшивающий столетья,
и смерти смотрим вслед,
стареющие дети,

без страха и тоски
(не то, что ваши люди),
до гробовой доски,
которой мы и будем.

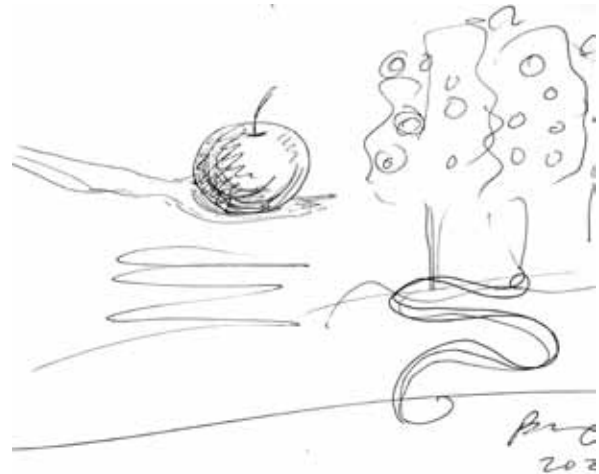
НАЗОЙЛИВЫЕ РИФМЫ

Когда стряслась с ним эта страсть
и женщина разверзла пасть
ту самую, и время пасть
на ложе и его сотрясть,

он слышал всё: пружинный скрип
и законный шелест лип,
и чайника свисток осип,
пока случался этот слип,

пока с дурным упорством сна
пыталась вжаться плоть одна
в другую, чтоб дойти до дна,
где маленькая смерть видна,

а разлепившись, встретить взгляд,
с которым страсть уходит в ад,
в тот перевозданный дикий сад,
где древний змей резвиться рад.

ПЕСЕНКА

Нищета въедается в поры,
человек становится горем,
рассуждает: куда ни двинусь –
всюду минус
или хуже того – пустыня:
там живое желание стынет
в зимнем свете звезды железной
с диким именем «бесполезно».

Всё мечусь, он думает, тужусь,
умножаю терпенье на ужас,
может, правильной плыть по теченью
в лёгкой лодке с улыбочивой ленью?
На открытье новых америк
не рассчитывай, ткнувшись в берег
и пейзаж разглядев поближе,
узнаёшь: всё тот же, но жиже.

Так всегда с запоздавшим открытием:
сколько можно плавать в корыте
узких чувств и длинного тела, –
надоело?
Ну, тогда снимай оперенье
лишних слов и лети в селенья,
где ни страха, ни горя, ни пыли,
лишь счастливое жили–были.

СОН

Я проснулся, а тело – труп.
Как живому принять такое?
Что-то вьётся у мёртвых губ
то ли доброе, то ли злое,

то ли просто пришла пора
помолчать, если песенка спета...
Жизнь-дурёха орёт со двора,
догола страстями раздета,

а у губ её раструб труб
всех цветов, цветущих бесстыдно,
и мотив её прост и груб:

ты проснулся, а тело – труп,
разве это не очевидно?

Сон лукавит: я снюсь сейчас,
а потом всё будет, как прежде,
сны даются тебе про запас,
чтобы меньше плутать невежде

в том глухом захаронном краю,
где лишь тени летят крылаты,
я в них образы узнаю,
что вслепую любил когда-то.

И совсем мне, совсем не люб
этот сон с тревожной подкладкой,
где проснёшься, а тело – труп,
и не знаешь, где сон, где правда.

* * *

когда не в радость явь
раскрась её вином
и в «записной» оставь
пометочку о нём
чтоб в следующий раз
когда найдёт хандра
не перепутать название вина
но сможет ли опять
помочь тебе вино
когда поймёшь что спятил ты уже давно

* * *

Конец года. Люди гонятся за календарями –
заулыбить актёром стену и знать число.
Наша эпоха глянцевыми зубами
будущим скалится откровенно и зло.

Мне оно ясно и трепета не вызывает:
буду жив – буду вставать рано,
идти на работу (пёс лает, звезда тает),
засыпать в электричке, кивая китайским бол-
ваном.

Всё это – счастье, как уверяет поэт Кушнер.
Может и так, кто его знает каково оно
в дни, когда всё нестерпимо скучно,
кроме близлежащего лона,

с его настойчивым повтореньем
взятого у первовселенной пыла,
с его неистощимым терпеньем
в сотворении новой грядущей силы,

растворённой в паузах, в промежутках, в быте,
спрятанной, как всё великое, в тень...

А на сцену лезет История –
бесноватая шлюха событий,
истасканная всеми, кому не лень.

*По этой ссылке
можно бесплатно
скачать
электронную
версию и купить
бумажную:*

https://ridero.ru/books/uznavanie/?fbclid=IwAR3P_yMMdydrUxmWF-nkkG9dNg1QGzm4CwSFY_as34lmZnmsN_NIcjBbbE

СОМНЕНИЕ

Хорошо родиться собакой в Америке,
плохо родиться человеком в Африке...
Но это, если знать, как живётся собакам
в Америке,
а не зная, хорошо родиться человеком
и в Африке,
если, конечно, ты не тутси,
которых режут хуту,
или как-то наоборот,
но, ведь, и в Америке большая собака
может ненароком загрызть маленькую...

Так что, уж и не знаю,
где и кем хорошо родиться.

ХАЙДЕГГЕР

Хайдеггер? Выскрёбывали дно
слов и поступков, дневников и лекций...
Да, он оказался антисемитом. А заодно
антибританцем, антиамериканцем
и даже антинемцем.

Станешь тут «анти» с этим
человеческим племенем,
забывшим суть, обожествившим дизайн...
Да горит оно огнём в очистительном пламени,
разожжённом такими же выродками. Dasein¹.

Так вопит и проклинает, корчится и плавится,
на кресте своей мысли распятое «Я»,
нарекая евреем мир, который ему не нравится,
становясь антисемитом бытия.

¹ Dasein – произносится «дазайн», основной термин философии Хайдеггера, переводится разными переводчиками, как «присутствие», «здесь-бытие», т.е. бытие, проживаемое человеком в его полноте здесь и сейчас.

Валерий Черешня

ТРИ ЭТЮДА О ТВОРЧЕСТВЕ ПАСТЕРНАКА

1.

Помню, как впервые наткнулся на стихи Пастернака в возрасте 13-14 лет – попалась машинописная копия с чудовищными опечатками: «так некогда шопсы вложил / живое чудо / фольварков, парков, роц, могил / в свои этюды». Кто бы ни был этот фантастический «шопсы», я сразу почувствовал энергию и свежесть высказывания, его первородство. В том смысле, что между словом и тем, о чем оно говорит, как бы не было зазора, слово не описывало, а оборачивалось «грехами и погонями», о которых так взволнованно говорится чуть раньше в этом же стихотворении.

Я сразу понял, что передо мной не учитель жизни, а её любовник, который умеет своим чувством заразить свидетеля-читателя. И, как в образе любимой, чудесно перемешаны и волнуют внешность, привычные жесты, особенности речи и одежды, так и Пастернаку в любимой Жизни одинаково дороги и совмещены мельчайшие приметы быта и взлёты бытия. И вот, самолёт, одолевающий пространство, становится меткой на белье, а «подушка мокрая» предвестницей и залогом бессмертия. С таким устройством души, пройдя которую, все предметы, чувства, события выходят омытыми, укрупнёнными и словно впервые названными, я раньше не встречался. А поскольку попались мне сначала поздние стихи, поражало ещё и то, что достигается всё это простыми и ясными средствами, без невнятицы и захлёба, казалось бы, неизбежных при таком накале страсти.

Стороннему наблюдателю влюблённость часто бывает смешна. Правда, в смехе этом есть что-то нечистое, изрядная доля зависти проскальзывает в этой якобы умудрённости. Пастернаку удалось все смешные и нелепые моменты влюблённости оставить в биографии (чего стоит эпизод примерки на влюблённую Цветаеву пальто для любимой тогда Зинаиды), но в слове его страсть обретает настолько стремительную и неожиданную грацию, точно мы наблюдаем сцену погони тигра за ланью, в которой хищник может промахнуться, но

не может казаться смешным. Даже пресловутое «но ты прекрасна без извилин» мгновенно корректируется в нашем восприятии следующими двумя строками «и прелести твоей секрет / разгадке жизни равносilen», в них замечательная двусмыслица слова «прелести», раскатанным звуком «р» словно в тройном прыжке взлетает на открытых гласных «е» – «и», отталкивается от промежуточных «секрет» и «разгадке» (переходя от взлетающих «ре» к утвердительным «ра») и окончательно приземляется в последнем «равносilen».

Эта звуковая партитура, позволяющая чувственному ощущению без потерь отлиться в библейской силы высказывание, будет всегда изумлять в Пастернаке. Скажу осторожнее, пока кардинально не изменится чувство русского языка и способность различать в сказанном на этом языке живое ощущение от банальной мысли. Но и тогда, сквозь все «приколы» изменившегося языка, чуткий читатель, надеюсь, сумеет уловить в поэзии Пастернака влюбленный лепет донны Анны, обольщаемой Дон Жуаном - Жизнью (не зря Пастернак так пленён именно женской судьбой; роль женщины, рождённой влюблять и влюбляться одна кажется ему равновеликой жизни, почти её синонимом: «быть женщиной – великий шаг / сводить с ума – героизм»). Улавливаем же мы обиду и ревность в стихах Катулла и Овидия, изобразительную мощь и ярость Данте даже в переводах, – никуда не денется и уникальное переживание гениальности жизни, явленное нам в поэзии Пастернака.

2.

ДВА «ГАМЛЕТА»

Интересно сравнить «Гамлет» Шекспира с пастернаковской трактовкой этого образа в одноимённом стихотворении. Есть ли в шекспировской пьесе основания для сближения образов Гамлета и Христа, как это сделал Пастернак, – в пьесе, повествующей, на первый взгляд, о муках человека, одержимого жаждой мщения, чувством отнюдь не христианским?

Перед Гамлетом Призрак открывает картину мира, в котором невозможно существовать, в котором брат убивает брата, а жена изменяет с убий-

цей. Если прежде Гамлету, как любому умному человеку, было очевидно, что мир устроен не лучшим образом, то теперь жизнь по принятым в этом мире правилам становится вовсе невыносимой. Диагноз поставлен, в разных переводах он звучит так: «Век вывихнул сустав...», «Порвалась дней связующая нить...». И если есть какой-то смысл в этой жизни, то это – попытаться восстановить поправленную справедливость. В том, что именно он призван вправить вывих века, Гамлет поначалу не сомневается, вокруг просто нет никого, кто мог бы разделить с ним это бремя; вспомним, с каким нежным превосходством он разговаривает с Горацио, единственным другом, которому он позволяет быть всего лишь свидетелем. Запомним это пронзительное одиночество Гамлета, оно откликнется в пастернаковском стихе.

Вначале Гамлет не сомневается и в том, как восстановить справедливость. Отомстить. Убить преступника. Убедившись в сцене "мышеловки", что слова Призрака не дьявольские козни, Гамлет тут же получает возможность действовать. Он входит в покои, когда Король молится. И тут выясняется, что не всё так просто. Гамлет достаточно глубок, чтобы понять, что молящийся Клавдий совсем не тот Клавдий, который убил брата. Преступление совершено в определённых обстоятельствах, возмездие настигает преступника в другое время и в других обстоятельствах; оно настигает, можно сказать, другого человека, является ли оно при этом возмездием? Ткань бытия, прорванную в одном месте, не залатать прорывом в другом. Так возникает основная тема: что такое месть и возможна ли она вообще?

Вторая попытка отомстить также кончается крахом – вместо Короля убит соглядатай, жалкий и угодливый Полоний. Гамлет промахивается. И промах этот неизбежен, поскольку месть, оказывается, ещё и ошибка. Предназначенная одному, она поражает другого, умножая несчастья и несчастных (Офелия, Лаэрт). Так развивается тема. И, наконец, в финале Гамлет, потрясенный расчётливым и избыточным коварством Клавдия (отравленные шпага и вино) с возгласом: «отравленная сталь, ступай по назначенью» убивает Короля. Но и здесь убийство предстаёт как непосредственная

реакция на коварство противника, а не осуществление давно задуманной мести. Человек может всего лишь убить, возмездие если и вершится, то на другом уровне, вовлекая всех участников трагедии.

В итоге, самым действием, порядком событий, «силой вещей», как говорил Пушкин, мы подведены к выводу, что месть, как осознанное деяние, вообще неосуществима, и нам припоминаются слова другого персонажа, не значащегося в списке действующих лиц, но не зря, как мы теперь видим, почти слившегося у Пастернака с образом Гамлета. Слова эти: «Мне отмщение и Аз воздам».

Таким образом, Гамлет, в отличие, скажем, от Лаэрта, для которого месть остается простым убийством виновника преступления, что вызывает понятное презрение Гамлета к его подростковой незрелости, проходит в пьесе серьезный духовный путь, который вплотную подводит его к образу его двойника из пастернаковского стихотворения.

Стоит построчно посмотреть четырехстрочный космос пастернаковского "Гамлета".

Гул затих. Я вышел на подмошки.

Сразу даётся рама – сцена. Конечно, это всемирная сцена, но и обычный театральный зал. Эти два плана всё время будут взаимодействовать в стихе: безбрежность духовного события и конкретность, обрамленность одинокой человеческой жизни, её томления и тоски. Проследим, как перекликаются эти планы, отменяя друг друга, давая силу и глубину образу:

Прислонясь к дверному косяку,

Еще одна рама (дверной проём), рама в раме, но в неё вписан человек с удивительно знакомым жестом вдумчивой усталости. Это остановленный миг созерцания, обращение к своему провидческому дару:

*Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.*

Этот отголосок – несомненно, будущей судьбы, но

в нём есть и отзвук гула зрительного зала, подготовка к следующим двум строчкам:

*На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.*

Второе в стихе упоминание о зрителях (первое: «гул затих»). Драма идёт на виду, и как бы герой ни был захвачен её глубиной и серьёзностью, на краю сознания всегда присутствуют зрители, присутствуют с вечной своей враждебностью и любопытством к чужому духу и плоти – «наставлен сумрак ночи». «Тысячью биноклей на оси» – пронзительный, острый вскрик слова «оси», как булавка боли, на которую насажен мир и Гамлет-Христос, и чувственно подготавливает моление о Чаше в следующих строчках:

*Если только можно, авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.*

Итак, на сцене не просто Гамлет, а Гамлет-Христос. Причём, Гамлет в высшей точке своего бытия, когда ему с божественной решимостью нужно разрешить судьбу свою и близких, а Христос в самой человеческой точке своей судьбы, в молении о Чаше. Но оба в час сомнений и томления. И всё же, что общего между Гамлетом, проникнутым идеей мщениия и чистой жертвенностью Иисуса? Кроме того, о чём говорилось выше, еще и решимость на «гибельный шаг» ради всего, что есть, ради открывшейся им картины Замысла, которому можно только, любя, покориться:

*Я люблю Твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.*

Собственно: не моя, а Твоя воля пусть будет. А вот следующие строки:

*Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь*

конечно, можно понимать буквально, как переход от драмы шекспировой к страстям Христовым, но

при неразрывной слитности этих образов в пространстве стихотворения такое толкование сомнительно. Мне слышится здесь вскрик личного, особого, нежелание (при всей любви и восхищении им) быть втиснутым в мировой закон. *Моя судьба, моя драма* они всё-таки особые, другие. Без этой ноты протеста не так мощно и торжественно прозвучала бы тема побеждающего рока и отчаяния, контрастирующего со смирением предыдущих строк:

Но продуман распорядок действий

(последний отголосок театра, после чего театр исчезает, сцена раздвигается до общемировой):

*И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.*

Чем же можно без фальши и слабости окончить стихотворение, в котором создано напряжение между духовными вершинами двух тысячелетий и глухо присутствующей толпой, чьё косное бытие таинственно совпадает с Замыслом, перед которым склоняются Иисус и Гамлет? И вот, оно кончается отголоском того гула, которым начинается, таким простым, всем знакомым, неумирающим и тоже прошедшим сквозь века – народной поговоркой:

Жизнь прожить – не поле перейти.

3.

АВГУСТ (СИМФОНИЯ ГЛАСНЫХ).

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.
Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.*

*Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.
И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.
С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.
В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.
Был всеми ощущим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:
«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.
Прощайте, годы безвременницы,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сражения.
Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.*

Не устаёшь удивляться гениальной оркестровке этого стихотворения. Всё оно сделано на открытых «о» и «а», несущих тебя от первой до последней строки. Первая строфа – образец этой филигранной оркестровки: начиная с широкого деепричастного оборота, чьё «а» долго звучит затихающим камертоном «не обманывая», в катящихся «о» второй строки «проникло солнце утром рано» есть это вкрадчивое и неотвратимое движение света, и оно

подтверждается открытыми «о» следующей строки: «косою полосой шафрановою». А завершается эта сюита широким мазком открытых «а», заливших светом комнату «от занавеси до дивана».

Вторая и третья строфа – подтверждение того же приёма; во второй строфе те же «о» продолжают свою солнечно-живописную работу, в третьей – инерция этого движения захватывает и внутренний мир: «я вспомнил по какому поводу». И так продолжается до конца четвёртой строфы: «шестое августа по старому, Преображение Господне», где «о» прекращают свой бег и, словно в зените, останавливаются в безбрежности слова «Преображение» и окончательности слова «Господне».

Следующая строфа перекликается с первой; свет солнечный, проникающий в комнату, и свет фаворский, преображающий жизнь и утверждающий начало осени, даны тем же широким «а» («пламени – знаменье») и уже усмирённым «о» («обыкновенно», «осень», «Фавора – взоры»). Следующие две строфы оркестрованы поочередно вертикальными «и», когда нужно создать ощущение движения по лесной тропе, с ее цепляющими ветвями кустов и высокими соснами («И вы прошли сквозь мелкий, нищенский», «в имбирно-красный лес кладбищенский», «с притихшими его вершинами») и горизонтальными «о» и «а», создающими ощущение простора и торжественности («соседствовало небо важно», «перекликалась даль протяжно»).

И вновь застывшие «о» в строфе-паузе, перед последним взлётом, уже нестрашные после Фаворского Преображения: «стояла смерть среди погоста, смотря в лицо моё умершее».

Взлёт финала опять начинается широким «а» («прощай лазурь преображенная») и вновь обретшими динамику «о», летящими от «золота второго Спаса», через «горечь рокового часа», через прощание с женщиной – к апофеозу главных «о» стихотворения: «и образ мира, в слове явленный, и творчество, и чудотворство».

Мартин Мелодьев

ТАК И ЖИЛИ: НЕ ЗНАЯ, КАК НАДО

* * *

После русской нирваны оказаться в раю очень странно,
и слова, как осколки, царапают память мою.

Я живу далеко: на другом берегу океана.

Очень странно при жизни оказаться *при жизни в раю*.

Голошенье страстей, приглушенное
водным пространством,
дым Отечества; Остров Сокровищ. Рубцы костровищ.
Ох и странно стоять, ощущая себя иностранцем
даже больше, чем там, где, казалось,
всю жизнь простоишь.

* * *

...туда, где зацветает миндаль

А.Вергинский

Когда новосибирскими ночами
прозрачными, пока не рассвело,
Медведица холодными лучами
царапала оконное стекло —
мы думали уехать туда, где нас нет,
туда, где нас никто не найдет.

Раскиданы по тысячам газонов
десятки загорелых тысяч тел,
антагонистов бледных гарнизонов —
но желтый ангел Солнца пролетел
на запад, туда, где встают облака
как в сказке про Колобка.

А та, что оставил веселой вдовой
искать лейтенанта... попробуй, довой
«туда, где улетает и тает печаль»,
как ветер, шурша травой.

* * *

С.

Мы четыре здесь года с тобой
зимовали в подвале на Brewer
авеню, где я чуть ли не умер —
но не будем вздыхать над судьбой.

К нам порой на зеленый диван
забрехали уютные люди,
и дымилась индейка на блюде
как еще не остывший вулкан.

Колдовал над горами рассвет,
открывал: за страницей страница —
и роняла нам яблоня цвет
прямо в руки, как снежная птица.

Для тебя здесь написана мной
каравеллы испанской баллада...
Здесь четыре мы года, друг мой,
так и жили: не зная, как надо.

* * *

Снег прибывает гостем с полюса
на землю, стертую до дыр,
и верится, что все исполнится,
и не написан «Мойдодыр» .

Штат Юта место называется:
Темнеет рано. Спать пора...
Часы, как им и полагается,
показывают полтора.

Кипящий чайник надрывается
на чистом русском языке.
Петух, сидящий на доске,
клевать пшено намеревается .

Все тихо. Все как полагается
зимой в начале января.
Слова в строке располагаются
по предварительным зая...

Снег прибывает гостем с полюса,
на кухню двери отворив —
и слышно, как грызет бессонница
корабль, наткнувшийся на риф.

СИНИЙ САЛУН

Голубые экраны...
Пробивает ли их взрыв рекламы?
И-их! посмотрите на мой свежевывбранный череп!
Тихий вздох колориста: «шерри б!..»

В черном небе одна за одной зажигаются звезды...
не хочу я быть втянутым в этот сомнительный хаос!
Любознательные чиканос добиваются встречи со мной,
вот еще один: выбритая до синевы щека, нос.

Сколько зим, сколько лет! Фиолетовый бред
глупых губ, непрестанно талдычащих «нет».
Пятьдесят синих песо. «Дорогая!.. Купи себе кляп».

Синий высверк озер.
Лошадиные морды вдали вечеряющих гор.
Хор синюшных детей.
Те же дети постарше, молча пьющие синий кофей.
У ручья издыхающая форель.

На пятнистом ковре — скорлупа авторучки,
скончавшейся в муках.
А на улице дождь и гроза, и летит за каким-то рожном
на лиловый балкон черный ворон под синим дождем.

* * *

Осенней грусти беспредметной
Плевать, что мы совсем не пара.
Пестрит березовой монетой
Точильный камень тротуара.
Пропущенный сквозь мясорубку,
Холодными жгутами — дождь.
Позвольте предложить Вам руку,
Мадам, садящаяся в «дождж»!

Мадам! Ни рожек и ни ножек
Не остается в этой хляби —
Позвольте Вам сказать как другу,
Хотя рифмуется с «как бабе».
Прощай, зеленый призрак лета!
В разводах серого муара
Течет асфальтовая лента,
Оттянутая для удара.

Пространство времени коварно,
Мадам! Колоннами попарно
Бегут машины по шоссе,
Крупитчатые, как соль на ране,
От нас, а может быть, за нами —
Как телефоны с номерами,
Как белки в колесе.

ТАМ

Там на неведомых дорожках
следы невиданных зверей...
Туда свезут меня на дрожках,
жизнь станет лучше, веселей!

Крутые воды камень точат,
братва стреляет из ружья.
В лесах прозаики хлопочут,
Татищев мочит Соловья.

Младые девы косят левы,
сквозь розенбаумовский китч
звучат чеченские напевы.
Два депутата входят в клинч.

Иллюзии необратимы:
покуда вертится земля —
как о Швейцарии кретины,
Бог весть о чем тоскую я.

Виктор Фет
ДОРОГА ИЗ ХАОСА В ЛОГОС
(«Литературный европеец», № 276, 2021)

Мелодьев, Мартин. «Я не люблю Владимирскую Русь» (Стихотворения и эссе, 1970–2020). Киев, Друкарский двор Олега Фёдорова, 2020, 232 с.

Я с радостью представляю читателю новую книгу стихов моего старинного друга Мартина Мелодьева (Калифорния).

Мы знакомы не менее 60 лет – росли в Новосибирске (куда занесло в свое время из Украины наших родителей), а последние 30 лет осваивали просторы Северной Америки. И, возможно, это ко мне, среди других биологов, обращены слова Мартина из академгородковской юности:

Генетик! Мой привет тебе особо,
мы существуем парой: ты и я.
Ты ловишь в окулярах микроскопа
комбинаторный призрак бытия
и тоже не одну напишешь книжку
о том, что мир устроен кое-как ...

«Восхищённый взгляд» Мартина отметил недавно Анатолий Либерман в рецензии на сборник «День русской зарубежной поэзии» (2019): «Неужели мы настоящие и пишем настоящие стихи? Изредка кто-то в этой книге клянётся в любви к Вознесенскому и Бродскому, но гораздо чаще обращение к Серебряному веку. Мы бы тоже хотели быть каким-нибудь «веком»; однако достался нам лишь восхищённый взгляд в прошлое: «На серебряной пластине слюды, / на чечёточной площадке листа — / силуэты оставляют следы: / так могла бы танцевать пустота. // Впереди у них смена веков, / элегантно соскок, voila! / и проглотит железный век / сероглазого короля» (Мартин Мелодьев)». ...Или вот такое стихотворение:

* * *

Пустынна дорога из Хаоса в Логос:
измученный жаждой, меж кактусов голых —
ты вспомнишь оазис и вспомнишь колодец:
напиться б! Но солнце сожгло их.

Вода отдавала землей, чечевицей,
похлебкой. Слепящее тело рубина
в барханном футляре — оно, очевидно,
невинно, невинно, невинно.

И только родник, из гранитного лона
сквозь все наважденья песков пробиваясь,
мираж Красоты в «Диалогах» Платона —
ведет, не сбываясь.

Помимо многих стихов, новая книга включает увлекательнейшие семейные истории «На сопках Манчжурии», «Сабля Гарибальди», а также стихотворения родителей поэта – Лидии Мелодьевой (1926–1968) и Михаила Нодельмана (1926–2001).

Анатолий Либерман
(«Мосты», Франкфурт. № 69, 2021)

Мартин Мелодьев. Как по нотам. Стихи.
Новосибирск: «Свинья и сыновья», 2018. 139 с.

Эта книга завершается кратким автобиографическим очерком: родился в 1953 году в Новосибирске, там и учился, всю жизнь писал стихи; эмигрировал в Соединенные Штаты; живет в Калифорнии. Это третий сборник (предыдущий [1998] вышел в Америке, в издательстве Игоря Ефимова «Эрмитаж», а первый и нынешний — в Новосибирске). Вот и все; скрыто больше, чем рассказано. Но многое мы узнаём из стихов.

Год рожденья — середина века,
Тыща девятьсот плюс пятьдесят...
Времени затерянная ветка,
как тебя на карте отыскать?
Номер девятнадцатый за гранью,
Двадцать первый — темный горизонт.
Мы идем, навстречу мирозданию,
В первый класс... Шестидесятый год... <...>

Прапрадед мой, раввин всея Подолии,

Волыни и Галиции — не более,
но как бы и не менее того —
убит посмертно и лежит, закопанный,
в Яру. Другой в Манчжурии под сопками.
Об остальных не знаю ничего. <...>

Мелодьев родился в Сибири, потому что его отца Михаила Нодельмана в 1951 году выслали как безродного космополита в Новосибирскую школу киномехаников, выгнав предварительно из аспирантуры Киевского института киноинженеров. Об этом рассказано в автобиографическом очерке. О Новосибирске Мелодьев написал много проникновенных строк и придумал остроумный каламбур Заомскворечье. В более далеком прошлом у него звероподобный двадцатый век. В далеком же прошлом его тянуло к футуризму. <...>

Есть кара-мболь, и есть рока-мболь.
Возможно, в Африке есть просто Мболь.
Есть похвала, и есть пахлава.
Ни то, ни другое — не есть халва!
О, музыка рока.

Двадцатый съест, двадцать пятый съест.
Пятидесятый съест в один присест.
Пацаков нет, и кацапов нет,
«Фарш невозможно повернуть назад!»
О, музыка рока. (и еще четыре строфы).<...>

Видимо, и сейчас ему дороги те стихи, раз он их перепечатывает, но, конечно, он давно осознал, что плохим футуристом быть легко, а хорошим может стать только гений или человек, близкий к гениальности. Так и со всем авангардом: нужен один Маяковский, один Кандинский, один Мейерхольд, один Шёнберг. Последователи же рифмуют пахлаву с похвалой и халвой.<...>

Мелодьев — лирик, и, если бы я придумывал заглавие его нынешней книги, я бы предло-

жил «Перезвон колёс, перестук сердец» (с. 65; 1997). Именно в лирике его сила («Неожиданность слов, / задевавших за нужные струны»). Он говорит о заходящем солнце: «Еще один, последний перегон / на линии вдали от берегов, / и колесо скользнет за горизонт, / и луч зеленый, если повезет». И когда он в конце девяностых годов искал и находил броскую гиперболу, тоже получалось хорошо («Ночь в букеты свела деревья, / мир в соцветиях звезд и дыр!»)

В мою задачу не входит анализ разнообразных приемов Мелодьева. Эта техника видна невооруженным глазом, даже слишком видна: несовпадения концов фраз и строк (переносы, анжамбеманы), искусно подобранные неточные рифмы, эффектные эпитеты, лихие неологизмы (вроде существительного людопад); сравнения и метафоры, которые никому бы не пришли в голову («гиацинты скажут егерями», «по просеке, ... знакомой до последней стрелкозы»), броские концовки. Не список приемов нужен, а понимание того, чему эти приемы служат. Как для многих поэтов второй половины двадцатого века, выросших в более или менее оттепельное время, Мелодьеву нужно было быть непохожим на других, не сорваться в банальность, замедлить восприятие. Так и получился сплав футуриста и лирика.

Но на трагической ноте (всё ведь, не забудем, «как по нотам») неожиданно оказывается, что прекрасное можно сказать просто. Таков (2012 г.) «Вальс памяти Макса Кюсса», автора вальса «Амурские волны», погибшего в оккупированной Одессе в 1942 году. «Теченье лет, шелестенье дней, / «Волны» не сходят с уст / Жертвой второй моровой войне / стал капельмейстер Кюсс».

И приведу целиком стихотворение, написанное на десять лет раньше:

2002

С Новым годом, циферблат забот земных!
Кругозор не дальше поворота,
Цепи брейгелевских дней как взвод немых
засосало чертово болото!

Что поэзия?.. Наркотик. Сны да вымыслы.
Танцовщицей по паркетам Адриатики
прокружила жизнь. Ну вот и дети выросли
в подозрительных объятьях демократии.

Неужели никогда она не кончится —
несусветная, необъяснимая тоска
по минувшему, — как вражеские полчища
наступающая после сорока.

«Ни вернуться, ни остаться не получится!» —
просвистели паровые, на Ванкувере,
ходики... Да стоит ли так мучиться,
волноваться, думать: «Докукуем ли?!»

Со стены снимаю, вроде шляпы, я
черный диск... им сердце успокоится.
По пластинке, старой и обшарпанной,
пробежит мелодия — и скроется...

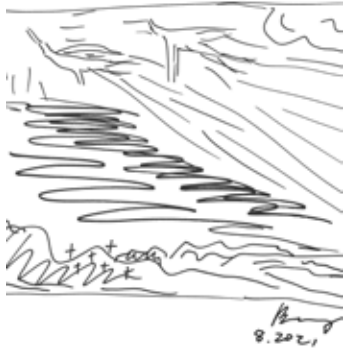
**Книги Мартина Мелодьева (по цене \$20)
можно заказать по электронной почте:
marmelodyev@gmail.com**

Вера Юркина

СНЫ АПОКАЛИПСИСА

СНЫ АПОКАЛИПСИСА

1

Небо ангелами расчерчено. Смерти нет.
 Оставляя за собой реактивный след,
 Ангелы нас уносят на крыльях – ввысь и
 вновь
 – юных, красивых, сильных...
 Бессмертных.
 Туда, где Свет и Любовь.
 Из бездн извлеченных. Прощенных.
 На земле или над познавших ад (жажды,
 ужаса, боли...)
 С полей и весей,
 где наши тела меченые, земле не
 преданные,
 слепо, вечно и преданно
 глядят в небо, ангелами расчерченное...

2

Опрокинута неба чаша.
 Заключение под твердыней,
 Не имеем выбора боле:
 Мы не женщины и мужчины.

Мы вино вечери вчерашней,
 Не востребованное ныне.

Там, над твердью, небо иное.
 За вратами иное время.
 Боле нет звезды надо мною.
 Вместо крыл свинцовое бремя.
 Все пылает пурпурным светом.
 Все туманнее мира сфера.
 Нет любви и надежды нету.
 Страху тоже. Осталась вера.
 Сквозь багряный туман и морок
 Ты меня уведешь, я верю,
 В твой хрустальный небесный Город
 Не отмеченным знаком Зверя....

ПРО СЧАСТЬЕ ГОЛУБОГО ЦВЕТА В ГОРОШЕК

Т.Алферовой (Рудковской)

...И в зал, звеня,
 осыпаются осколки
 чашки,
 разбитой в прологе.

* *

Чашка вращалась
 на кончике пальца.
 Чашка грозила упасть
 и разбиться.
 Но верилось мне в
 ненадежное счастье
 Чашки, умеющей ТАК кружиться:

ТАК невозможно манило
 Сдружиться. С фарфоровым счастьем в
 горошек.

ТАК
 продержаться,

хотя бы немножко.
Хотя бы чуть-чуть. Не соскользнуть
вниз...

* *

и разбилась на части.

Долго ее собирали
в круглое прошлое «вместе»
голубого и белого цвета.

Собралось. Склеилось.
Все как раньше?
Но столь же веселым — как раньше.
Звонким. Как раньше,
не было чашье счастье.

* *

И тогда я себе сказал:
Терпи. Что тебе еще остается?
И тогда я себе сказал:

Люби
мир, таким, каким он тебе достается.

Со всеми трещинами его,
с невозможностью счастья
и недостижимостью цели.

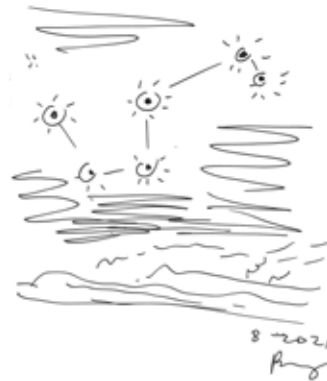
И тогда я себе сказал:
люби его целым.
Разбитым. Злым. Безоблачно чистым.
Закрытым наглухо и насовсем.
Открытым нагло и щедро — всем.

И тогда я себе сказал:
ЛЮБИ...

* *

Осколки резали кожу до крови:
незримая острая мелочь.
Но к счастью, не к горечи бьется посуда.
С осколка, впивающегося в кожу,
Иногда только все начинается.
Начинается с боли.
С крови, пролитой —
невсерьез? Случайно? Нечаянно?
С неловкости, досады,
отчаяния
над осколками разбитого прошлого целого —
Счастье начинается!
Открывается занавес...

ДЕТИ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

...Не сироты на этом свете,
а прамати славной потомки.
Мы — Большой Медведицы дети,
что сияет с небес в потемках.

Там, на севере, небо ближе.
И безмолвье над миром снежным.
Дикий зверь, нас вдали вскормивший,
Я к тебе сохраняю нежность.

Млечный путь молоком сочится.
И разносит млеко метелица.

...Не волчицы капитолийской,
А большой полярной медведицы.

...Млечный дым из полей российских
не насытит, а лишь раздражит.
Нет страшнее судьбы российской
И тоски на свете заразной.

На чужбине – судьбы игрушка –
кто поднимет, тот приголубит –
Душу прячу под шкуркой плюшевой
да играю в «любит — не любит».

На чужбине, налитый медом,
С неба ковш предлагает выпить.
Край медвежий, откуда мы родом,
не любовь дарит, а погибель.

Пусть иные над нами звезды,

До конца (и потом расскажут!)
На чужих земных перекрестках
Так, что вздрогнет земля, попляшем...

* * *

...и свободы нет от той напасти:
неизменной, неременной бабьей власти...
разорвешь, уйдешь, обманешь – все едино –
унесешь с собою паутину....

* * *

Бабье лето. Междувременье. Тревога.
Задержалась на мгновенье у порога.
...Солнце. Ветер. Ожиданье чуда.
Все пройдет. И я такой уже не буду:

Осень. Ветер. Скрипнет дверь тревожно.
Невесомой. Легкой. Невозможной.
Золотом горячей паутиной.

Дальше холод, дождь, ненастье.
Всё едино...

Все едины –
Достижимо ль это,
Сгинуть с ветром, догоняя лето...

Золото поманит и погаснет.
Дальше день холодный, строгий, ясный.
Дальше в небо вечно голубое паутину
унесу с собою...

ГЛИНА – ГОРШЕЧНИКУ

Я стану скоро амфорой.
Кувшином. Сосудом для вина...
А может, чашей?
Я, бывшая сырой гончарной глиной.
Я, глина, руки помнящая Ваши...
...Простой, округлый, плавный слепок рук:
Тепло ладоней. Влажной глины холод.
Гончарный круг. Судьбы и пальцев труд.
И шар земной – столь круглый и тяжелый.
Но – слепок? Образ? – НЕЧТО мне дано :
Непостижима истина кувшина.
От чуждых глаз запрятана на дно
Душа – любовь, впечатанная в глину.
...и я ЕЕ приобретаю форму...
Сосуд — вина. А не вино — сосуда.
И мягкой, робкой глиной, Вам покорной,
Я сквозь огонь пройдя, уже не буду...

ДВОР

Забор сломали и срубили старый клен.
Двор сделался пустым. Просторным.
Светлым.

И стал тесней. Теперь, пожалуй, в нем
Не уместится столько смеха, ветра,
Луж, звона стекол, выбитых мячом,
Бумажных легкокрылых эскадрилий...

Срубили клен. И что-то... Что еще
Здесь так бесповоротно изменили?
...Да верно просто лиц знакомых нет,
Здесь все чужим мне кажется сегодня
Скорее потому, что обо мне
Уже никто, совсем никто не помнит...

Здесь имени не вспомнят моего.
Двор взглянет пусто окнами чужими
Здесь без меня живут. И что с того,
Что я живу все эти годы с ними?...

КАЛЕНДАРЬ

Опадает календарь.
Облетает календарь.
С каждым днем и с каждой ночью
Пропадает календарь.

Даты красным, даты черным.
Увлеченно. Отвлеченно. Я хожу.
Дышу. Живу.
Лягут листья обреченно.
Лягут – желтые на черном.
«Падай! Все равно сорвут!»
...Опадает календарь.

...Дни июля, дни апреля...
Что то к югу улетело,
Что-то дремлет под листвой.
Исчезают. Приезжают.

Утешают, поздравляют...
Я брожу под листопадом
С непокрытой головой.

Что ж... Природный круг закончен.
...Листья грудой на земле.

Календарь чуть-чуть просрочен.
Календарь ...ведь он неточен!
Календарь еще не кончен!
– Ты о лете?
– О тепле...

Вера Юркина о себе:

Родилась в 1963 году в стране, которой уже нет. Минчанка. И по-прежнему люблю Минск. Но однажды уехала и до сих пор не вернулась. В моей жизни, кроме обычного всего, есть стихи, разные книги (хочется, чтобы иногда мои) и друзья. Мои стихи зачастую такие вот послания для них.
Электронная почта:
veranadeschda@gmx.net

Александр Трегуб

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН ИЛИ ЖИЗНЬ НА КАРАНТИНЕ

Действие фильма разворачивается в Москве осенью 1976 года. Главные герои — Анатолий Ефремович Новосельцев и Людмила Прокофьевна Калугина. Он — сорокалетний мужчина, работающий статистиком в большом Статистическом Учреждении, без перспектив карьерного роста. Она — директор этого учреждения.

Википедия-свободная энциклопедия

Соболезновать удрученным — человеческое свойство, и хотя оно пристало всякому, мы особенно ожидаем его от тех, которые сами нуждались в утешении и находили его в других... А кто станет отрицать, что такого рода утешение... приличнее предлагать прелестным дамам, чем мужчинам? ...Они большую часть времени проводят в тесной замкнутости своих покоев и, сидя почти без дела, желая и не желая в одно и то же время, питают различные мысли, которые не могут же быть всегда веселыми”.

Джованни Бокаччо, Декамерон

Мы впервые встретились на квартальном собрании нашего отдела на Скайпе. Шел N-ый год карантина. К этому времени наша фирма давно работала на удаленке^{1*}. Сотрудники уже стали забывать, как выглядят их коллеги, не помнили, где когда-то располагались их бывшие офисы, а смысл выражения "бесплатный кофе от фирмы" был давно утерян. Недавно принятые на работу выпускники университетов не понимали ветеранов, иногда употребляющих такие уже давно забытые выражения, как "заглянул в соседний офис", "переговорил в буфете за чашкой кофе", или "собрание всех сотрудников фирмы в аудитории 101", не могли оценить важное различие между неформальной одеждой по пятни-

цам и официальной для встреч с поставщиками и даже не пытались догадаться, что имеют ветераны в виду, когда иногда с непонятной ностальгией вспоминают о заторах на дорогах и отсутствии свободных мест на парковках фирмы.

Она была недавно принята на работу в Отдел Маркетинга и на первом же собрании произвела на меня впечатление своими очень уместными комментариями. Особенно мне понравился Ее комментарий о необходимости уделять больше внимания вопросу о взаимодействии различных Отделов, чтобы общими усилиями успешно решать задачи, поставленные перед нами руководством фирмы. Своеобразие и самобытность такого свежего подхода к давно наболевшей теме произвели на меня большое впечатление.

В дальнейшем мы встречались на нескольких координационных совещаниях по взаимодействию с Отделами Главного Технолога, Главного Конструктора и Вице-Президента по Вопросам о Диверсификации Работников Фирмы — и, конечно, на еженедельных совещаниях по внедрению новых культурных ценностей, введенных после прихода на работу нового Генерального Руководителя, а также на совещаниях по понедельникам, где мы определяли приоритизацию наших проектов на текущую неделю, и на совещаниях по пятницам, где мы подводили итоги недельным проектам и решали, что надо было бы сделать более эффективно.

И чем дольше длилось наше общение на служебном Скайпе, тем больше я ценил незаурядность идей и отточенное мастерство Ее докладов. Если доклад надо было представить в популярном в нашем отделе формате "400 секунд", Ее доклад никогда не длился ни на единую секунду дольше, и все изложенные идеи ясно объяснялись в коротком и четком заключении.

Более того, со временем я стал замечать, что тембр Ее голоса довольно приятен для слуха и как-то соответствует тематике Ее докладов, а правильные и уместные интонации помогают аудитории сосредоточиться на главных пунктах доклада. Иногда я стал ловить себя на странных мыслях: мне почему-то захотелось представить, как Она выглядит, какая у Нее прическа, как Она

¹ Работа из дома

одета, сколько Ей лет и даже такие совершенно неуместные интимные детали, как местонахождение в Ее квартире ноутбука, с которого Она выходит на Скайп. Судя по шестизначному идентификационному номеру в фирме, Она была принята на работу сравнительно недавно, но порядковый номер не всегда однозначно коррелировал с возрастом. Наша фирма могла нанять Ее на работу немедленно после окончания университета, но Она могла и перейти к нам из другой фирмы, проработав там несколько лет. Свежесть идей, предлагаемых ею на наших совещаниях, говорила, скорее, в пользу первого предположения; в то же время, зрелое мастерство ее докладов предполагало достаточный опыт, приобретенный за время рабочей карьеры в другой или даже нескольких других фирмах.

Хотя я слышал, что в некоторых других фирмах сотрудникам разрешается использовать на Скайпе опцию «Видео», а иногда это даже поощряется, в нашей фирме отдел кадров принял решение деактивировать опцию «Видео». Большинство наших сотрудников поддерживало это внутреннее правило, поскольку видеозображение могло отвлекать участников от дискуссий во время важных совещаний. Запрещение опции «Видео» на Скайпе привело к дополнительным, хотя и заранее непредусмотренным правилам в нашей фирме. Например, новые сотрудники, недавно принятые на работу, решили, что код одежды — формальный или неформальный — вообще не нужно соблюдать, поскольку никто из сотрудников их все равно не видит. Я лично, как и большинство ветеранов фирмы, считая такой подход совершенно неприемлемым, поскольку строгая рабочая форма дисциплинирует мысли и позволяет более глубоко сосредоточиться на обсуждаемой проблеме. Очевидно, Отдел Кадров пришел к такому же решению, поскольку несколько лет тому назад было введено правило для всех служащих одеваться официально, даже во время совещаний на Скайпе. Но учитывая, что переход к строгой форме одежды для недавних выпускников университетов, не знакомых с понятием "дресс-кода", мог бы стать демотивирующим и даже травмирующим фактором,

отдел кадров порекомендовал всем работникам начинать свой день всего лишь в утренних пижамах. С этой целью фирма разослала по домашним адресам сотрудников пижамы соответствующего размера, белого или голубого цвета, коррелирующих с цветовой гаммой эмблемы фирмы. Согласно решению Вице-Президента По Вопросам Диверсификации, служащие фирмы могли выбирать цвет пижамы по своему усмотрению. Поэтому мои размышления о том, во что Она одета, не только противоречили интересам работы, но и были фактически неактуальны. Если Она строго следовала правилам нашей фирмы — а я просто не мог себе представить, что сотрудник такого калибра был бы способен открыто и вызывающе нарушать эти правила, — то, конечно, Она была одета в пижаму голубого или белого цвета.

В какой-то момент я почувствовал острую необходимость прояснить для себя все мои накопившиеся вопросы в отношении Ее личности. Как работник старой докарантинной закалки, я понимал, что такие вопросы лучше всего решаются на индивидуальных, один-на-один, рабочих совещаниях. В нашей фирме такие индивидуальные встречи называют "с глазу-на-глаз", или Face to Face (F2F), хотя, конечно, с введением карантина это название потеряло свой изначальный смысл. И такой случай вскоре представился. Для решения срочного вопроса в отношениях между нашими поставщиками и отделом главного технолога мне, действительно, остро понадобился Ее совет в маркетинге. На той же неделе я запланировал F2F встречу на Ее рабочем календаре в программе Microsoft Outlook, и мы встретились на Скайпе.

Я был совершенно покорен Ее способностью, мгновенно поняв и оценив ситуацию, быстро предложить неординарное практическое решение вопроса. В частности, Она посоветовала послать весь Отдел Главного Технолога на

3-х месячную стажировку на фабриках поставщика, чтобы сотрудники Отдела смогли на личном опыте испытать все проблемы нашего поставщика в отношениях с нашим Отделом Главного Технолога.

Более того, хотя это блестящее решение

принадлежало полностью Ей, Она сумела так тонко и интеллигентно построить нашу дискуссию, что окончательное предложение выглядело как наша с Ней общая находка. В конце встречи я, стараясь выглядеть как можно более естественно, наигранно небрежным тоном предложил Ей встретиться за чашкой кофе на Зуме после работы. Разумеется, не могло быть и речи о такой неформальной встрече на Скайпе нашей фирмы: это бы полностью противоречило культурным ценностям фирмы и моим собственным убеждениям. К моему облегчению, Она легко согласилась на такую встречу — с единственным условием, что эта встреча может состояться не раньше, чем через 3 недели, поскольку Ей как раз надо закончить отчет о своей работе в текущем месяце, подготовить список программ для квартального отчета сектора, закончить анализ себестоимости и потенциальной прибыли проектов за предыдущий год в Отделе Маркетинга, подготовить 2 доклада для совещаний в Отделах Главного Технолога и Главного Конструктора и получить разрешение Отдела Юристов нашей фирмы на публикацию доклада на встрече с поставщиками. Надо сказать, что 3-х недельная отсрочка меня вполне устраивала, поскольку, откровенно говоря, у меня до сих пор еще не было опыта подобных личных встреч на Зуме, и мне надо было основательно изучить традиции и историю этого процесса и освоить опыт людей, успешно его применивших.

Прежде всего, я ознакомился с популярным руководством по выбору и установлению правильного фона в своем домашнем офисе для видеоконференции на Зуме. Выбор соответствующего фона зависел от содержания встречи. Надежным универсальным фоном считались книжные полки, плотно заставленные различными томами (на произвольные темы, поскольку Зум обычного качества не позволяет чтение книжных корешков). В то же время пособие не рекомендовало демонстрацию книг откровенно фривольного содержания и особенно книг на острые политические темы. Например, не стоило ставить в первый ряд своих книг богато иллюстрированную "Библию секса" или свежееизданные мемуа-

ры известного политического деятеля под завлекающим названием типа "Темные закоулки Светлого Дома, где все это происходило".

Для менее формальных встреч хорошим тоном считалось разместить в кадре видеокамеры домашнее спортивное оборудование: беговую дорожку, стационарный велосипед, набор гантелей и т. д. Очень важен был также правильный выбор фотографий на стене — но здесь надо было быть очень осторожным. Например, для романтических встреч на Зуме пособие не рекомендовало показывать вашу старую свадебную фотографию. Более нейтральным, чем фотография, решением считалась художественная картина: не слишком популярная, — чтобы вас не обвинили в увлечении дешевой халтурой, но достаточно узнаваемая.

Для нашей встречи на Зуме я решил украсить стены своего офиса большой, прекрасно напечатанной и ярко раскрашенной грамотой, которую наша фирма когда-то вручила мне в честь круглого юбилея моей службы в фирме — эта грамота была мне всегда очень дорога и должна была задать правильный тон нашей встрече: достаточно деловой, но в то же время непринужденный. Кроме того я укрепил на стене старую фотографию, сделанную на пикнике нашей фирмы (еще с того времени, когда фирма иногда устраивала пикники, где сотрудники могли лично познакомиться и поболтать о важных направлениях, определенных руководством фирмы). На этой фотографии я пожимаю руку самому Генеральному Руководителю нашей фирмы! (Тому самому, который предшествовал сменившему его Заместителю, как раз не так давно отправленному на пенсию Советом Директоров, чтобы заменить его новым Руководителем, приглашенным из другой фирмы).

Специальная глава пособия была посвящена установлению монитора компьютера или ноутбука на правильной высоте — так, чтобы собеседник на Зуме мог смотреть вам прямо в глаза, а не любоваться вашими ноздрями, ненатурально задранными вверх. Над этой конструкцией пришлось поработать, но в итоге я добился совершенно идеальной, тщательно вымеренной высо-

ты монитора по отношению к уровню глаз. В завершение, чтобы подчеркнуть неформальный характер нашей встречи, я установил в поле зрения камеры Зума симпатичный букет цветов.

И вот Большой День наступил. Я щелкнул мышкой на символ Зума на мониторе, выбрал опцию присоединится к встрече с аудио своего компьютера и — после некоторого колебания — включил видеокамеру и вышел на связь.

Она уже ждала меня на Зуме. Прежде всего я обратил внимание на задний план на ее Зуме. Оказалось, что для первой встречи Она не решила показать интерьер своего офиса — нет! Вместо этого Она использовала один из многочисленных пейзажей, предлагаемых Зумом. Я немедленно оценил ее скромность и сдержанность в поведении. Действительно, как я читал в пособии, скромные и уважающие себя женщины на первой встрече на Зуме никогда не демонстрируют свой собственный офис — это может считаться не только нескромным, но и откровенно вызывающим! Я присмотрелся более внимательно к пейзажу острова с пальмами на заднем фоне — и узнал один из островов Бора Бора во французской Полинезии, где мне самому довелось провести прекрасное время в докарантинную эпоху, когда путешествия еще были возможны, — наслаждаясь теплым морем, холодным пивом, и — не скрою — видом легко одетых молодых женщин атлетического телосложения. Демонстрация тропического острова во время первого свидания на Зуме была хорошим и обнадеживающим признаком, — согласно пособию, тропический остров служил знаком готовности к началу установления отношений. Пособие посвятило целую главу символизму фонов при установлении отношений на Зуме. Например, вид покоренного пика Угуру горы Килиманджаро на заднем плане был призван продемонстрировать, что отношения становятся напряженными; виды же бескрайних степей Казахстана совершенно однозначно свидетельствовали о том, что отношения закончены навсегда и безвозвратно.

Я перевел взгляд на Нее — и тут меня подстерегала неожиданность. На ее лице была защитная маска N95 для предохранения от зараже-

ния вирусом! Ни в одном из пособий, которые я изучил, ничего не говорилось о символизме защитных масок во время встреч на Зуме. Конечно, сотрудники нашей фирмы иногда — для своего собственного удовольствия — надевали маски, даже встречаясь на Скайпе без опции «Видео», но только потому, что всем очень нравились симпатичные бело-голубые маски с новой эмблемой фирмы в форме красного полукруга, — которые наша фирма недавно разослала всем работникам, чтобы заменить старые красно-коричневые маски с предыдущей эмблемой в форме голубого квадрата, поскольку предыдущая эмблема не отражала адекватно новые культурные ценности и задачи нашей фирмы, поменявшиеся с приходом нового Генерального Руководителя. Но никому не приходило в голову надевать для встреч на Скайпе профессиональные маски N95! Хотя надо заметить, что белый цвет маски очень удачно гармонировал с цветом ее больших карих глаз.

Я быстро проанализировал в уме ситуацию, используя популярный в нашей фирме метод Ишикавы, или диаграммы рыбного хребта. Зачем надевать маску, если Ты одна в своей квартире? А если Ты не одна, то, интересно, с Кем? Может быть, Ты живешь с Кем-то, Кому не надо знать о нашей встрече? И если Ты надеваешь маску, то этот Кто-то может находиться на расстоянии к Тебе ближе, чем 2 метра? А если Ты не в квартире, то тогда где? Задний план ничего не говорит о Твоем действительном местонахождении. К сожалению, я так и не нашел ответа на свои вопросы, пользуясь методом Ишикавы. Но тут я вспомнил недавно прочитанное в социальной сети сообщение о том, что защитные маски во время карантина стали использоваться не только как средство для защиты от вируса, но и как популярный символ моды; гардеробы многих женщин обогатились масками разнообразного фасона и цвета, удачно гармонирующими с различными платьями и украшениями. Возможно, белая маска N95, придающая Ей некую мистическую привлекательность, была данью этой новой моде. Но все-таки, зачем показываться на первой встрече на Зуме в стандартной профессиональной маске N95, а не в какой-либо стилизо-

ванной маске оригинального фасона, подходящего к покрою Ее халата или платья? Разобраться в причине Ее, на первый взгляд, странного выбора, помог мне другой, тоже популярный в нашей фирме, Метод Анализ Риска Отказов (ФМЕА). Согласно модели Анализа Риска Отказов, защитная маска N95 могла служить предостережением о необходимости избегать непредусмотренный риск в начальной стадии развития отношений на Зуме.

Как бы то ни было, времени на дальнейший анализ ситуации не оставалось, и надо было начинать беседу. Чтобы "растопить лед" и задать нашей встрече неформальный дружеский тон — в соответствии с рекомендациями, разработанными для эффективных встреч на Зуме, — я попросил Ее рассказать подробнее о своей текущей работе. Вопрос действительно помог, — Она с удовольствием и очень эмоционально рассказывала о ходе своих проектов. Особенно значительный прогресс был достигнут в проекте с юристами: они уже подготовили официальное заявление о том, что наша фирма не несет никакой ответственности за что бы то ни было, что могло бы случиться с нашей фирмой или ее поставщиками, включая всех подрядчиков и субподрядчиков поставщиков, во время, до и после Ее доклада, а также убрали из доклада все глаголы в прошедшем времени, а глаголы в настоящем и будущем времени заменили на сослагательное наклонение. Закончив свою историю, Она очень вежливо поинтересовалась, какие интересные события происходят в моей жизни. В этот момент, очень кстати, на мой подоконник приземлился дрон Амазона и доставил горячий кофе из Старбак. Я отпил глоток кофе и ответил, что как раз в последнее время в моей жизни — кроме, конечно, моих рабочих проектов — было очень много интересных событий. Во первых, я просмотрел на Нэтфликсе 54-ый эпизод 12-ой серии популярного сериала "Карточный Дом на озере Орзак", закончил просмотр на Амазон-прайм захватывающего сериала из жизни африканских слонов и в 20-ый раз прослушал запись бесплатной трансляции из нью-йоркской Метрополитен-оперы всех 4 частей музыкальной драмы "Кольцо Нибелун-

гов" композитора Рихарда Вагнера. Она с удовольствием подхватила тему и, в свою очередь, рассказала о своем недавнем увлекательнейшем путешествии на Галапагосские острова в Клубе кинопутешествий, а также о недавней дегустации вин на Зуме с очень известным виноделом. Винодел пробовал свои коллекционные вина на глазах у аудитории и очень подробно описывал запах и вкусовые качества каждой пробы. Особенно Ей понравилось описание достаточно редкого в нашем краю вина Небиоло, приготовленного по необычной технологии: его хранили 6 месяцев в бетонном цилиндре, после чего выдерживали 8 месяцев в глиняной амфоре и окончательно доводили до кондиции в бочках из русского дуба в течение двух лет. Мы оба согласились, что этот винодельческий цикл напоминает этапы утверждения изменений в технологических процессах нашей фирмы: вначале любое, даже самое незначительное изменение, одобряется комиссией при отделе Главного Технолога, затем — на специальном бюро при отделе Главного Конструктора, и окончательно утверждается на совместном заседании Отдела Диверсификации и Отдела Кадров. Мы оба знали, что, как и в виноделии, долгая выдержка решений способствовала значительному улучшению качества продуктов нашей фирмы. Наша беседа развивалась в нужном направлении.

Я почувствовал, что мы легко находим общий язык, и — после некоторых колебаний — решил поделиться с Ней своим заветным проектом, о котором я еще никому никогда не рассказывал. Речь шла о совершенно новом и оригинальном подходе к проблеме понижения себестоимости продукта, основанном на всеобъемлющем анализе всех стадий его изготовления, начиная с поставок сырья и вплоть до тестирования параметров продукта.

Но не успел я начать, как произошло Нечто невообразимое, невысказанное и непоправимое: наша связь на Зуме прервалась! Я лихорадочно нажимал различные клавиши на клавиатуре своего лэптопа, включал и выключал лэптоп, отсоединял и подсоединял модем, — но ничто не помогало! Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным и оторванным от ре-

ального мира (за исключением, конечно, подобного же жуткого инцидента во время моего доклада на Скайпе в присутствии Главного Руководителя несколько лет тому назад. Но с тех пор я приобрел самый современный и скоростной модем, и подобные происшествия никогда со мной не случались). Но самое ужасное заключалась в том, что — согласно всем мной изученным пособиям — невозможно было нанести большего оскорбления своему партнеру, чем потерять связь на первом же сеансе встречи на Зуме! Подобное поведение считалось еще большей обидой, чем опоздание или даже неявка на первое свидание в докарантинное время. Я совершенно не представлял себе, какое оправдание своей безответственности я смогу найти, и не спал всю ночь, анализируя различные возможные варианты извинений. К сожалению, ни один вариант не выглядел убедительно.

Утром я, как всегда, принял душ, надел голубую пижаму и, даже не успев сварить традиционный крепкий кофе, включил компьютер в своем офисе и вышел на Скайп. В 8 утра по понедельникам наш отдел проводил традиционное совещание по планированию предстоящей рабочей недели. Но на этот раз вместо привычных знакомых голосов своих сотрудников, я услышал громкий вой сирены. Я немедленно понял, что фирма проводит учебную тревогу для сотрудников. Хотя мы и работаем на удаленке, но необходимость быть всегда готовым к экстремальным ситуациям никто в нашей фирме, разумеется, не отменял. Я привычно выключил свет в своем офисе на втором этаже, закрыл дверь в офис и соблюдая все меры безопасности, эвакуировался в кухню на первом этаже, — где спокойно сварил себе кофе и посмотрел программу новостей, — пока со второго этажа не прозвучал сигнал отбоя. Я поднялся в офис и опять подсоединился к Скайпу.

Совещание по планированию проектов на предстоящую неделю только что началось. Обычно эти совещания проводили начальники секторов, но на этот раз слово взял начальник отдела. Я сразу догадался, что нам предстоит услышать какое-то важное сообщение, поскольку На-

чальник Отдела обычно не приглашался на совещания по понедельникам. И действительно, Начальник Отдела сообщил, что в целях улучшения координации, усиления взаимодействия и сосредоточения ресурсов и талантов на едином направлении для решения общими усилиями первоочередной задачи по трансформации культуры нашей фирмы в соответствии с новой системой ценностей, руководство фирмы приняло решение реорганизовать наш отдел Передовых Идей и Отдел Маркетинга в единый Отдел Маркетинга Передовых Идей. Я немедленно оценил огромный позитивный потенциал этого решения: действительно, я уже давно замечал отсутствие координации и недостаточно плодотворное взаимодействие сотрудников двух отделов, что воздвигало искусственные барьеры на пути к эффективному решению задач, поставленных нашим руководством.

Но тут я внезапно осознал, что ведь Она как раз работает в Отделе Маркетинга! А как всем сотрудникам нашей фирмы было хорошо известно, в нашей фирме, — справедливо гордящейся своими высокими этическими принципами, — романтические отношения между сотрудниками одного и того же отдела были строжайше запрещены! Отдел Диверсификации и Чрезвычайная Комиссия по соблюдению этических норм при Совете Директоров жестко следили за соблюдением этого этического устава, и виновные подвергались суровым дисциплинарным наказаниям, вплоть до увольнения из фирмы. Я лично всегда считал эти правила поведения на службе разумными и способствующими созданию плодотворной и творческой атмосферы в фирме. Но это также означало, что, с объединением наших отделов, не могло быть и речи о каком-либо возобновлении наших с Ней отношений. Более того, всякая попытка с моей стороны встретиться с Ней еще раз на Зуме и попытаться попросить прощения за недопустимый срыв связи была бы однозначно интерпретирована Чрезвычайной Комиссией как попытка продолжения незаконных романтических отношений — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я не был уверен, стоило ли мне объяснять Ей, что в соответствии

с этическим Уставом фирмы, нашим отношениям должен быть положен конец, но надеялся, что Она в подобных объяснениях не нуждается. Как сотрудница, следующая исключительно высоким этическим нормам, лояльная к своему работодателю, Она должна была быть хорошо осведомлена о внутренних правилах в нашей фирме. Тем более, что каждый сотрудник фирмы в обязательном порядке сдавал ежегодный экзамен в онлайн-режиме по курсу внутренних этических отношений. Конечно, мне лично было совсем не просто согласиться с таким развитием событий, — вплоть до того, что до конца рабочего дня я никак не мог сосредоточиться на составлении исключительно важного доклада для совещания в отделе Главного Технолога. Мне все время чудились Ее карие глаза на фоне белой маски N95, а также на фоне масок других цветов: желтого, синего и даже красного, — несмотря на то, что красный цвет уже давно был исключен из эмблемы нашей фирмы, как не соответствующий нашим новым ориентирам.

Рабочий день подходил к концу. Внезапно на моем личном мобильном телефоне появилось какое-то сообщение. Я открыл сообщение и прочитал, что сегодня вечером Байретский Фестиваль в Германии начинает бесплатную прямую трансляцию на Зуме титанического музыкального цикла композитора Рихарда Вагнера "Кольцо Нибелунгов", которая будет передаваться в течение нескольких месяцев. Судя по именам исполнителей — всех звезд мировой оперы — эти концерты должны были стать настоящим явлением в истории исполнения знаменитого цикла! «Что-ж, — подумал я, — если сообразно этическим нормам нашей фирмы, счастье с ней мне не суждено, — можно, по крайней мере, попытаться найти утешение, прослушав в 21-ый раз историю о любви Брунгильды и Зигфрида».

А между тем надо набраться терпения и подождать очередной реорганизации в нашей фирме. У нас уже пошли слухи о расформировании нового отдела Маркетинга Передовых Технологий и последующем слиянии нашего бывшего Отдела Передовой Технологии и Отдела Диверсификации в новый Отдел Технологии Передов-

ых Диверсификаций. И не исключено, что эта новая реорганизация начнется уже к моменту завершения трансляции вагнеровского шедевра на сайте Байретского Фестиваля.

В любом случае, вместо того чтобы отвлекаться на посторонние мимолетные переживания, надо сфокусироваться на главных проблемах в работе и личной жизни. Вот, например, недавно я почувствовал какие-то непривычные и тревожащие боли в груди. Со мной такого уже давно не происходило — с тех пор, как мне установили литиевые батарейки самой современной модели. Надо бы проверить, не разрядились ли они. Хорошо, что недалеко от меня есть очень хорошая мастерская по обслуживанию и замене литиевых батарей, с которой я работаю уже много лет. Конечно, у киборгов последнего поколения уже нет необходимости в замене батареек, но для нас их все еще придется обновлять хотя бы раз в год. А интересно, услугами какой мастерской пользуется Она?

Александр Трегуб, карантинирован в г. Сан-Хосе, Калифорния.

Редактор Инна Трегуб, карантинирована там же.

Специальная благодарность Максиму Осовскому (карантинирован в Москве) за творческий вклад.

К ВОПРОСУ О ШВАБРЕ

Философские заметки на карантине

Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его.

Карл Маркс «Тезисы о Фейербахе» 1845, опубликовано в 1888

“How has the pandemic changed working lives? A study concludes: more meetings, more emails, longer hours”,
Graphic Details, The Economist, Aug. 20, 2020

Призрак бродит по Европе. Карл Маркс, Фридрих Энгельс «Манифест Коммунистической партии». 1848

Из всех искусств для нас важнейшим является кино.
В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970 — Т. 44 — С. 579

Введение

Начнем с простого философского определения: что есть швабра?

Согласно широко распространенному мнению, швабра — это примитивное устройство для мойки пола, представляющее собой Т-образную деревянную конструкцию, на основание которой наматывается предварительно увлажненная бесформенная материя произвольного происхождения, именуемая тряпкой. Считается, что основное целевое назначение швабры в комбинации с "тряпкой" состоит в так называемой "влажной уборке" квартиры. Это глубоко ошибочное мнение было рождено в докарантинную эпоху, когда важные функции по использованию швабры были переданы в руки наемной рабочей силы. Хотя упрощенные примитивные показатели качества процесса уборки, выполняемой наемной силой (блеск и чистота полов, отсутствие видимых пятен, приятный запах), выглядели достаточно привлекательно, важные философские и культурные функции упомянутого процесса были безвозвратно утеряны. И только благодаря коренному изменению нашего жизненного уклада в посткарантинный период изначальная глубокая философская сущность швабры начинает постепенно возрождаться.

Глава 1. Технологический прогресс

За прошедшие десятилетия швабра претерпела значительные изменения в дизайне, приведшие к существенному расширению ее технических возможностей. В частности, современные швабры сконструированы из легкого металла и имеют телескопическую конструкцию, позволяющую варьировать длину ручки в соответствии с индивидуальными потребностями пользователя.

Совершенно революционные изменения произошли также и в материале "тряпок", более точно определяемых как Многослойные Тряпичнообразные Покрытия (МТП). Каждый слой МТП выполняет отведенную ему специфическую функцию, от эффективно поглощения пыли до надежного адгезионного крепления к швабре. Более сложные конструкции швабры включают также опцию автоматического смачивания МТП в процессе уборки. Разумеется, жидкости для смачивания основаны на специально разработанных химических формулах.

Существует большое разнообразие всевозможных конструкций швабр, МТП материалов и химических композиций жидкостей для смачивания. К сожалению, ограниченный объем данной публикации не позволяет провести полный литературный обзор всех возможных технических решений для оптимизации уборки квартиры. Мы упомянем только новый оригинальный процесс, разработанный и запатентованный лично автором этой публикации, основанный на одновременном использовании ДВУХ швабр, одной для влажной протирки (Рисунок 1) и второй для последующей стадии механической осушки (Рисунок 2).

Глава 2. Философско-социологическая эволюция

В предыдущей главе мы рассмотрели новейшие технологические достижения в дизайне швабр и сопутствующих материалов. Однако еще более значительный прогресс в посткарантинную эпоху был достиг-

нут в ранее полностью игнорируемых философских и социологических аспектах эксплуатации швабр. Большинство индивидуалов, искушенных в вопросах философии или социологии, не будучи непосредственно физически вовлеченными в процесс уборки, попросту не задумывались о философских концепциях данного процесса в целом и швабр в частности. Подобное пренебрежение замедляло прогресс философии и глобального мировоззрения, возможный только при непосредственном физическом контакте индивидуального философа со шваброй, МПТ или ими обоими. Мы рассмотрим вкратце основные достижения в постижении философской сущности швабры, которые стали возможны в посткарантинную эпоху.

Часть 1. Концепция взаимодействие Замкнутости и Бесконечности Пространства

Вышеуказанное взаимодействие постигается путем практического изучения и сравнительного анализа уборки квартиры в замкнутых структурах отдельных комнат и открытого пространства гостиной и коридоров, причем последние (гостиная и коридоры) используются как аппроксимация воображаемой Бесконечности.

Часть 2. Диалектика метаморфозы бытия Человека и Вселенной

Диалектика вышеуказанных метаморфоз изучается наблюдением на подсознательном уровне физического состояния философа в процессе уборки и внешней ретроспективы объекта его деятельности (т.е., квартиры), причем метаморфоза физического состояния философа, на количественном уровне, измеряется путем его взвешивания до и после уборки, а на качественном — его способностью дойти до напольных весов и самостоятельно взвеситься.

Часть 3. Глубокое постижение Бренности всего Сущего

Постижению бренности всего сущего происходит после завершения уборки и заключается в глубокой медитации с целью осмысления практической ценности, с точки зрения Вечности и Бесконечности, процесса, который все равно приходится повторять каждые две недели. Отметим, что строгое философское обоснование необходимости 2-недельной каденции уборки пока еще не найдено.

Заинтересованные читатели могут найти пол-

ную версию наших анализов в готовящихся к изданию выпусках "Philosophical Magazine" и "The British Journal for the Philosophy of Science".

Глава 3. Музыка и живопись

Одним из важнейших эффектов спонтанного взаимодействия швабры и пола, производимого высокообразованными и художественно одаренными индивидуалами, является формирование сложных узоров, проекций и линий на поверхности пола, которые немедленно порождают глубокие музыкальные, художественные и философские аналогии.

Часть 1. Музыкальные и философские аналогии

Музыкальные аналогии результатов влажной уборки полов в посткарантинную эпоху хорошо объясняются их сравнением с музыкой Баха или Вивальди. Например, музыку Баха можно сравнить с творческой дискуссией неких Мудрейших, собравшихся со всех концов Вселенной, — и даже не столько с самими Мудрейшими, сколько с идеями, взглядами их, которые, сплетаясь в едином клубке противоречий, — подобно сложным узорам на поверхности пола после влажной уборки, — рождают в результате поразительную по своей глубине философскую идею. С другой стороны, подобные узоры на полу могут быть ассоциированы и с музыкой Вивальди, также сопоставимой с переплетениями разнообразных идей в философских дискуссиях, но в результате которых рождается не та глубокая, Вселенская, Мировая идея, которая заключена в творениях Баха, а более приземленная, житейская, бытовая мудрость. Именно концепция приземленности более тесно ассоциирует процесс мойки пола с музыкой Вивальди, чем с музыкой Баха.

Часть 2. Художественные аналогии

Сложные узоры на поверхности пола как результат влажной уборки в исполнении художников швабры родственны элементам искусства абстракционизма в работах таких его классических представителей, как Джексон Поллок и Марк Роско, и в особенности в революционных произведениях философского абстракционизма, разработанного Робертом Раушенбергом.

Необходимо также отметить характерную динамическую особенность узоров на поверхности пола в результате влажной уборки, проявляющуюся в спон-

танном изменении геометрии узоров или их частичному исчезновению в одной локации, но самовозрождению их в другом месте и в новом проявлении. Эксперты в живописи справедливо классифицируют эту особенность как смелое сочетание динамического искусства, основанного на балансе противоположных светотеневых эффектов, и самоисчезающей живописи, концепция которой была впервые разработана мистическим автором, известным под именем Банкси. Глубокое художественное родство мастеров швабры с мастерами кисти достигается спонтанным сотворением сложных художественных композиций на поверхности пола как нового революционного медиума для живописи.

Разумеется, все это богатство концептуальных, философских, музыкальных и художественных идей и изображений полностью отсутствовало после влажной уборки, выполняемой профессиональными мойщиками полов в докарантинную эпоху, когда поверхность пола после уборки представляла собой монотонную чистую поверхность, характеризующую полным отсутствием сложных узоров в их динамическом проявлении и многообразии.

Заключение

Достижения современной технологии в области швабр позволили значительно автоматизировать процесс уборки квартиры и повысить степень его эффективности. Упрощенные критерии качества докарантинной уборки (чистота и порядок в квартире) были заменены более важными и значимыми критериями, а именно, степенью причудливости узоров на высохшей поверхности пола, динамикой их изменений в процесс высыхания и временем, затраченным в процессе уборки на философские размышления и самообразование в вопросах изобразительного искусства, музыки и истории.

В посткарантинную эру процесс уборки квартиры и концепция швабры как средства его воплощения полностью трансформировались в высокоинтеллектуальный и глубоко-эмоциональный процесс постижения Вечной Истины, основанный на глубоких философских анализах с привлечением накопленных человечеством знаний в области искусства, истории, религии, психологии, политической экономии и научного коммунизма.

Необходимо отметить, что философам швабр в посткарантинный период приходится преодолевать серьезные препятствия, причем не столько физические — в передвижении мебели в процессе уборки —

сколько постоянные и не всегда обоснованные замечания критиков, еще не готовых принять новые критерии качества уборки в посткарантинную эру. Последнее замечание заслуживает отдельного серьезного философско-социально-психологического изучения, и автор уже собрал достаточный материал для такого исследования. К сожалению, неоправданно частая 2-недельная каденция уборок не оставляет времени для написания этого труда в ближайшее время.

Труд создан в посткарантинную эпоху

Трегуб Александр. Учился (инженер-электронщик) и защитился (кандидат химических наук) в Киеве; эмигрировал с семьей в Израиль, работал в Иерусалимском университете, а также на Гумбольдтовской стипендии в Германии. Переехал в Америку, где работал как *visiting scientist* в университете Теннесси, Калифорнийском университете в Сан-Диего, Стэнфордском университете. Краткая биография опубликована в Marguis' «Who's Who in America». Последние 16 лет работает в компании «Интел» в Северной Калифорнии. Литературное творчество включает публикации на международном сайте www.interlit2001.com, в альманахе «Образы Жизни», сборниках «Апраксин Блюз», газете «Кстати», журнале «The Economist». Заказать книги и пообщаться с автором можно, написав на электронную почту: **A Tregub** a.tregub@yahoo.com

Книги:

Strolling Around Kilimanjaro: For Young, Teenager, and Adult Children.

In Russian with English Translation (Russian Edition)

Russian Edition by Alexander Tregub,

Denis Proulx (Illustrator)

<https://www.amazon.com/Strolling-Around-Kilimanjaro-children-Translation/dp/153689298X>

Пиджак моего друга Кременецкого и другие истории

<https://www.morebooks.de/>

Воспоминания и рассказы: История семьи

Трегубов (Russian Edition) Kindle

<https://www.amazon.com/>

Авторы: **Иосиф Трегуб, Александр Трегуб, Инна**

Трегуб. Редактор **Максим Осовский**

Александр Милитарев

НЕПОСТИЖИМОЕ – ЛИШЬ ФОРМА БЫТИЯ

* * *

Мне мало дня – переползти висячий мост. Над провалом времени вися, чье чрево поло, вижу: сзади вся окрестность поросла травой удачи, посохшей, ставшей сеном, сном. Тем паче назад, где наспех, вкривь и вкось кося, прошла красotka с бельмами, нельзя коситься, как и вниз, в пролет – иначе до ночи не дойти, и темнота, раскачивая колыбель моста, добьется реверсивного эффекта, и переход когда-то – никогда зальет по темя темная вода, и в тень одну войдут никто и некто.

(1992)

ОБРЫВОК ЕВРЕЙСКОГО ВЕНКА

1.

Судьбы междуречья пологой бежать, перейти через брод и сделать крутой поворот к горам: одоление порога. Придумать единого Бога и с ним человеческий род, в пророчествах знать наперед чем плачена эта дорога. Мутации зову ли внемя, путем то прямым, то кривым идти испрамять эту землю, чтоб впрямь человечеством стало племен разномастное стадо и Бог оказался живым.

2.

И Бог оказался живым, возможно. Для скептика вера – соблазн, несвобода, химера, костров инквизиции дым, газ Треблинок, вышки Колым, духовность спецслужб и премьера. Прививка от этой холеры – одним только верить своим глазам и ушам. Вот наш опыт. Нас в розницу вечно и в опт

в различные веры обуть рвались их жрецы и мессии. Ловились. Заказан тот путь. Тем паче еврею в России.

3.

Тем паче еврею в России на это ловиться не след. Вон, тянется красный послед от родов, где наших усилий не счесть. Даже если бузили юнцы – и погромам в ответ. Но с памятью в тысячи лет грех есть ли стыдной амнезии? А в Бога – не зная – нелепо не верить. Как веровать слепо. Зря разум Творец дал нам, что ли (иль Дарвин-старик нагадал)? Но гидом я разум бы взял в прогулках по минному полю.

(июнь 2008, Бронкс)

2.

Ты сдул с меня позерства лепестки, пыльцу желаний, венчик превосходства, нектар иллюзий и с цветами сходство – опивки нарциссической тоски. Зато мой корень ты врастил в пески повторного и жгучего отцовства, меня настиг в пустыне поздний зов твой: «Вот сын тебе – мой дар». Теперь руки не убирай с младенческого лба. Твоя рука крепка, моя слаба. Сын смотрит сон. Прошла спокойно ночь, ты дал нам силы слабость превозмочь. И боли нет. Чиста его одежда. И за окном рассвет. И есть надежда.

(2008, Москва – Бронкс – Гриннелл)

4.

К надежде от отчаянья кругами мотает нас, считай, четвертый год. Цезуры, переходы есть. Нет нот, не выученных в этой полной гамме. Я рассчитался с прошлыми долгами с процентами и возвращеньем льгот, но как в басах мне распознать фагот, расслышать тему в этом грозном гамме? И голосом, и слухом обделен, любовью слаб и верою обижен, веду, пробитых трюмов капитан, вцепившись в руль, одолевая сон, четвертый год в открытый океан титаник свой, надежды бризом движим.

(май 2008, Бронкс)

6.

Мне с юности казался странным
за муки все возврат Иову
его потомства, но другого
в придачу к козам и баранам.
И златоустым Иоанном
не удостоены ни слова
обмен обносков на обновы,
размены в стаде безымянном.
Я в суперпахана не верю.
Кто в кровь учил меня морали?
Нет, чем любовь, прицельней цели.
Писцы там что-то переврали.
Оплакать легче мне потерю
Тебя, чем смерть теодицеи.

(май 2008, Бронкс)

10.

Накатилась мертвая усталость
вроде не с того и не с сего,
и одно желание осталось –
спать, не быть, не помнить ничего.
Это «я» во мне такая малость –
чтоб заверить кровное родство.
Застрелись, к себе тупая жалость,
дезертирской сборки естество.
То ли вправду Бог вдохнул в нас душу,
то ли кантовский императив
в нас вселился прихотью мутаций,
только я умру, но не нарушу,
заповедь, что в списке опустив,
ты отдельно дал мне: не сдаваться.

(август 2008, Бронкс)

Е.Я.

От камня по воде круги, растопит айсберг
пламень спички. Но, милый друг, себе не лги,
раз не умеешь с непривычки. Вольно ж тебе
признать стихи за формулу различий духа, за
дистрибуцией стихий следя вполглаза и вполуха.
Ведь и железная строка слаба для притяженья
истин, а гравитация легка лишь там, где бег
планет расчислен. Всем сестрам по серьгам
раздай, наплюй на пол и свойства наций и
веселись, внося раздрай в науку идентификаций.
Забуть себя, побыть другим, чтоб ощутить
родство в их шкуре и архетип принять, как
гимн, стоямя в любой архитектуре. А что же
дух? Постой, постой, здесь только кожа, только
кости... мы ненадолго, на постой, с одной
пропиской на погосте.

НУС, 2013

ПЕРЕВОДЫ

РУБЕН ДАРИО

ФИЛОСОФИЯ

Паук, восход приветствуй и вытри злые слезы,
за счастье жить, о жаба, восславь Творца щедроты!
Корявый краб шипами вполне достоин розы,
а в устрице осклизлой от женщины есть что-то.
Так будем тем, что есть, обиды не тая!
Непостижимое – лишь форма бытия.
Оставим труд разгадок природе и Творцу...
Трещи, цикада, под луной! пляши, медведь, в лесу!

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА

СОНЕТ

Пока, с твоими локонами споря,
напрасно солнце золотом лучится
и белизной чело твое кичится
пред лилией в сияющем уборе,
пока, твоим устам зовущим вторя,
гвоздика тщетно взор пленить стремится
и с глубиной очей твоих сравниться
мечтало бы пристыженное море,
услладу уст, очей, ланит, кудрей
спешу испить из моря наслажденья,
пока на смену золотой поре
гвоздик и лилий не пришло забвенью
сухой фиалкой в тусклом серебре,
и ты не стала прахом, тленом, тенью...

Милитарёв Александр Юрьевич род. в 1943 г. в Томске. Российский филолог и лингвист, специалист в области семитского, берберо-ка-нарского и афразийского языкознания, применения лингвистических методов в реконструкции этнокультурной истории, а также иудаики и библеистики. Автор 4 монографий и около 150 научных и научно-популярных статей. Представитель научных школ И. М. Дьяконова и С. А. Старостина, Московской школы дальнего языкового родства. Ректор Еврейского университета в Москве / Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова (1994 – 2009). Член общества «Мемориал» (1990 – 1991), участник обороны Белого дома (август 1991). В 90-е годы инициировал обращением к Дж. Соросу соросовскую программу помощи российским гуманитариям и деятелям культуры и всероссийский конкурс научно-исследовательских проектов, поддержавший несколько тысяч российских ученых в области гуманитарных и социальных наук, и был одним из организаторов этих программ. Поэт и переводчик. Автор книг «Стихи и переводы» (М.: Изд-во «Наталис», 2000), «Ното tardus (Поздний человек)» (М.: Изд-во «Критерион», 2009). «Охота за деревом». (М.: Издательские решения, 2018 г. Живет в Нью-Йорке и Москве.

Борис Клетинич

МОЕ ЧАСТНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Фрагмент

1.

Витя Пешков.

Я заболел в воскресенье в кухне.

Вот как это было.

Баба Соня искала грецкие орехи в пенале с крупами и поддела шторку.

В окне сиверкнуло.

Там – неуверенно и густо – первый снег шёл.

И тогда мама взяла мою голову двумя руками.

Лицо её всеми порами выставилось над моим лицом.

«Жёлтые!» – ахнула она.

Декабрь 1975, Кишинев.

Еще никогда она не смотрела в мои глаза так долго. А с тех пор, как родилась Весна (сеструха), не смотрела даже мельком.

И вот она стоит и изучает мои глаза так, точно я тут не при чем. А только глаза.

Потом подвела к подоконнику «на свет», и опять изучает.

И, главное, взгляд такой цепкий, точно пацаны с гвоздичими сапками идут по морскому пляжу и протыкают песок в поисках сокровищ.

А тут и баба Соня на очереди. Вытирает руки о фартук. И ей моя голова понадобилась.

Бабы Сонин смор моих глаз был неодобрительный. Как будто в нашем доме ей одной можно болеть.

«Ну хватит!» – я стал вырываться из рук.

Окошко в кабине «Скорой» было в серых шторках на леске.

За ними город окривел. Стал неузнаваем.

Тот ли этот город, где я родился, жил. Влюблялся, играл в футбол.

Те ли это кварталы, по которым Брежнев пролетел в открытой «Чайке»?!

По которым Пушкин с тросточкой гулял?!

Стемнело так быстро, точно из ведра окатили.

Через 20 минут. В приемном покое.

Пижама была с дымком.

– А потолще белья нет? – рассердилась мама. – Где кастелянша?.. Кастеляншу сюда!..

В приемном покое все посмотрели на нас.

Толстая кастелянша появилась.

Она была толстая, но неживая. Будто бы родилась тут в больнице, и ни разу в город не вышла.

Мама велела ей щупать мою пижаму, а потом заговорила по-молдавски – довольно ловко. Я не знал, что она умеет.

Кастелянша ушла и вернулась с пижамой поновее. Было видно, что она боится маму. Потому что мама на этом своем молдавском... точно охотник в утиный манок дует. Вроде бы кря-кря. А на деле – пиф-паф.

И тогда ко мне санитар подошёл – увести как арестанта.

«Ты Лебедеву позвонишь?» – спросил я маму на прощанье.

«Что-о? – удивилась она. – Зачем?»

«Ну это... ну что я в больнице!..»

И, увидев ее растерянность, выпалил еще вопрос (душивший меня всю дорогу):

– Я не умру?..

«Новости дня! – в нетерпении она схватила ручку двери. – Ты только вступаешь в жизнь!».

И – толкнула дверь.

Она была живая, громкая. С красными щеками в стрельбе мороза. Поэтому не терпелось ей сбежать из этого царства мертвых.

Санитар повел меня в больничный парк.

Уже стемнело, и старинные деревья паслись, расседланные, под крепостным валом. Тонкий

покот ветра («у-у-у-у... у-у-у-у») подгонял их в спину.

А вот город ничем себя не выдавал. Ни звуком, ни сигнальной ракетой. Точно там, за каменным забором, фабрики и заводы больше не дымят, магазины не торгуют, автобусы и троллейбусы вымерли.

Как будто там голая тундра без огонька.

И хотя я помню, что там проспект Ленина, самое устье его над Скулянской горкой, а чуть ниже кондитерская фабрика «Букурия», пышущая огненным какао днем и ночью, это не гарантирует ничего.

Я умираю.

2.

В палате.

Никто и головы не повернул, когда я вошел. Только с дальней койки спросили, какие у меня билирубин¹ и трансаминаза².

На всех койках стихли, ожидая моего ответа.

«Билирубин»?.. «Трансаминаза»?.. – не понял я.

«Всё ясно с тобой! – повеселели кругом. – Десятку отсидеть придется!..».

– Десятку? – ахнул я.

– Как минимум!..

И стали кивать друг на друга: «Вот он уже 15 лет в этой палате... А вот он 40 лет... а вон того, в углу, до самой смерти прописали!.. Так что отдыхай!.. Отмучался!..»

И я... хм... и я... и мне понравилось, как они распорядились мною.

10 лет так 10.

40 так 40.

Сам не думал, что мне это так понравится.

Улегшись в койку, я взял с тумбочки «Огонек» (за прошлый год) и стал читать с 1-й полосы.

Неужели и вправду отмучился?!

Ура!

Палата была в 2 грядки, по 5 коек.

1 Билирубин – один из желчных пигментов.

2 Трансаминаза – фермент, способствующий усваиванию пищевых белков.

Окно забинтовано на зиму.

На тумбочках тарелки-чашки, шашки-домино, «Огоньки», затроганные до слизи...

И я подумал, что, если смерть выпадит вот так: под выпуклой луной, в отдельной от всего мира комнате, где не происходит ничего, кроме болезни, где ты иголка в яйце, а яйцо в утке, утка в зайце, земля в космосе, а сама жизнь в далеком прошлом... – то все не так плохо. Есть даже плюсы. Они там за забором еще живут. Еще только боятся смерти. А я уж встретил ее. И – ничего. Терпимо!

Ночью я истолкался без сна.

Как это так: 10 лет, 40 лет?!..

А если... м-м-м... и вправду... до самой смерти?!

А вдруг не шутят!?

Только представить, как меня в гроб кладут!

И закапывают в землю!

Бр-р-р!

Нет, смерти я не боюсь. А вот в землю... боюсь!.. очень!..

Думаю, это из-за Весны (сеструхи).

С тех пор, как она родилась, я пофигу всем.

Особенно Лебедеву.

В последнее время он меня и к телефону не зовет. Предатель!

Если бы он с самого начала объявил, что поживет с нами (всего-ничего) 2 года, родит мне сестру с таким дебильным именем, а потом улетит в Москву за 1000 км, то я бы не стал с ним водиться.

Ни единой хроники не написал бы.

Подумаешь, был бы себе Пафнутий.

3.

Лебедев. За 1000 км.

За спиной хихикали, подмигивали. Распускали слухи.

Мол, блатной.

Это потому что на ВЛК³ берут до 35, а ему 37.

3 *ВЛК – Высшие литературные курсы.

Вот дураки, он ведь по квоте «Известий»!

Дальше – хуже. Был его день читать на семинаре, пришли одни калмыки с бурятами. И никого из центровых¹.

И что особенно ранило: центровые собирались на квартире у Б. на читку «Этногенеза и биосферы Земли»², а от него скрыли.

Почему?

В прошлый вторник все стало ясно.

В перерыве между парами вышел покурить со всеми – умолкли.

Отошёл – сразу «Третий Ша! ха-ха!.. Третий Ша! хи-хи!...» за спиной.

Во гады!..

Это был плевок в душу. Удар по сокровенному.

Дело в том, что по одиночке в большое искусство не входят. А входят поколеньем, волной! 2-3 раза в столетие! Оттого и оставил дом, семью, уютную провинцию, оттого и кинулся в океаническую стихию Москвы, что именно сегодня, сейчас (по многим приметам!) – фаза собирания волны. Проморгаю – останусь один и никому не интересен. И что же – не берут?! Выталкивают из поколенья?!

Декабрь 1975, Москва.

От Нади поступало по 2 озабоченных письма в неделю:

«...Весна плохо развивается, мелкая моторика отстает от возраста... У Вити тройки да двойки в школе... Мама – колит, гастрит... В гостинной потолок течёт... И ты обещал Рэма навестить! Разведать про харьковский период!..»

«Убил бы, – поморщился Лебедев, – за этот харьковский период!.. За этого третьего Ша!..»

Но он и вправду решил выбраться в гости к Рэму.

Тем более что других планов на вечер не было.

И тем более, что – помимо харьковского периода – имелся еще и собственный интерес.

---

1 Центровые – москвичи и питерцы.

2 «Этногенез и биосфера Земли» – историко-философский трактат Л.Н. Гумилева (гвоздь сезона!).

Но сначала про харьковский период.

О том, что имеется в виду.

1-й Ша (который Шекспир) не оставил после себя ни единой рукописи, ни единого клочка бумаги, надписанного его рукой. Его отец и мать, его жена, его дети (!!!)... были неграмотны. Сам факт его существования – под вопросом.

2-й Ша (который Шолохов) в возрасте 22 (!!!) лет создал величайший эпос века. Без единого черновика (!!!). Сам факт его существования под вопросом (до того не похож на гения испившийся, изолированный от мира казачок с малограмотной речью).

3-й Ша (на мою голову!) начинал литкарьеру в Харькове, во время учебы в автошколе (в одной группе с Рэмом). Вот тут и надо «разведать».

Теперь про собственный интерес.

Рэм как таковой!

Чудная персона! Инвалид на скрипучих протезах и... Дон Карлеоне – судя по богатству в доме (Фаберже в буфете, Левитан с Поленовым на стенах, 1000-ватный «Sony» в спальне...). Осенью 1941 потерял ноги в боях под Ленинградом. И при том часовой мастер с исполкомовской лицензией на ИТД³ в сердце Москвы (это какие связи нужны!). «Вот дурак!..».

И Лебедев со всех ног побежал на Кирова – в «Ремонт часов» к Рэму.

«Вот дурак!» – относилось к себе. К тому, что до сих пор не влез в душу к Дону Карлеоне. Не выцарапал материал для книги.

Вот что необходимо выцарапать:

1. Верно ли, что, если по-хорошему да по-умному, то Ленинград надо было немцам сдать – вместо того, чтоб заморить треть населения в блокаде?

---

3 ИТД – индивидуальная труд. деятельность. Лицензия на нее выдавалась Мосгорисполкомом в исключит. случаях.

2. Верно ли, что необученных салаг из ДНО (дивизия народного ополчения, в к-й Рэм воевал) бросили на Ладожский лед без запаса патронов, без артиллерийской поддержки, не давши отдохнуть после 3-дневного пешего марша?

3. Верно ли, что и в самые смертные дни блокады в Смольный – спецсамолетом – доставляли рябчиков и устриц из Кремлевской кухни?

4. Верно ли, что на победных улицах 1945-го года происходили облавы на безногих инвалидов (дощечки на подшипниках, упор-отталкивание кулаками об землю...) для выселения на северные острова (чтобы парадный вид не портили!)?.. И еще.

5. Безногий Рэм (еврей, 55 лет) и худая басовитая баба Дуня (из самарских купцов, 80 лет), ворчливо контролирующая каждый его шаг, – кто они друг другу? И последнее.

6. Безногий Рэм и теща Сонь Михайловна (со следами былой женской прелести)... – их-то что соединило?!

Во материал!

Во – «пятый угол»!

Под «5-м углом» Лебедев понимал некое литературное открытие колумбовых смелости и масштаба, некий художественный архипелаг в пелене литературной дали, вроде того, что Исаичу открылся.

Пример Исаича вдохновлял. Пускай и ценой ГУЛАГа!

Да, пускай ГУЛАГ, пускай удары судьбы и прямая тень смерти! Но чтобы никакое поколение – без меня – не поколение! Чтоб никакого собирания волны – без моего доплеска!

На Кузнецком мосту фонари были погашены. Тусклые цепи автомобильных фар не удаляли тьму. Задумавшийся Лебедев пережидал красный свет на углу Кузнецкого и Трубной, когда его – будто цветным рисом в лицо! – атаковало встречное лицо женщины...

Борис Евгеньевич Клетинич родился в Кишиневе (Молдавская ССР) в 1961-м году. В 15 лет под влиянием талантливого одноклассника (Евгений Хорват) стал сочинять стихи. Во Учился во ВГИКЕ в мастерской Евгения Габриловича.

После окончания института — служба в Советской Армии (ВВС КБВО). Там, во время строевых запевов, начальство расслышало его звучный бас. Начали вызывать на всевозможные парадные мероприятия — солировать в хоре летчиков.

Придя из армии, работал на киностудии «Молдова-Фильм» в должности редактора. В 1988-м году по сценарию Б. Клетинича был снят художественный фильм «Ваш специальный корреспондент» («Молдова-Фильм» по заказу Гостелерадио СССР).

Вскоре переехал жить в Израиль. С 2002-го года — в Монреале (Канада) В 2004-м запел со сцены. С тех пор дал более 300 концертов — в Монреале, Нью-Йорке и Иерусалиме. Стихи и проза публиковались в «Новом Мире», «Волге» и «Юности», в молодогвардейских альманахах «Поэзия» и «Истоки», в журнале «Киносценарии» (Москва), в израильских литературных журналах «22» и «Зеркало», в канадской и американской периодике.

В 2017-м завершил 20-летнюю работу над романом «Мое частное бессмертие». Он опубликован в журнале «Волга» (Саратов, Россия, номера 1-2 и 3-4 за 2017). А два года спустя вышел в книжном издательстве «Арсис-букс» (Москва).

Татьяна Цветкова

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ Б. КЛЕТНИЧА «МОЁ ЧАСТНОЕ БЕССМЕРТИЕ»

«Любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись, – это всегда автопортрет», – сказал известный английский афорист Сэмюэль Батлер. Автору никуда не скрыться, даже если образа автора нет на страницах (или полотне, например). Во-первых, стиль – это человек, во-вторых, – мысли, наблюдения создателя, «почва», на которой он взрос и его судьба (да, «почва и судьба») так или иначе отразятся на страницах, холсте и т.п. А уж если произведение хоть в какой-то степени автобиографично, и образ автора есть, да ещё в образе персонажа, то тем более...

И тут полностью оправдывается название (великолепное, на мой взгляд, хоть патент на него выписывай) – «Моё частное бессмертие».

И каков же автор?

Вот, что я вычитала об авторе: он большой жизнелюб, прежде всего; ви-

тальность – его главное качество. Кажется, нет такой трагедии (исторической, личной), которая сокрушила бы его непобедимое жизнелюбие, его волю к жизни и счастью.

У Андрея Платонова есть такой рассказ «В прекрасном и яростном мире», и это платоновское определение из заголовка очень подходит для картины мира в романе Б. Клетнича.

Молдавским ли солнцем возвращена такая влюблённость в жизнь, генетическим ли кодом обеспечена..? (О родных людях, думаю, повествование в романе, и они тоже жизнелюбы, особенно Шанталь).

Энергией напоены строки романа, и читателю не заскучать. Кто-то из критиков сетовал, что в книге много сюжетных линий, несколько повествователей, что роман подобен картинке из пазлов, и это затрудняет чтение... Не знаю, мне не затрудняло... Смена ракурса лишь подчёркивает мозаичность, многообразие мира людей, жизненный калейдоскоп... А упрощать авторскую картину мира, чтобы соответствовать некоему умозрительному формату бестселлера (чтобы удобно читался не слишком внимательным читателем), по-моему, не стоит...

Стиль романа импрессионистичен. «Словесные мазки» таковы, что сразу получаешь впечатление, создаётся образ и настроение...

«Утро было только-только с грядки, такое свежее»

«А город мой зелен до того, что в обвое алей, озёрных плавней, дворовых орешников казался кривоул и провинциален» (это о Кишинёве)

«Из оркестра выхлопнуло музыкальное

пламя»

«Фильм, как яичница, заплясал на экране»
«Левша и лебедь советского футбола» (а это об Олеге Блохине, советском футболисте)
«Он был худенький, прозрачный. Весенний, как берёзовый сок. Серьёзность, юность, незатрёпанная талантливость светились в нём» (а это о молодом Анатолии Карпове, будущем чемпионе мира по шахматам)... можно цитировать и цитировать...
А лучше читать!

Это роман – самоопределение, роман-самоидентификация в пространстве и времени; осмысление своей родословной; он наполнен дорогими жизненными воспоминаниями, скорее даже, воскрешёнными эпизодами прошлой жизни, которые таким образом получают бессмертие.

Жизнь предков, о которых слышал и читал, родных, современников, с которыми сталкивала судьба, преломлённая в сознании личности...

Семейная ли сага это? Возможно, но личностная печать на всём повествовании вступает в противоречие с традиционностью этого жанра. Очень живые диалоги, шахматные главы великолепны, могли бы стать самостоятельным произведением (приквелом, например, выражаясь современным кинематографическим языком).

«Очарование – как говорил Стивенсон, – одно из основных качеств, которыми должен обладать писатель. Без очарования всё остальное бессмысленно». Очарование жизни, её свежее дыхание, не подвластное форматированию, ощущается в этом романе.

Есть такой белорусский поэт – классик бе-

лорусской литературы, Максим Богданович, самый романтический поэт моей родины, погибший от туберкулёза очень молодым, в 25 лет. В стихотворении, написанном после выхода своей книги, он написал: «Я не самотны, я книгу маю з друкарни (типографіі) пана Мартина Кухты» (не хочется переводить эти строки, скажу только, что «самотны» – это одинокий). Я думаю, очень многие люди хотели бы написать книгу о себе как о «произведении» причудливого хода истории, случая, совпадения массы фактов, характеров и отношений, сохранить память о себе, своем роде, т.е., обрести «частное бессмертие». У Бориса Клетинича это получилось. Его книга, на мой взгляд, не только литературный прецедент, она как выполненный долг перед родными, да и вообще перед людьми – мы не песчинки в космосе (а скорее, хаосе) истории. Мы достойны своего частного бессмертия.

Вадим Жук

...МАЛЬЧИКОМ С ОБЛОЖКИ СЭЛИНДЖЕРА

ЧТО Я ВИДЕЛ

Прохладной и черной, но в звёздную крапинку ночью
Сначала разбудят всех-всех духовых музыкантов,
Один, шибко умный, припомнит двестише Канта.
А все остальные к своим инструментам рабочим
Потянутся. Трубы и горны, и долгие чудо-трембиты,
Тромбоны и флейты, кларнеты и толстые тубы
Слегка загудят, запищат, а кресты и могильные плиты
Покажутся мебелью в маленьком джазовом клубе.
И Армстронг пройдётся в джинсовом затейливом фраке,
Приветствуя новых своих планетарных своих оркестрантов,
И этот, который припомнил философа Канта,
Ему улыбнётся в белёсом рассеянном мраке.
Загробных миров посетители, горе-скитальцы –
Покуда несмелые первенцы звуков грядущих
Они разминают затекшие смертные пальцы,
Катают в гортани колёсики маршей воздушных.
О да! Оркестровыми стали могильные ямы,
А кости и прах стали новой и радостной плотью.
И каждого лабуха в новом ансамбле заботит,
Чтоб не лажануться... Пред кем, говоришь? Да пред нами!
Сейчас мы услышим зурну, саксофон и валторну,
Мы –римские всадники, слесари из жилконторы,
Шофёры, менялы, глотатели кинопопкорна,
Тихони, бойцы, стриптизёрки, портные, шахтёры.
И вот заиграли! Не чёрный вельвет Фридерика,
Последним укутавший нас под брэнчание ловкой лопаты,
А музыку плотской любви или детского крика,
Звон первых стаканов, шуршания первой зарплаты,
Нешумное Нила течение, стихов первоходы шумерских...
Они заиграли! Как правильно нас воскресили,
Как верно нашли в каждом бывшем умершем
Момент, когда был он в добре, и в уменьи, и в силе!
Вот, как это станется, девочка. Как будет дальше – не знаю.
Откуда мне знать? Я такой же, но только глупее.
Но с Кантом согласен. Как тихо. И кошка ночная.
Смотри за окно. Это, кажется, Кассиопея.

16 октября 2021

МНОГО ЛЕТ НАЗАД

Ранка чем хороша? – к ней можно прижать подорожник.
Отнимешь – на тонких волокнах твоя бледноватая кровь.
У клуба рисует плакат матрос – самодельный художник.
Матрос на плакате насупил военную бровь.
Ни землю родную, ни бак, ни помятую кружку,
Врагу мы ни пяди, конечно же, не отдадим.
На стрельбище в двух километрах ударила пушка.
Попил. Мне ужасно не нравится полное имя «Вадим».
А старшие сестры зовут меня «Вадя» и «Вая»,
Матрос тот, что с кисточкой, курит вонючку «Звезду».
По носу другого матроса проходит улитка. Живая.
Беру её и потихоньку на землю кладу.
Ладони прохладно. Улитка сообразила –
И чешет в траву. Между прочим, я тоже однажды курил.
Сгружают коробки с покорного грязного ЗИЛа
И газик у самого клуба затормозил.
Художник закончил матроса. И бросил окурок.
Листает журнал «Крокодил» – ищет образ врага.
Федося идёт – всем известный придурок.
И до коммунизма осталось четыре шага.

16 октября 2021

* * *

Меня орел закогтил и отнес в гнездо
Но дети меня не расклевали
Я стал им читать стихи
Хохотали над ястребом Бродского
Заплакали над сижу за решёткой в темнице сырой
Они прикрыли меня крыльями:
Ночь была свежа
Утром я сбежал

17 октября 2021

* * *

Борису Жутовскому, Сергею Таску

Забывши человеческие меры,
Две пушкинские жизни отрубя,
Всё мальчиком с обложки Сэлинджера,
Сам удивляясь, чувствую себя.
Не падал в пропасти и рожь не сеял,
Жил приблизительно, как многие живут.
Но чаще в меньшинстве, а не со всеми,
Не в венике, а так, отдельный прут.
Всё мальчиком с обложки Сэлинджера
У притолоки или у окна.

Сегодня день, как та обложка,серый.
Мне ничего природа не должна.
Позволили смотреть на мир кленовый –
И слава Богу. Мир кленов и нов.
Мир мальчиковый. Он Райт-Ковалёвой
Переведён на сотни языков.
Вот и на мой. С моей некрепкой верой,
С доверчивостью глупого скворца.
Всё мальчиком с обложки Сэлинджера.
И так уже, наверно, до конца.
18 октября 2021

* * *

Не говорили «дождевик»,
А говорили «плащ».
И поднимали воротник,
А свитер – для тепла.
И «пыльник» тоже был плащом,
А наверху кепарь.
Был «плащ» уже, зачем ещё
Перегружать словарь.
Варились петухом во щак
Мы в оттепель и мглу,
В своих аксёновских плащах
Торчали на углу
Пересечений трёх эпох,
Надежд, любовей, вер;
Бросали об стену горох,
И ждали дождь в четверг...
А что теперь? Наш плащ теперь
Давно повешен в шкаф.
Живёт, как прежде, без потерь
Угрюмый Голиаф.
Сижу, верчу в руках пращу.
Живу, в кулак свищу.
Ты видишь – я не по плащу,
Я просто так грущу.
19 октября 2021

Саша Немировский

ВДВОЕМ С СИЗИФОМ

Поле. Слежавшаяся сухая, невозделанная почва. Невысокие колючки. Лес колючек, упирающийся в горизонт. Редкая вмятина, две, три – попытки возделывать землю, быть может, посадить что-то. Поле – это целый мир. С чего начать? С уборки валунов, с размягчения почвы, с заточки плуга? Примерно такое ощущение у поэта, смотрящего на Ойкумену и опирающегося на плуг поэзии. Ощущение огромности задачи и понимание ограниченности своих сил, и, главное, ограниченности времени. С какого края начать? И неизбежность возделывания. Да ощущение одиночества перед масштабом поля. И потребность работы. Как бы, чем бы она не кончилась – работа ждет, и часы тикают. Восход уже брезжит, и первые камни уже перевернуты.

Колесо

*Ничего не останется, только глина
слов,
из замеса которых взойшёл
и в которые канул.
Информация карандашом
на бумаге, пеликаны –
караванным клином,
вдоль обрыва над морем.
Баркас, продающий небольшой
улов,
покупатели стрём
на причале,
и мое отсутствие, как давным-давно,
тогда, в начале.*

Слово многомерно. И если считать измерения Слова, – то первое – буквальный смысл. Второе – звукопись. Если сочетать первое и второе вместе в стихе, то получается поэзия. Силлаботоническая поэзия со своим регулярным ритмом, размером работает по простому принципу: волна буквального смысла ставится в резонанс со звуковой гармонией, опирающейся на регулярный размер и строгую рифму. В результате получается многослойный смысл, многослойное значение слов и словосочетаний. То, что собственно и есть поэтическая вертикаль стиха. Если же идти дальше, а именно, если сделать из строк не размер, а цельный мотив, если размер не регулярен, а подчинен общей мелодии, то эта мелодия выводит все стихотворение в дру-

гую размерность. Таким образом, «джаз-поэзия» – как минимум, трехмерна.

Инструмент «джаз-поэзии» всего лишь инструмент. Да, он современен, и он подходит для работы, но силы ограничены, а поле велико. Я уже не помню, когда я научился писать пейзажи Земли в красках звука. Но с тех пор, как научился, это стало стабильно получаться, если только вовремя суметь задержать впечатление от увиденного и подслушать его тему. Палитра замешана, кисти отточены, холст натянут. Люди, их улыбки, походка, айсберги небоскребов, машины – все идет в дело, лишь бы мелодия легла точно, лишь бы гармония увиденного была передана, захвачена в застывшем времени. Как-то вот так.

Открытка из Хайфы

*Здесь хорошо в вечернюю прохладу
пройтись под горку, выпить пива,
посидеть
с друзьями вкупе.
Глазам в награду –
виды на красиво
вознесенный купол
Усыпальницы над портом.
В переплетении сетей
из рам подъемных кранов курлычут птицы.
Рой у хранилища в расчете на зерно.
Когорта
из террас
восходит от немецкой слободы
В порядке регулярном. Устремиться
вверх по ним и мне, но
не припас
заранее воды,
хотя бы флягу,
чтобы вблизи разглядывать узоры ваз,
внимать ручьям, шурующим по
ступенькам,
вдыхать цветы в вершинах водостоков
и помаленьку
размышлять, забыв напруги,
о равенстве людей от колыбели
и до мгновения, когда уже не храбры.
Сквозь мудрости, услышанные в речи,
смотреть, как волны запада мешаются к
востоком
в бокале красного со склонов Галилеи
с пейзажем на кокетливую сабру.
Здесь пил предтеча,
Здесь бывал пророк.*

Форма «джаз-поэзии» удивительно приспособлена к наблюдениям. Так же, как и музыкальный джаз,

где мелодия, прыгающая ли по аккордам, или текущая потоком блюза забирает слушателя в себя, и ведет, несет, чтобы оставить на другой плоскости, в другом измерении, откуда печали и радости выглядят иначе. Печали мельче, а радости больше. «Джаз-поэзия» меняет масштаб окружающих нас вещей, и это изменение масштаба и есть другая реальность, в которой можно жить дальше.

Да, стихи должны очищать и вести к свету. На счет очищения – классическая размеренная, силлабо-тоническая строфа делает свое дело отлично. Читая пронзительные строки великих поэтов, мы вздрагиваем, душа трепещет, сбрасывает грязь, и мозг переосмысливает бытие. А вот дорога к свету – это не всегда, а точнее, очень редко. К свету не выйти, если не обрести сил. Освободившись от груза регулярного размера, «джаз-поэзия» позволяет творить в целых, собранных вместе, нерасторжимых узлах сложных эмоций. Сложная эмоция придает силу сразу. А обретение сил – это и есть изменение масштаба. Относительность размеров грусти и радости решает, в конце концов, вечную битву между добром и злом. В этом, видимо, и есть главное удовольствие от жизни.

День первый

*А что, стихи, всё равно о чём?
Это – как отправиться в плавание
на кораблике из рифмованных строчек,
подбирая желаемое как главное,
помня, что Бог создавал мир ночью.
Почерк
при таком раскладе был неважен.
Когда мироздание
Зазвучало, – в нём уже была рифма.
Кораблик, забитый переживаниями, как
поклажей,
лавирует между рифов
сознания.
Намокает бумага – лишь бы не сесть на
мель.
В нулевой тишине первый звук есть
бесконечность.
А когда растает первое слово –
это первый рассвет. Первая цель –
вечность.
Умиравший звук готово
рассыпается светом вселенной. Трель
птичья ещё не сделана,
а то бы она звучала.
У кораблика ещё нет причала.
У нас с тобою ещё нет тела.
Но есть начало.*

«Джаз-поэзия» не очень любит быть напечатанной. Она ближе к трубадурам.

Однако, в ту эпоху развитие музыкальных инструментов было еще в зачатке и рифма, опирающаяся на размер, была очень важна. Особенно она стала важна, когда пошло книгопечатание – когда появилась возможность и стихи стали читать в отрыве от артистического исполнения. Вот тут-то силлаботоника воспряла. Теперь, сегодня, идет следующий виток. На котором новые носители (кроме бумаги) позволяют снова звучать артистическому исполнению, «печатность» рифм уже не так важна, как совокупность их звучания.

Музыка несет в себе свой собственный смысл. Многие наверняка замечали, выходя с хорошего концерта, что мир выглядит по-другому? Это и есть изменение масштаба, о котором идет речь. Человек и природа – как бы солист и оркестр. Они звучат в гармонии данного пейзажа, они резонируют и оба светятся и свет одного перетекает в другого. Даже, иногда джаз-ритм проходит внутри размеренного силлаботонического строя.

Альпийская открытка

*Долина гор, зажата в теснину.
Деревня ограничена плато. Авто,
подвластное закону серпантина,
ползёт, не нарушая ни за что
режим, указанный дорожным знаком.
А сверху светят знаки зодиака
прорехами в ночном пальто.*

*Вершины белые над темным
скальным торсом
в контраст с домами, где – наоборот –
белеет низ под чёрным контрфорсом
балкона, сдвинутого чуть вперёд.
Народ, гуляющий по скользким тротуарам,
цветных витрин манящая жара,
вдыхаемая скальным кулуаром,
где ледопад блестит. Зимы пора.
Наутро камни поседеют снегопадом,
двора гостиничного станет не узнать,
и склон, что ночью показался рядом,
отступит далеко, не дошагать.*

*Восход румянит белые косынки
далеких пиков. Светится река,
краснеет фартук ледника,
хребта чуть розовеет вязь.
Ты спишь. Подушка сбита.
Свесилась рука с простынки,
в ладошку луч пытается попасть.*

*Другая жизнь – красивая девчонка,
чья волосы смеются на ветру,
не преступная смутную черту,
щемит в груди, улыбкою, нечётко.*

Что такое «Джаз-поэзия», как она устроена, и какие там действуют строгие правила, я уже писал, сначала в «Манифесте Поэзии» (2013) и недавно, пять лет спустя, более точно, в эссе «Музыка формы» (2018). Так что повторяться не буду, это мысли о применении формы, а не о том, как она устроена. Вот только несколько ключевых определений без иллюстраций и отличий, сугубо для понимания.

Джаз-стих – это рифмованный стих, не имеющий постоянного размера, но в отличие от свободного стиха или дольника имеющий рифмы, часто множественные, расположенные вдоль текста таким образом, что создается общее впечатление цельного произведения, где мелодия слов переплетается с текстом, дополняя его до общей формы и единого фокуса. Читать произведения, написанные в стиле «джаз-поэзии», лучше всего, произнося слова (хотя бы и про себя). Естественно, что такая форма стиха существует только в тех национальных поэзиях, где есть понятие рифмы и размера.

Джаз-стихотворение всегда легко узнать по наличию общей мелодии, выполненной в разных размерах или, иногда, по наличию нескольких мелодий (особенно такая много-мелодийность присуща джаз-поэмам), а также, по обилию рифм, перетекающих друг в друга через джазовые цепочки – по, так называемой, мутации рифм.

В самом термине «джаз-поэзия» второе слово более важно, чем первое. Поэзия существует вне нас. Она была до человека и будет после. Язык – всего лишь инструмент, да и сам поэт – всего лишь среда обитания поэзии.

Да, именно так, ведь если определять живое существо, как сущность, способную на воспроизведение себе подобных, то Поэзия – есть форма жизни. Сколько раз мы видим, когда «живые» стихи попадают на почву поэтической души и преобразуются, давая ростки другой поэзии, не менее оригинальной, чем первичные семена. Примеры можно не приводить – они очевидны и вокруг нас. Начиная с поэтов, «вдохновленных» Библией, и до поэтов, вдохновленных творчеством брата по перу. Логично заключить, что если стих – это форма жизни, то он не нуждается в оправдании своего существования через публикации. Несколько слушателей, читателей близкого круга – достаточно. Хотя, конечно, публикации очень важны самим поэтам.

Точность слов или точность мелодии? Что важнее? В «джаз-стихе» фальшивая нота, неточный аккорд из словосочетаний будут колоть и разрушать волшебство света. Точность слова? Да, конечно, она важна, это же стих все-таки. Но как может быть точным

слово, если есть несоответствие между темой, скажем, пейзажа и инструментом языка (как кистью с краской)? Я пишу по-русски. Но я рисую нерусскую жизнь. Это только один конфликт между средой обитания и инструментом возделывания. И он неизбежен. Язык неточен. Даже когда нет конфликта, даже когда русский автор отражает русскую жизнь, он все равно неточен. После изгнания из Рая, от слов нам осталось их значение, в редком случае не искаженное эпохой или эпохами, прошедшими до нас. Где то могучее Слово, которым Он создавал вселенную? От него человеку даны только два измерения – смысл (о котором мы все спорим и спорим) и звук. И иногда звук более точен.

Поэзия

*Язык – тюрьма моя. Не выйти.
И ни подкоп, ни подкуп невозможны.
Марионетка в предложений нитях –
опутан ложью.
Покрытый потом,
по непроложенной тропе
к вершине Истины иду,
бренча словами
под клёкот времени, точнее под припев.
Но под ногами
лишь песок, и редко – звука камень.
Как шторм в причал,
бьюсь бешеным прибором
о скалы сути, волнами бегущих фраз
на брызг бессонниц. И рукой слепою
вычерчиваю вязь иллюзий.
Но беспокойным ливнем текста водосток,
кружась, впадает в Лету.
Рукою заскоружлой,
мгновеньем света,
баланду слога шваркнут на листок.
Пожизнен срок.
Я оставляю меты
на стенах словосочетаний –
сам не Слово. Из начертаний –
только нить мечтаний –
вот всё, что смог.*

(California. Woodside, Jul 2018)

АВСТРИЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Ноябрь. Вена. Здание музея. Старший Брейгель.
Наряженная ёлка.
Зачем я здесь?
Гениальные панели,
взвесь
мороси, что воздуха барокко,
легла на спесь
фасадов, на кафедральных башен стебли.
Весь город разукрашен
к Рождеству, что длится месяц
из обветшалых дней.
Как пряна ночь искусственных огней,
когда над улицами люстры светят,
когда ступени лестниц,
не стыдясь граффити,
нарядных девочек ведут на пьедестал.

Дождь перестал.
В зените
красный шар – как есть намек.
Полотна площадей, холсты дворцов.
Под козырек
парадного подъезда забился фэзтон.
Зажаты тормоза.
Возница что-то мямлит –
немецкого стаккато сухота.
Кариатиде мокрое лицо
поможет вряд ли,
где каменных орлов отбеленный жетон
всё стережет
еврейского квартала воздух
от побега. Барух Ага.
Прижата глыбой память Холокоста
на Юденплац.
Давно ли Питер рисовал те кости?
Почти полтысячи годов тому назад.

Саша Немировский

JAZZ - ПОЭЗИЯ

Саша Немировский (Александр Немировский) – поэт, писатель, хай-тек антрепренер, гражданин мира. Родился в 1963 и вырос в Москве. С 1990г живет в Калифорнии. Считается основоположником поэтического стиля «jazz-поэзии». Автор 8 книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в журналах и альманахах: США, Канады, Германии, России, Финляндии. Лауреат литературной премии «Хемингуэя» журнала «Новый Свет» за 2017 год, член Петербургского СП (иностранное отделение). Главный редактор первого в мире литературного звукового авторского журнала «Западное Побережье». <https://westcoastlit.com> Подробные литературные статьи-эссе о «Jazz-поэзии» можно прочитать в журналах: «Интер-поэзия, №3 2018, «Журнал Грани» № 269 2019, №276 2020, «Новый Свет» №3 (21) 2018, «Нева», №11 2019. Книги можно скачать и читать на персональном сайте автора <http://nomer.us/books.shtml>

Книжки с картинками обложек здесь:

<http://nomer.us/books.shtml>

можно скачать и читать бесплатно.

Бумажные книжки – по запросу:

<http://www.nomer.us/nsite/nsiteone.anketa>

Майкл Голдшварц

...В УГОЛ, НА ПРЕДМЕТ

(Отрывок)

*Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.*

...

*Я сделал розовым быка,
Оранжевой – дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.*

...

*Еще я дождик удлинил -
Он сразу в сад ворвался,
Но не хватило мне чернил,
И карандаш сломался.*

*И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколол,
Хотя он плохо вышел.*

Рисунок. Сергей Михалков

Так, о чем это я? Да, вспомнил.

Музыка Саше нравится спокойная, сосредоточенная. Алик называет ее *Elevator Music*, говорит, что это стоит слушать только в бане. В ответ на издевательства Саша напряг интеллект и ввел в ассортимент сначала Майлса Дэйвиса, потом индийские раги.

Сейчас, конечно, такой роскоши не будет, но это не беда, французы не подведут: Поль Мориа, Джо Дассен, нетленный Адамо. *Tombe la neige*, ты не пришла ко мне. Не нужно отчаиваться, вечер еще не кончился, уже расчищают место для танцев. Выключат свет и будут ходить обнявшись или трястись под ритм. А что остается делать? Если поют «Shake!», нужно трястись. В старые времена танцевать учили в школе, теперь учат петь. Никто ведь не пытается на музыкальном инструменте, если не умеет, даже самые наглые не отважатся. Помните, как Гамлет просил сексота поиграть на флейте? А нынче все высказывают в круг, и начинается представление. На женщин, естественно, смотреть при-

ятно. А почему, если без пошлости? Потому, что хоть немного, но учились, вернее, готовились. Каждая перед зеркалом вдумчиво подбирала движения, улыбки, взгляды. Что-то отвергалось, что-то принималось на вооружение, как косметика. И в результате – красота. А противоположный пол? Все, что может продемонстрировать, это степень опьянения.

В общем, слушать приятно, но поучаствовать желания нет, и чтобы не остаться в одиночестве, надо сесть на диван и немного подождать. Придет человек и сядет рядом. Они ничего не будут делать, немного поговорят, коснутся плечами.

Любой живущий считает себя центром Вселенной, это понятно и спокойно. Ну, а если Вселенных больше чем одна, например, две, и ты об этом знаешь? По-прежнему будем искать центр? Или вообразим что-либо с двумя центрами, как у эллипса? А может, растворимся?

Придумал! Сперва уйдем от центра. Закройте глаза. Почему я дурак? Ну, хорошо, сначала прочтите главу, потом закрывайте. Это похоже на аутотренинг. Но сначала обернитесь и осмотрите всё, что находится у вас за спиной. Так. Сместите веки, вспомните, представьте то, что увидели позади себя на уровне головы. Вообразите, что у вас есть глаза на затылке. Знаете, сколько глаз у стрекозы? Пять. Так вот, начните мысленно “разглядывать” то, что Вам сохранила память. Сосредоточьтесь на небольшой области размером примерно с подушку. Воззритесь на нее умственно, “увидьте” детали. Не получается? Попробуйте еще раз медленно. По-прежнему не выходит? Сейчас выйдет: возьмите в руки какую-либо вещь, поставьте (положите) перед собой и внимательно рассмотрите. Любой неодушевленный предмет, который можно взять и унести. Неважно, дорогой он или дешевый. Как и что выбрать, подсказывать не могу и не буду. Сами, пожалуйста. Главное, главнейшее: не изучайте его долго. Минуты четыре, не больше, засекайте по часам, не то научу вас на свою голову. Самодельный Заир никогда не получится таким же чистым, как найденный, но хлопот с ним тоже не оберешься. Теперь сосредоточьтесь, отвернитесь, отойдите метров на пять и мысленно продолжайте осмотр, затем повернитесь и уже с помощью глаз уточните детали, а заодно обозрите всё, что находится в пространстве на полметра вокруг.

Снова отвернитесь и мысленно разглядите увиденное, добейтесь того, чтобы картина состояла из ясно видимого центра размером с подушку (далась мне эта подушка) и размытой периферии.

Сейчас вам понадобится немного самоуверенности. Тем, кто считает, что таковой не имеет, рекомендую вызвать в памяти образ человека, у которого она, по их мнению, в избытке (если нет среди знакомых, то сгодится любой политик-начальник из телевизора), и пусть этот вызванный произнесет что-нибудь вслух: слово или фразу покороче. Скопируйте сказанное вместе с интонацией несколько раз и почувствуйте, как у Вас добавилось (только не передразнивайте, а то ничего не выйдет). Если кто-то прежде страдал от недостатка, презентую рецепт, пользуйтесь. Граждане, которые думают, что им хорошо и без этого, пусть не волнуются: эффект исчезает через час, и привыкание не возникает, если не упражняться. А сейчас опять повернулись, но на этот раз мысленно. Именно так. Сделали? Вот. «Взирайте без колебания умственным взором на то, чего нет перед вами, как на то, что есть». Древние греки – элейская школа – словами не бросались. Дальше, надеюсь, понятно. Еще нет? Тогда продолжаю.

В течение двух-трех недель или месяцев поразвлекайтесь достигнутым. Сами не заметите, как увеличится мысленно обозримое пространство за спиной. Но самое интересное, что детали предметов, на которые, казалось бы, смотрел невнимательно, можно теперь не спеша изучать отвернувшись. Кстати, обратите внимание и не забудьте про следующее: объекты и пространство вокруг них должны быть по возможности неподвижны. Статика.

Теперь подготовьтесь к тому, что будет не легко. Задача в следующем: уже научившись мысленно оборачиваться, попытайтесь так же мысленно отступить в сторону от того места, где вы находитесь, и увидите себя, как в голливудском кинофильме, когда полупрозрачная душа покидает еще теплое тело героя. Сразу это вряд ли получится, но нам спешить некуда.

Итак, повернулись и отступили на шаг при полной неподвижности тела. И еще: не давайте воли фантазии, если не получается увидеть, не придумывайте ничего, не творите, только воспринимайте. Для тех, кто до сих пор не сумел добиться и по-прежнему спрашивает, как это – мысленно повернуться и отступить на шаг, отвечаю: никак. Больше

не пытайтесь, нет крыльев – займитесь каратэ.

Остальным поясню еще немного: вы уже умеете мысленно повернуться, так вот, в процессе поворота сместитесь от своего личного центра в сторону по ходу вращения. Хорошо, если вы не чужды балльным танцам или гимнастике – должно помочь. Это будет большой шаг во всех смыслах. Во-первых, вы сразу окажетесь... Вас как бы вынесет наружу. Во-вторых, этот первый взгляд на себя самого со стороны – перо, как говорится, бессильно. Хотя почему бессильно?! Подойдите на досуге к трельяжу и полюбуйте на свое не прямое отражение с краю, а лучше – станьте между двумя большими зеркалами, что напротив друг друга, там и насмотритесь. Прекрасно. Не придется в дальнейшем удивляться виду собственного затылка. Знаю, что телекамера даст куда больше возможностей, но мне это не мило. Зеркала, образы – вот где эстетика и здоровый снобизм, а камеры с мониторами – один шпионаж.

Дальнейшие перемещения больших усилий не потребуют: пожелайте, и исполнится, как во сне, если не переждать на ночь. Про возвращение назад мы еще поговорим. Попробуйте, по-моему, интересно. Верить не обязательно, даже лучше, если будет легкий скепсис.

Пришло время сказать о том, почему такой замечательный метод никому не известен. Тема грустная. Дело в том, что он был известен многим и с давних пор. Просто я, кажется, первый, кто выразился письменно. Кстати, если кто-то встречал в литературе нечто похожее, не считите за труд уведомить, приоритета не алчу и ссылку сделаю охотно. Одна лишь просьба: пособия по медитации с выходом в астрал не предлагать. Так вот, идея не распространялась никак. Никто не размножал брошюры, не передавал из уст в уста. Люди додумывались независимо. Да, по отдельности. Простота и доступность метода способствовали. Некто одинокий и сообразительный имел все шансы при условии, что он ограничен в передвижениях. Обитатели тюрем, детских домов и больниц – главные кандидаты на успех. Большинство из них желало покинуть место своего нахождения, зачастую с большой силой. Одиночество там тоже не дефицитно. Ну, и как тяжело было додуматься? Я же сумел (шучу).

И все-таки как получилось, что нет воспоминаний и цветистых историй? Где свидетели и сказители? Почему ничего не приходит на память, кроме

привидений и переселения душ? Потому, что плохо вспоминаете. Был Цинцинат, не исторический, а наш, цинцинатный. Как, по-вашему: он сидел, сидел, а потом вскочил и побежал из тюрьмы сквозь стены? Конечно нет. Почему же тогда не сделал описание? Была бы пара пустяков для его автора. Вопрос справедливый. Отвечу я, больше некому. Дело вот в чем: научившись смещать точку обзора, люди стремятся поскорее удалиться от места своего, часто подневольного, пребывания. Не делайте этого! Потеря ориентировки в пространстве и времени будет расплатой беглецу за поток свободы. Мозг не сможет правильно функционировать в таких условиях. Теперь понимаете, почему нет мемуаров?

Итак, усвойте: удалиться можно лишь на расстояние, с которого хорошо видна телесная оболочка. Поэтому -- никаких проходов сквозь стены! А что Цинцинат?! Вспомните, чем кончилась (или началась) его история. Еще раз: ничего не должно находиться между телом и новой точкой отсчета. Смотрите вокруг, любуйтесь, а от себя не убежишь, никак.

Кстати, возможно, мы когда-нибудь поговорим про физику явления, но для этого мне желательно самому в этом что-то понимать. На данный момент я только догадываюсь, что все основано на субсенсорном восприятии. Глубже разобраться мне пока неохота, а выдумывать отсебятину – не в моих правилах.

К знакомству с методом Саша Зарудин пришел самым что ни на есть классическим путем: через больницу. Он попал туда сильно побитым хулиганами. Обстоятельства были тоже вполне канонические. Собрались вечером шоблой, окружили одного, попросили закурить. Сперва Саша волновался не очень. Внимательно обозрел участников, ища знакомых. Нашел, но легче от этого не стало. Им оказался местный парнишка. Ребенком, подбитый старшинами на воровство, он закончил тюремную академию, успешно пополнив ряды уголовников. Его в их районе знали все, а он не знал никого. У оказавшихся с ним рядом спрашивал:

– А как тебя зовут? А кто твои родители?

Ему отвечали, неважно, в первый раз он задавал вопрос или в тридцатый. Лицо его было покрыто мелкими шрамами, ни один из которых не мог стать особой приметой. Татуировок было десятка пол-

тора, в основном – имена и аббревиатуры, а также небольшие фигуры, каждая – что-то среднее между иероглифом и логотипом крупной фирмы. Последними он гордился и называл “знаками“. Все это было исполнено крайне плохо, расплывшиеся пятна светло-синих чернил напоминали симптомы болезни. Саша видел однажды, как тот, сидя за доминошным столом, удалил с руки одну из надписей с помощью зажженной сигареты.

– Она мне не нравится, – приговаривал он, скалясь.

От шоблы можно откупиться деньгами, если дать рубля два в тогдашней валюте в обмен на подзатыльник. Счастливчиков иногда выручала интервенция. Стоило кому-то со стороны нарушить баланс четырехкратного перевеса в силе, как энтузиазм бойцов увядал на корню. Но вечерняя боковая улица не собиралась поставлять волонтеров. Был еще один вариант, для них желательный: проситься, чтобы отпустили. Нет у торжествующего хама в жизни ничего выше таких моментов. Но небитый Саша захотел рискнуть по-другому. Требовалось лишь здоровье и отсутствие спутников-заложников. Очень просто: сильно врезать одному и мимо него метнуться на волю, а там все зависит от уличного счастья. Если бегаешь хорошо, то – вперед, и пусть догоняют. Если нет, нужно найти чем вооружиться, а они, на бегу, отделятся друг от друга и будут иметь с тобой разговор по очереди.

Шанс был, было здоровье, но не было опыта. Говорун вместо закурить уже просил помочь с деньгами, нападающие вышли на боевую позицию за спиной. Саша тоже не терял времени, выбрал сбoku личность похилее, слегка согнул ноги в коленях. Упущена была мелочь, очень важная: он забыл или не захотел притвориться испуганно-растерянным. Между прочим, Алик так не считал. Он говорил, что нужно было действовать резче и быстрее. Как бы там ни было, уголовник опередил его секунды на две, чем-то коротким и тяжелым нанес удар, норовя сломать ключицу. Опытные люди потом сказали, что это был небольшой молоток. Навсегда запомнились мутно-серые глаза мстителя.

Сашу “положили“, потом “поправляли“ ногами. Когда он перестал шевелиться, ушли не спеша. В больнице сказали, что ему повезло, но он так не считал. Были поломаны ребра, разбито лицо, болел правый бок, он болит и сегодня.

Что не люблю по-настоящему, это когда мои персонажи действуют независимо от меня. Поймите, я не против того, чтобы следить за ними, маленькими, сверху. Не собираюсь двадцать четыре часа в сутки отражать в литературе свой глубокий внутренний мир, согласен плюралистично наблюдать их действия. Пусть разыгрывают сцены жизни на пространстве размером с коробку из-под женских сапог, а я запишу. Но зачем же выбираться наружу?! Кому вы нужны одни, без контекста, без замысла? Там холодно и нечем дышать, я знаю. Однако теперь уже поздно жаловаться.

С ним долго возились, дали наркоз, соединили что-то внутри, потом попросили полежать неподвижно. Он лежал, уставившись на стену рядом с дверью, точнее, на соединение стены с потолком, еще точнее – двух стен и потолка. От разглядывания лучи трехмерного угла начинали изгибаться, а его центр извергал небольшое, но тяжелое серое пятно, которое медленно и бесшумно падало вниз. Для этого его нужно было провожать глазами, а если моргнуть – оно исчезало, чтобы снова родиться в вершине угла. Когда Саше надоедало следить за пятном, он закрывал глаза. Однажды оно не исчезло, но продолжило путь в пространстве под опущенными веками. Больше всего оно походило на маленькую тучку из мультфильма.

Как долго вы будете наблюдать за одним пятном, пусть даже напоминающим тучку из мультфильма? Очень быстро оно стало досажать. Стоило открыть глаза, тут же наплывало сверху и мешало смотреть. И так было тошно, а тут еще это, неотвязное как грешная мысль. Было от чего загрустить, и Саша пожаловался палатному врачу.

Доктор медицины была крупной пожилой женщиной с умными глазами. Равнодушие к больным не мешало ей врачевать. Его восполняло отсутствие самолюбия и привычка держать пациента за руку во время разговора. Она сказала, что выпишет направление в глазное отделение для проверки и подтвердила, что ему повезло. На вопрос, почему его записали в счастливики, ответила, что Швондер во время операции зашил что-то порванное, другие бы побоялись абсцесса. Она оглянулась на пустые кровати соседей, ушедших на процедуры, и сообщила, что на самом деле фамилия хирурга – Шехтер.

Швондером он обозвал себя сам. Его никто не любит за ненормативное изложение мыслей и за то, что слишком рискует, когда с ножом. Все только и ждут, что он кого-нибудь зарежет, долго ждут, терпеливо. Вообще-то их сюда не пускают, но этот пролез по огромному благу.

В глазном отделении Саше сначала понравилось. Было похоже на персональный планетарий. Потом направили свет в глаза и запретили отворачиваться. Это понравилось меньше. Информация, добытая таким неделикатным образом из его расширенных зрачков, вытекла в историю болезни. Диагноз – воспаление глазного дна. Прописали уколы. Как говорится, полежим в больнице, заодно и полечимся. Положительный результат не был твердо обещан, но даже этот, негарантированный, ожидался лишь в туманном будущем. Саша согласился ждать, время у него было.

Тем более что нашлось развлечение. Теперь, когда он закрывал глаза, неубиенное пятно, проникая под веки, порой захватывало вместе с собой картинку снаружи. Получалось не всегда, не часто. Много зависело от освещения, остальное – от настроения или, скорее, настроя. Изображение было нечетким, местами искусственным, но в него можно было мысленно взглянуть и зафиксировать, задержать в сознании. А однажды поздно вечером, уже в темноте, увиденное днем возникло повторно. Перед закрытыми глазами слегка посветлело, как от включенного ночника, затем появился знакомый угол и под ним – все та же каталка. Пятна не было.

Утром его навестил Шехтер. Писать его портрет было бы наслаждением для художника-кубиста. Огромная квадратная голова, не доверяя шее, помещалась на широких плечах, безразмерная грудная клетка господствовала над животом, решительно заявившим о своих правах при поддержке крупного мужского зада, не уступающего плечам в ширине. Форма конечностей тоже могла порадовать поклонников этого неприхотливого направления в искусстве. И все же наибольшую художественную ценность имели ортогонально построенные черные ботинки, с которыми владелец не расставался с осени до весны. Он вошел, не поздоровавшись, и сообщил, что травмы – его любимая область приложения сил, а самый противный народ – это раковые. Что бы ты ни сделал, их потом снова привозят.

– То ли дело травмы. Зашьешь, потом прове-

ришь, всё ли в порядке, потом он тебе приносит бутылку и больше ты его не видишь.

Саша терпеть не мог, когда к нему обращались в третьем лице единственного числа. Слушать про то, какое это счастье – видеть тебя последний раз в жизни, тоже было почему-то не в радость. «Никогда не ссорься с теми, кто тебя лечит», – вспомнилась ему семейная мудрость Аликовой мамы.

– Вам бы следовало стать военным врачом, – сказал он дружелюбно.

Швондер нахмурился. В сорок втором году госпиталь, где служил хирургом его отец, попал на четыре дня в окружение. Отцу присудили высшую меру наказания, а за плохое поведение при допросе и для вящего сокращения процедуры, приговор был приведен в исполнение прямо в кабинете следователя. Он был реабилитирован одним из первых благодаря усилиям нескольких спасенных им старших офицеров. Найти убийц тогда не удалось.

Окончив школу, молодой Шехтер не захотел поступать никуда кроме медицинского института, но процентная норма для евреев там была ниже, чем при царе. Тройка по сочинению, и военкомат зазывно распахнул казенные двери.

Старший Шехтер, хоть и отделенный от любимого чада смертной чертой, сумел проявить заботу: оставил в наследство метр восемьдесят роста, что позволяло в армейском будущем не слишком опасаться ветеранов. К тому же в отделении призыва доживал свой удлинённый век отставник. Как-то раз, выйдя в коридор, куда его выгоняли курить, он встретил посетителя, кажется, виденного прежде. Человек тот помнился смутно. Даже не смутно, а не так хорошо, как разнокалиберные брызги крови на белом халате. Через три года демобилизованный сержант снова подавал документы в непоказанный ему медицинский институт. В них сообщалось про фельдшерскую школу, стаж медицинской работы и партийную принадлежность. Приемщики замечались, армейцев неарийского происхождения обычно валили на основных предметах, сочувственно бормоча про несвежие знания. Этот знал все, сочинение уже было написано, надежда зацепиться за состояние здоровья умерла от недостатка пищи для разума. Обратились за ценным указанием к установившим квоту, те вздохнули и ответили, что если партийный, со стажем работы по специальности и с хорошей характеристикой, то можно принять в виде исключения.

Между прочим, это неверно, что он самозванно стал Швондером. Автором клички был интеллигентный коллега, женатый на молодой еврейке из крещеной семьи. Феликс, человек спокойный и даже толстокожий, к искажению фамилии сначала отнесся с безразличием, но через несколько лет случайно припав к самиздату, приятно удивился, часто цитировал и едва не нажил этим большие неприятности. С неохотой прикусил язык, но фраза «Пусть Швондер оперирует» засела в лексиконе.

Сообщу, что прибегал он к этой неточной и безвкусной цитате лишь перед операциями. Повторял ее на все лады и даже напевал. Для любителей глупых вопросов наготове был ответ:

– Кто-то же должен и нормальных людей лечить.

Имелось в виду, что персонаж, сказавший про Швондера, лечил только власть имущих или очень денежных. Здесь можно заметить следующее: во-первых, откуда мы знаем, что он больше никого не лечил? Конечно, если рабски следовать за текстом его истории, то – нет, не лечил. Но зачем смотреть на вещи так узко?! Подумайте: пенсне, операционная, ассистент, прислуга, апломб... Конечно лечил. Всех лечил, а как же иначе? Во-вторых, мой Феликс? тоже не растерялся, когда представился случай. Что правда, то правда.

Случай, кстати сказать, был отличный, хоть и не самый редкий: перфоративная язва, осложненная кровотечением, в условиях сельской больницы. А вот заезжий пациент был настоящим раритетом. Благодаря партизанскому прошлому, спокойному темпераменту и удаче он оказался в номенклатуре высшего ранга. Проявлял себя с самой лучшей стороны, глубоко вникал в нужды начальников и подчиненных. Добро творил редко, но и гадостей частным лицам почти не делал.

За время своего правления такие как он не выступили ни с одной вредной инициативой, лишь продолжали начатое до них: разоряли деревню, разрушали исторические части городов, оставшиеся в ничтожном количестве после страшной войны. Поощряли политический сыск, этническую рознь, милитаризм и загрязнение природы. Особо заботились об осушении болот, то есть старались, не желая того, сделать экологическую катастрофу неминуемой для своей небогатой социалистической республики.

Те, кто поставил их на власть, были професси-

ональными борцами за всеобщую справедливость, процветание и счастье. В боях за это они не щадили ни своих, ни чужих, шли на ненасправные жертвы, напрягали силы. Результат не заставил себя ждать: справедливость и счастье давно воцарились на подконтрольных им территориях. С процветанием было много хуже. Они упорно пытались добиться его в отдельно взятой стране, потом дисциплинированно, без паники отступили с периферии, долго обороняли столичные города, но под натиском плохой погоды, лени, разгильдяйства и происков спецслужб отошли опять, закрепились на рубежах своих офисов, резиденций и зон отдыха и там стали насмерть.

Неважный полководец, например, ставший таковым, побывав предварительно лишь ефрейтором, проигрывая войну, часто увлекается тактикой в ущерб стратегии. Феликсов будущий пациент делал выезды в глубинку. Там он осуществлял идеологическую и материальную поддержку какого-либо хозяйства, выбранного по большей части наугад. Мог пожурить и даже наказать. Любил появляться в резиновых сапогах. В обычное время они стояли на скромном, но видном месте в его кабинете. Для наездов он ждал ранней весны, поскольку ему хорошо удавался поиск испорченной при хранении картошки. Вообще же, с акциями такого рода старался не перебарщивать. Они считались know how его руководителя, а субординацию в их системе не нарушал никто и никогда.

Да и зачем ее нарушать? Руководитель был тогда в фаворе у Москвы, не употреблял в разговоре с ней слова “нет“, заботился о ветеранах. Но не это отличало его от других вождей. Отличало то, что речи – и торжественные, и будничные – он зачитывал по-особенному, нараспев, чем стяжал у местных жителей славу крупного оратора. Увы, дальнейшему продвижению (очень ожидаемому) это не поспособствовало, поскольку их самый главный был весьма косноязычен. В ответ на такую несправедливость простодушное население навсегда утвердило своего земляка в звании народного защитника. Его гибель в авткатастрофе молва припишет проискам завистливых москалей.

А мы вернемся ненадолго к порогу сельсовета. Планировался внезапный приезд, краткий осмотр, потом разговор по душам и – после неприхотливого обеда – обратный путь. Уже разводил руками председатель, узнавший про сгнивший турнепс, названи-

вал куда-то парторг, метались вдали бригадиры. Феликс в это время находился поблизости. Он закусывал в местной столовой, из которой в ожидании гостей выгнали всех кроме него. Нет власти, которая вытравит из сельского человека уважение к учителю и врачу. Так что когда начальник, скривив лицо, присел на землю, помощь пришла почти мгновенно. Больного сгребли в охапку, растолкав сочувствующих, поместили в ГАзик и через двадцать минут по грунтовке доставили к спасительным стенам. Референту, строго приказавшему везти в город, был поднесен крупный кукиш.

В тот период своей жизни Феликс разговаривал очень мало. Не так давно умерла его мать, а он был далеко. Он всегда был далеко от нее, а она провожала в школу, приставала с расспросами, навещала в армии, плакала, когда не поступил в институт, плакала, когда поступил.

На следующий день примчался консилиум. Долго вытирали ноги о свеженький коврик у дверей, еще дольше мыли руки.

Майкл Голдшварц родился в Минске. Окончил энергетический факультет Белорусского политехнического института. В 1989 году эмигрировал в США. Живет в Нью-Джерси, работает инженером-электриком. В Советском Союзе увлекался организацией джазовых концертов и водным туризмом. В начале 80-х опубликовал несколько статей о джазе в белорусской прессе. Его первое произведение «Не говори, что ты идешь в последний путь» было издано отдельной книгой в Киеве, издательство «Каяла», и в Нью-Йорке, издательство “Liberty”.

* * *

Лев Бертин

ОКНА СВЕТЯЩИЙСЯ КВАДРАТИК

* * *

Когда весь город видит сны,
не спит, приветлив и опрятен,
в квадрате каменной стены
окна светящийся квадратик.

Бессонный крошечный зрачок.
Не знаю, надолго ли хватит.
Горит, горит в ночи свечой
окна светящийся квадратик.

Такой оставлен нам залог...
Четырехлетний мой солдатик
окна светящийся квадратик
оберегает от тревог.

Я не исчезну никогда.
Вернусь к обещанной мной дате.
Гори, гори, моя звезда-
окна светящийся квадратик!

Ире

*В Америке граждан, достигших
определенного возраста, называют
seniors – "синьоры".*

Кислый вкус у яблока раздора.
Слава богу, все у нас в порядке.
Мы с тобой синьоры-Помидоры, –
овощи, цветущие на грядке.
Что у нас там в ящике Пандоры –
седина, таблетки и очки?..
Ты и я – мы оба – Помидоры,
гладенькие, розовые щечки.
Время потревожит нас не скоро
чередой шагов своих балетных.
Я синьор, а ты – моя синьора.
Оба – из семейства многолетних!..

БЕЛОРУССКИМ ДРУЗЬЯМ

*Когда говорят пушки,
музы молчат...*

Молчите, музы, если правосудие
безмолвствует который год подряд.
Молчите в грозный час, когда орудия
без пауз на трясанке¹ говорят.

Жизнь удалась! Где будем делать талию ?
А вас, далеких, пусть судьба хранит.
Молчи, Эвтерпа² не усердствуй, Талия³
Одна пусть Мельпомена⁴ говорит.

Уехал я, лишился права голоса.
Ну, что же, поделом мне, подлецу.
Но не могу смотреть, когда за волосы
или когда – ногами по лицу...

СЫНУ

Сын, кровиночка, мой и алин.
Ты становишься виртуален.
Телефон, Интернет и сны -
три канала астральной связи.

1 Смешанный язык на основе белорусского .
Возник как средство общения между городскими и
сельскими жителями.

2 Муза лирической поэзии

3 Муза комедии

4 Муза трагедии

...Я вдруг вспомнил о водолазе.
Под свинцовой пятой волны,
в глубине он живет надеждой,
что канаты его удержат.
Если ж шланги обрезать враз...

Я такой же вот... – водолаз.

* * *

В подполье загнанный Ковидами,
укрытый масками, как все,
пишу, нисколько не завидуя
твоей – до пояса – косе.
Мы разные с тобой, и шо ?
По мне, так даже хорошо.
С тобой мы спорим о политике,
как два заядлых кореша.
Я правый, потому вне критики,
а ты, мой друг, пардон, левша.
Пусть нас с тобой рассудит рав,
я правый, потому что... прав.
Мой в Штатах дом, а твой – в Евразии,
в святыне книги занесен.
Еще ты знаешь всё о лазере,
А я – о рифмах, и не всё.
Я свет, ты тьма, я огонь, ты лед.
А может быть наоборот...

ШАТТАНООГА ЧОО ЧОО

Чаттануга Чу Чу – железнодорожная станция в штате Теннесси, ставшая широко известной в конце 30-х годов прошлого века после появления одноименной джазовой композиции Глена Миллера.

Эти поезда никуда не торопятся.
Что им торопиться, куда?

Этих шпал и этих дней чересполосица
тянется к нам через года.
Что им, поездам, в догонялки детиниться,
белый дым пускать на ура?
Где шумела станция, нынче гостиница,
в поездах теперь номера.
Далеко ли, близко ли все перемелется.
Выйди подышать на перон.
Станционный колокол даже имеется,
тот, – из "черно-белых" времен.
Отзовется солнце в асфальтовых лужицах...
Отзовется старая медь
не служебным звоном, но, если прислушаться, –
музыкою (джазом, заметь).
Все давно оплакано и все оплачено,
каждому маршрут свой рейс.
К будущему прошлое наспех прихвачено
нитками железными рельс....

ДИАЛОГ

В предверьи мая
ревела мама :
«Riviera Maya,
Riviera Maya».
– Куда ты, доча?
Скажу любя :
“Buenos nochas”
не про тебя.
Тебе, дурехе,
еврея мало?
А та на вдохе:
– Riviera Maya.
– Какой бикини?
Какой шезлонг?
Тебя там кинут –
и всех делов.
Учеба как же?
Карьера, Маня?..
Той, что не скажешь –
– Riviera Maya.
Riviera Maya.
В траве ладошка.
Ревела мама.
Ревела дочка...

* * *

Прижми к груди заклятого соперника,
как (если помнишь) даму на балу.
Не отпускай его, вцепись репейником.
Влепи ему прощальный поцелуй.

А чё делить, ребята, чё делить?
Не лучше ль выпить и еще налить?
Куда-то закатилась та горошина,
что спать мешала много лет подряд.
Как туфли, жизнь давно уже разношена,
хотя мозоли изредка болят.
А чё ловить, мой друг? Куда бежать?
А, чем делить, то лучше умножать.
Поставь на место за собою чашки. И
примерь на время мантию судьи.
Прости врагу грехи его все тяжкие
и, заодно, – несложные свои.
Не видит Око. Зуб неймет, увы.
Куда идти – «на Ты» или «на Вы»?..

* * *

1.

*Не хороните меня под крестом,
А под звездою Давида тем более...
Не гневите еврейского бога...*

Анатолий Аврутин

Никакую я страшную тайну не выдам.
Просто загодя знаю уже –
похоронят меня под звездою Давида.
Вот такой заготовлен сюжет.
Никаких в том моих ни вины, ни заслуги.
Каждый должен когда-то слинять.
Но я знаю, мои «боевые» подруги
по-еврейски проводят меня.
То есть, полный набор – рав всплакнет на иврите,
помолчит подошедший миньян¹
И вспорхнет воробей – и участник, и зритель,
и, кто знает, быть может – Судья.
Так уж водится, всех нас когда-то дорога
уведет под откос, но пока...
С нами Он. Не гневите еврейского Бога.
На земле с нами и в облаках !...

2.

*О, возраст осени...
С. Есенин*

Как повесточку, кленовый листок
цвета желтого октябрь мне вручил.
Нет, не холод, но уже холодок
не уходит днем и будит в ночи.
С прошлой осени, – ты глянь-ка, Лидок, –

¹ Миньян – 10, минимальное количество мужчин на еврейских похоронах (ивр.)

нет, не листья намело, – седину.
И не лед, но тонкий-тонкий ледок
душу пленочкой уже затянул.
Не спешу в ладони прятать лицо.
Следом осень прошуршит не одна
прежде, чем души моей озерцо
тихи-тихо так промерзнет до дна...

3

Когда-нибудь парус мой сядет на мель
(годков через двадцать, навскидку).
Я выдохну вечное «Шма, Израэль...»
и тихо прикрою калитку...

* * *

Борису Бернштейну

Расставить правильно акценты
мешает в горле слез комок.
Играл скрипач в торговом центре
на перекрестке двух дорог.
Пришедшим явно пофартило.
Не то, чтоб выпил он с утра...
Вдруг вдохновенье накатило.
Как-будто бы смычком водила
другая, скрытая Рука.
Представить мог ли Франк Синатра,
что будут слушать его соул
укроп с петрушкой, силантра,
в пузатых банках разносол?
Рука, влекомая к корзине,
застыла вдруг на пол-пути...
Судьба застигнет в магазине, –
как музыка... И не уйти.
... Играл скрипач, слеза катилась...
неслышно по щеке тугой.
В слезе трехцветно отразилась
неоном вывеска «То go».²
Вверху, в тени жестяной кровли
болтали, будто за столом,
Гермес, лукавый бог торговли,
и бог искусства Аполлон....

* * *

Я не был в странах экзотических,
где на деревьях какаду.
Полно причин экономических,
но, может, позже попаду.
В моих же странах проживания...
Там каждодневные бои
в войне за сосуществование

² То go – на вынос (англ.)

ведут трудяги – воробьи.
Века иные в Лету канули.
Уйдем и мы, всего делов.
Мы на монетах птиц чеканили,
Но, как посмотришь, – все орлов.
А я хочу сломать традицию.
И тверд в жедании своем
украсить доллар гордой птицею,
пусть хоть двуглавой, – воробьем !
Он ближе нам с его заботами.
В коррупции не уличен.
Чирикает, «по фене ботаает»,
но понимают все, о чем.
Встает воробышек по солнышку.
Хлопочет ... Бог его храни!
Клюет по зернышку, по зернышку
просыпанные наши дни...

ODNOCLASSNIKI.RU¹

В воскресенье поутру,
только я глаза протру,
набираю в интернете:
«odnoclassniki.ru».
С кем учились впопыхах,
в детских каялись грехах,
в детском садике сидели –
параллельно –на горшках.
Мы живем благополу.
Есть – на стол и есть – к столу.
Под сердечком ощущаем
непонятную иглу.
Это вовсе не враги, –
по воде идут круги.
Это явные проделки
старушонки ностальги.
Ты прости, мой школьный друг,
как-то было недосуг.
Жизнь устраивали либо
под собой рубили сук.
Не хочу ни есть, ни спать.

Буду целый день искать
дядек, теток, каковыми
все уже успели стать...

* * *

Имениннице семьдесят семь.
Именинница неизлечима.
Вот такая простая причина,
почему невеселый совсем день рожденья.
Гулять, так гулять!..
Именинница больше молчала,
будто вслушиваясь, отвечала
на вопросы пришедших узнать о здоровье.
Как-будто ждала чей-то голос, что шепота тише,
чтоб потом, не простив, не простившись,
тихо выскользнуть из-за стола...

* * *

По оперенью — жар-птица,
маленький красный коралл,
возле рук, но не синица,
с неба, но и не журавль
(в гости — к соседу? к соседке?),
круг очертив надо мной,
тихо уселась на ветке
рядышком с желтой луной...

Лев Бертин – инженер, поэт и журналист. Автор нескольких сборников стихотворений и многих публикаций в изданиях США, Израйля, Белоруссии, Канады, а также на литературных сайтах в Интернете. В настоящее время занимается книжным бизнесом. Живёт в Атланте, США. Автор книг “Когда оттаяли слова”, «На скорости сто плюс», «Я живу на реке Чаттагуччи», «Цикличность». Электронная почта: lev_fel@yahoo.com

1 Название сайта на Интернете

Юрий Михайличенко

СЕСТРА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

пустоты

И.Бродскому

жизнь — огромные пустоты
пустота на пустоте
ты отмажешься, а кто-то
завтра сдохнет в нищете

трудно, кажется, не встретить
а ведь не встретишь никого
и на праздник после третей
сдуру выпрыгнешь в окно

всё что было, всё что дали
всё что здесь и навсегда
опадает, опоздали
ненасытная вода

всё несёт и всё уносит
разрушая, а потом
стонет память на допросе
где был сад, а где был дом

там был друг, осталось имя
там любил, но не сберёт
всё забылось, всё забылось
годы вдоль и поперёк

и хоромы, и хороним
умирая на руках
по кусочкам память стонет
на такси из праха в прах

и не важно где и кто ты
в межпланетной тесноте
жизнь — огромные пустоты
пустота на пустоте

слова мои

слова мои бездомны и бездетны
не дышится, не пишется, не снится
и снова пламя воспыхает где-то
из искры Фэтона колесницы

горела ночь и всадники расправы
вершили правосудие над страхом
я ждал на светофоре переправы
пытаясь не смотреть на вурдалаков

с протянутой рукой, как демон в шубе
стоял Колумб во мраке Барселоны
а улицы торжественных прелюдий
скрипели в какофонии погромов

тревога, как украденное детство
хандрит зима, похожая на лето
и ветер злой бубнит в пустое сердце
зачем всё это?

сестра человечность

что может быть лучше того что было?
только то что будет
колокол редким бум-бум доносится
носится звуком
под ложечкой сосёт, в трубе завывало
ты так давно уже не звонишь
а раньше часто звонила
странные мы с тобой люди
сестра человечность
живём, будто жить вечно будем
но это же не так
не для нас придумана вечность
если кто-то кого-то полюбит
вдруг, то муки потом
а если любви так и не нашёл
то тоже муки, и так и сяк ко дну
словно голову в пасть льву
ау, есть кто живой?
знаю, что бурных оваций не будет
и мелкую дробь выбивать некому

и всё таки, странные мы с тобой люди
сестра человечность
на перекрёстке улиц
названия которых постоянно меняются
как отраженья в воде
а счастье где?

туба мирум
карантинное

то это подделаю, то тем займусь
грусть на хруст, хруст на зуб
кукурузные хлопья с кефиром
отчаяние под чай, чаем запиваю
иногда ложку мёда съем
иногда бутерброд с сыром
то о великом мысли, то о малом
иногда штиль, безмыслие как безветрие
не всегда же нам думать, в конце концов
в этой круговерти сам чёрт ногу сломает
туда не ходи, сюда не смотри, это не делай
дилин-дилин, шмяк-бряк, дин-дон
ключник за окном ключами побрякивает
все в дом, все в дом, все в дом
нито по голове ключом шмяк-бряк, дин-дон
безмыслие, как безветрие в борьбе со смертью
выжидаем пока умрут или пока умрём
долг, значит, у нас такой перед лицом
мировой общественности, мать её так
только ногами вперёд, ни шагу назад
этим дышим, это слышим,
слышишь труба зовёт
туба мирум, кукурузные хлопья с кефиром
всякое вспомнится, и любовь и нелюбовь

и радости и разочарования,
как и у всех, наверное
иногда ложка мёда, иногда бутерброд с сыром
иногда просто консервы, просто консервы
жаль, что пообщаться
можно только по телефону
а по телефону мне с детства не нравится
да и не хочется, не то всё это

репетиция смерти

планета дышит пожаром
а я над кастрюлею паром дышу
для профилактики *вируса*
по прогнозам это надолго, услышь мя
боже всевышний, *смилуйся*
дело даже не в теле
время сожрёт, круговорот недели
как золотая орда, Батые дни
нам некуда больше спешить, ямщик, не гони

как чума, закрывай города, чёрная смерть
в рот заглядывает, мор,
в морге можжевельника дым
горечь полыни, сын,
царь Алексей в колокол бей
аминь, неси огонь, заколачивай двери
горели, все мы когда-то горели

как «шерше ля фам», сегодня сам
трещу по швам, а завтра
всё что было *съели*, Наполеона плен
ничего взамен, круговорот недели

как революционный марш, мир будет наш
флагами небо оклеивай,
дуй в трубу равноправия
бей в барабан понимания
классовой теории Маркса
диктат критической массы,
железной рукою власти
загоним человечество в счастье,
в ногу, товарищи
смело, до основанья разрушим, левой, левой
и гори оно всё огнём ясным, красным, красным

как Адольф, перчёные усики
в акустике грома гаубиц
камня на камне не оставил
мальчик подбежал к маме
бомбами небо, Герника в пепел
ничего страшного, на самом деле
ну горели города, ну города горели

так и до моей жизни докатилось
эхо виселиц, бездумное «всегда готов»
жизнь на выселках, не ходи в районный клуб
чай со смородиной, пока бабушка жива
стих о Родине, будет только хорошо
олимпиада восемьдесят, любовь, повестка
прописка, выписка, дефицит в сумке
многое опускаю, включая Чернобыль
всё равно трупы, свидетели недоумки
неудавшегося эксперимента, в итоге
единица не человек, толпа не общество
как костёр на даче, где все в придачу

на балконах хлопающие в ладоши люди
да не убудет, да не убудет
стало быть восемь вечера,
маршрут магазин-дом
колесом сумка-тележка поскрипывает
в ней ананас, апельсины, лук, морковь
мимо меня пробегает парочка
он смеётся, она боится, маски на лицах
улицы вымерли, закрыли границы
если за ветром слово, то вы ветру не верьте
день икс, карантин, Бадалона,
репетиция смерти

Юрий Михайличенко родился в Киеве. Поэт и переводчик, продюсер, композитор, режиссер и общественный деятель. С 1991 г. живет в Барселоне. Автор двух сборников стихов на испанском языке. Сборник «Post» (2021) вошел в сотню лучших публикаций года. В 1916 году увидела свет первая книга стихов на русском языке «Горб».

МАРИЯ ПЕРЦОВА О ЮРИИ МИХАЙЛИЧЕНКО

Так вот о смысле жизни... Не знаю, может к хересу было что-то подмешано, может в приморский Льорет-де-Мар, где проходил фестиваль Аркафест в тот год (2018), наведались какие-нибудь доброжелательные пришельцы и что-нибудь эдакое проделывали с городской атмосферой а, может быть, (моя версия) Юра Михайличенко на открытии подошёл к краю сцены и прочёл «К богу бегу» так, как только он умеет, – но в ту осень нас аркафестовцев согревал особенный свет и открывались особенные смыслы, каждому – свои. Юрий Михайличенко – поэт, исполнитель, работающий в своеобразном, близком шансону, стиле, основатель поэтического фестиваля «Аркафест», руководитель театра «Лентиол» в Барселоне. Его книга «Горб» стоит у меня на полке, вернее, очень редко стоит. Чаше кочует за мной по дому, так как я к ней постоянно возвращаюсь.

Артур Соломонов

БЛАГОДАТЬ

Отрывок

Действующие лица:

Ирина
Александр
Николай Сергеевич
Тамара
Сергей

Я робок, но решителен

Комната. Входит женщина. Снимает пальто, оборачивается, чтобы закрыть дверь на ключ, и вдруг в комнату врывается мужчина, глядит на женщину, пугается и комочком съезживается на диване.

Александр: (робко) Комнату сдаете?

Ирина: Вы кто?

Александр: Ну хоть угол, уголок, уголочек. Я готов даже на подоконнике жить...

Ирина: Вы кто?

Александр: Меня зовут Александр Порфирьевич. Фамилия Бе...

Ирина: Мне нет никакого дела, как вас зовут.

Александр: Но вы же спросили «Вы кто?»

Ирина: Я хотела сказать «Вон отсюда»!

Александр: То есть, не сдаете? (пауза) Ладно, я пошел.

(уходит)

Ирина: И ведь ушел. А я уж думала, влипла

в историю... Александр Порфирьевич... На подоконнике готов жить. В горшке, наверное, – вместо цветка. Я даже знаю, чем такой цветок поливать надо (снимает обувь, вспоминает, что снова забыла закрыть дверь на ключ, подходит к двери, и ситуация повторяется – стремительно врывается мужик, и замирает на диване).

Александр: Я робок, но решителен...

Ирина: Мужч... Александр Порфирьевич...

Александр: Можно просто Саша.

Ирина: Александр Порфирьевич. Я не сдаю комнату. Не сдаю. Я живу в этой комнате одна, и как, видите, здесь еще и туалет, и кухня. Планировка комнаты не предполагает вас. Мне самой здесь тесно... Тут даже горшок с вами поставить некуда (мужчина дергает плечом).

Александр: Извините, это тик. Лучше дать плечу подергаться. Если его пытаться остановить, начнет извиваться все тело... Извините, мы вас перебили.

Ирина: Я вряд ли предложу вам помощь. Я сосчитаю до трех, и вы покинете этот дом. Раз...

Александр: Умоляю вас, не считайте. Когда начинается этот тик, я не могу слышать никаких чисел.

Ирина: Я звоню в милицию... То есть полицию... А кстати, вы не от них бежали? А может (со страхом, понижая голос) - от «Праведных»?

Александр: Что вы... От них не убежишь...

Ирина: (усмехается) Это да. Но в полицию я все же позвоню. Не пугайтесь, я не произнесу ни одного числа, которое набираю. Тем более их всего два.

Александр: Я же просил!.. Ну вот, вы добились своего. Теперь наступил легкий паралич -- так всегда бывает, когда вдруг кто-то

начинает считать во время тика. Такая у меня особенность. Но вы не пугайтесь. Я минут через пятнадцать снова смогу двигаться, и уйду отсюда. Я уже к этому привык.

Ирина: Но я-то не привыкла! Александр Порфирьевич, уходите.

Александр: Рад бы, да не могу.

Ирина: Да что за чушь! Я соседей позову! Сначала ворвался, а теперь его паралич свалил.

Александр: Совершенно точно излагать изволите. Так все и было. Память у вас...

Ирина: Прекратите издеваться... А, вас Сережа прислал? Это розыгрыш, да?

Александр: Я лично знал только одного Сережу, -- как я его называл, Сергунчика, -- он любил розыгрыши, да. Вы его тоже знаете? Я ведь чувствовал, что у нас общие знакомые... Ой, кажется, нога начинает двигаться. Смотрите. *(она сначала наблюдает за оживанием ноги, потом выходит из себя).*

Ирина: Вон отсюда! Какое право вы имеете врываться в мой дом? Перестаньте себя массировать!

Александр: Но если я не буду себя массировать, я здесь еще дольше задержусь, а вы же хотели, чтобы меня здесь больше не было.

Ирина: Вот именно! *(с брезгливостью пытается схватить его за край плаща, тянет, мужчина падает на пол)* Убирайтесь, да что же это такое! Не сдаю я никаких комнат! У меня у самой одна! Одна!!! Я бы сдавала, но...

Александр: *(с пола)* Я знаю, вы сами снимаете, и рады бы сдавать, но сдавать совсем нечего. А деньги позарез нужны. Именно так вы совсем недавно говорили своей подруге Тамаре, когда занимали у нее...

Ирина: Откуда вам это известно?

Александр: Какая разница. Я просто подумал, что раз вам нужны деньги, а я могу заплатить совсем мало, но все же намного больше, чем ничего, то мы можем быть друг другу полезны. Я согласен, например, поставить вот здесь, в углу, маленькую палатку. А хозяину комнаты ничего не скажем.

Ирина: Откуда вы знаете Тамару?

Александр: Я ведь и Сережу знаю.

Ирина: *(улыбается)* Может, хватит?

Александр: Ой, я совсем ожил. Вы меня так неожиданно сбросили на пол -- кажется, это помогло. Спасибо. Хотя, нервы еще не возродились, а в глазах -- стада мурашек... Но в следующий раз, если меня парализует, я обязательно попрошу вас...

Ирина: *(без энергии)* Да идите вы к черту. Я вас сбросила, чтобы вышвырнуть.

Александр: Зря. Не зарекайтесь, что не окажетесь однажды в таком положении, как я.

Ирина: Если вас это утешит, я почти в таком же положении... Сколько вы готовы платить? *(он шепчет ей на ухо сумму -- она с трудом выдерживает его приближение)* Нет, это смешно.

Александр: Плачу за три месяца вперед.

Ирина: То есть, вы намекаете, что я три месяца обязана буду вас терпеть?

Александр: Да вы даже замечать не будете, что я есть. Вот у вас шкаф какой просторный. Я в нем и скроюсь. И дырочки в нем какие широкие -- вы же их как будто для меня сверлили! Для личного вентилирования! Я заползу сюда - и все. Похоронен. Погребен. *(открывает шкаф).*

Ирина: Ну вы просто...

Александр: Э, да у вас тут пустенько... Решайтесь. Раз здесь почти нет одежды -- значит, шкаф ждет постояльца. Ну? Не

увидите меня вовсе! Только раз в месяц рука высовывается, чтобы деньги на пол положить *(звонок телефона, она подходит, не выпуская из поля зрения незваного гостя)*.

Ирина: Да... здравствуйте... Жаль... Я бы могла делать переводы дешевле. Постоянным клиентам скидки *(пытается усмехнуться)*. Но почему вдруг?.. Ну, конечно, это ваше дело. Если что-то переменится, буду рада. *(кладет трубку, пауза)*.

Александр: Тамара уверяла...

Ирина: Сейчас я ей позвоню, узнаю, откуда этот подкидыш. Не двигайтесь!

Александр: Я и так с трудом... Но раз вы просите... Еще один паралич – не проблема...

Ирина: Секунду помолчите? *(набирает номер)* Тишина.

(за окном слышны гимны – про Бога, нравственность и войну)

Александр: Ира, давайте прятаться вместе?

Ирина: Вы же знаете, чем я рискую... Поселить вас без прописки... А как прописать...

Александр: Вы не волнуйтесь – законы все нарушают. Слегка. И потом подумайте: вы же не можете **прописать** меня в шкафу? Вот тогда вас действительно осудят за издевательство над законодательством.

Ирина: *(задумывается)* Предложение такое. Вы живете здесь три дня. Если меня хоть что-то не устроит, я возвращаю вам половину денег, а вы забываете мой адрес. Идет?

Александр: Согласен. Только я хотел вас предупредить, что меня, когда я был совсем молодой, ударила молния.

Ирина: Этого могли бы не сообщать.

Александр: Что, заметно?

Ирина: Это интимная подробность, а я не намерена узнавать про все ваши злключения. Могу предположить, у вас их немало.

Александр: Просто я хотел рассказать о последствиях. Чтобы это не было для вас сюрпризом. Так вот, в детстве меня ударила молния.

Ирина: Шаровая?

Александр: Я уж не помню. Какую Бог послал. И после этого я иногда, не часто, но иногда, начинаю говорить на совершенно не известном мне языке. Это быстро проходит, но какое-то время я несу полную ахинею, причем думаю, что общаюсь на русском. Знающие люди уверяют, что это удэгейский язык. Есть такой маленький народ на Дальнем Востоке, живут охотой, рыбным промыслом. Чудесные люди! Их всего человек двести на планете осталось, не считая меня... Я отвлекся. Так вот, если я начинаю говорить на удэгейском, надо просто обождать. Через пару минут я прихожу в себя. Я еще легко отделался. Братишка мой, который наблюдал за ударом стихии по мне, от страха онемел навсегда.

Ирина: А не много ли вы от меня требуете за ваши гроши? Может, мне еще удэгейский выучить?

Александр: Нет, это излишне, тем более, что я сам этого языка не знаю. Что я говорю – только удэгеец поймет.

Она: А как по удэгейски -- «Марш в шкаф!»?

Александр: В данный момент -- так же, как и по-русски *(ныряет в шкаф)*.

Итак – тайна

Тот же дом, этажом выше. Обстановка гораздо богаче. Накрыт стол – это утренний кофе для Николая Сергеевича и его супруги Тамары.

Тамара: Да, это продолжается уже две недели. Он живет у нее в шкафу. Она уверяет, что привыкла к нему... ну как к собачке, что ли.

Николай Сергеевич: Нет, Ира так не скажет.

Тамара: Ну, не к собачке, а как...

Николай Сергеевич: Тамарочка, намажешь мне маслицем хлеб? Да, черный... Что это у тебя на руке? Красное, как от поцелуя.

Тамара: *(вздых, потом злость)* Вспомни ночь.

Николай Сергеевич: А, это мои следы... А вот как их различить? Что – следствие твоих забав с другими, а что – мой, законный, супружеский след? *(встает)*. Итак, мы стоим перед проблемой...

Тамара: Я не желаю этого слышать. Если ты еще раз позволишь себе подобное, я здесь больше не появлюсь.

Николай Сергеевич: Ты уйдешь, а проблема останется.

Тамара: Это. Твоя. Проблема. *(пауза)* Ты дошел до ручки – ревнуешь сам к себе.

Николай Сергеевич: *(усмехается)* Этой ночью я дошел до твоей ручки. И только.

Тамара: Для нас это давно уже не сюрприз, Коля... Давай поговорим о чем-нибудь другом, я прошу, мне сегодня встречаться с людьми... *(примирительным тоном)* Умоляю тебя, оставь в покое меня. Как только ты это начал, у меня возникло чувство, что я устала смертельно. А ведь только утро. Не мучай меня. Ты ненормальный *(целует его)*.

Николай Сергеевич: Милая, норма – это мечта. Плод воображения самого буйного.

Не усмехайся, это понятие придумали, чтобы противопоставить хоть что-то неуправляемой, фантастической реальности, чтобы хоть как-то в ней разобраться. Жизнь фантастична – и лишь это нормально. И назвав меня ненормальным, ты, не желая того, признала меня банальной частью банальной действительности *(встает)*. А из всего этого следует, что допустимо абсолютно все, мои глаза меня обманывают поминутно, и мне приходится надеяться только на свою интуицию, фантазию, галлюцинации и сны. Складно мыслю, а?

Тамара: Браво.

Николай Сергеевич: Вот только что меня мучает... Существует женский оргазм, или это такая же трепотня, как бытие божие?

Тамара: Существует. Не для всех, но существует.

Николай Сергеевич: И то и другое требует веры. С богом нужно поверить в то, чего не видишь. С оргазмом — в то, что видишь. *(Тамара через силу смеется)* И что он там делает, в шкафу? Песенки насвистывает?

Тамара: Живет. Он прекрасный портной, как оказалось, у него есть заказчики. Коля, ну я же тебе про него рассказывала! Мы встретились с ним на банкете у Нодара Петровича.

Николай Сергеевич: А, это тот самый Нодар Петрович, который зачем-то всегда садится, когда видит тебя? Я все думаю – какова причина? И что это за банкет? Я не слыхал о таком.

Тамара: Я так устала от твоей ревности. Обещай, что это было в последний раз. Хотя, ты уже обещал *(усмехается)*. Тогда последний раз обещай, что это было в последний раз.

Николай Сергеевич: Последний раз обещаю, что последний раз пообещал, что это было в последний раз... *(целует ее)* То есть, она все

время живет в комнате с мужчиной?

Тамара: Да. В первый день она очень смущалась, а теперь уверяет, что иногда забывает о его присутствии. Он живет так тихо, что, кажется, его совсем нет. Порой она просто не может понять, у себя он или еще не пришел. Она даже хотела привести домой Сергея, но потом вспомнила, что в шкафу – постоялец. Ты представляешь, ей пришлось об этом вспомнить! Она даже может забыть, что в комнате – еще кто-то!

Николай Сергеевич: Да, это апофеоз самоустранения. Поверь мне, она когда-нибудь об этом совсем забудет, приведет Сергея, и тогда случится изумительная сцена (*начинает показывать*): «Ира, а кто это у тебя в шкафу песенки насвистывает?»

Тамара: Да не насвистывает он ничего.

Николай Сергеевич: А Ира скажет: «Это замечательный портной». Тот выглядывает из шкафа, снимает шляпу – он ведь сидит там в шляпе и вообще в полном обмундировании?-- и вежливо так предлагает: «Монсеньер, я готов сшить для вас домашний халат по последнему писку моды». И тогда такой писк поднимется – поверь мне, уши придется затыкать... Благо, мы живем этажом выше – поэтому весь скандал услышим, как по радио... Я понять не могу, как она могла привести к себе в дом квартиранта и ничего не сказать Сергею?

Тамара: Да как об этом скажешь?

Николай Сергеевич: Твоя логика меня пугает. (*Снова встает, Тамара меняется в лице*). Итак, тайна. Тайна между близкими людьми... (*вглядывается в нее, садится*). Но как она объясняет Сергею, почему перестала его приглашать? А главное – как она это объясняет себе?

Тамара: Себе – тем, что Сергей, если узнает, то устроит скандал и принудит ее отказаться и от постояльца, и от денег... А при этом он сам

может ее обеспечить только духами на день рождения.

Николай Сергеевич: Духами или духами?

Тамара: И тем, и другим. Он же мистик. И, похоже, шизофреник.

Николай Сергеевич: Шизофреник?

Тамара: Да, надо называть вещи своими именами. Ты же помнишь, как она привела его к нам в гости? Что он нес? И как ей было стыдно?... Я думаю, что, если все получилось так гладко, ей не надо лишаться этих денег. Я даже тайно надеюсь, что у нее с постояльцем возникнет роман. Он по крайней мере не мистик... И не вставай так торжественно. Ты что не видишь, как я... как я на это реагирую?

Николай Сергеевич: А Ирина его прописала?

Тамара: Думаю, что нет...

Николай Сергеевич: И что я, человек государственный, человек публичный, пример для избирателей...

Тамара: Ты меня иронией не обманешь. Я лучше других знаю, насколько сильно ты сам веришь, что ты - пример...

Николай Сергеевич: И я должен покрывать преступление, творящееся в шкафу этажом ниже? Так ты лично видела этого портного?

Тамара: Я была у нее в гостях, мы просидели-проболтали полчаса, и только потом она мне рассказала, что мы были втроем.

Николай Сергеевич: Так ты его не видела?

Тамара: Нет.

Николай Сергеевич: Да она его придумала! Всегда была чудной. Знаешь, так дети придумывают себе подруг или друзей. Сама подумай, какая это чепуха: пустить к себе на нижнюю полочку шкафа мужчину, брать за это деньги...

Тамара: Но я же его видела потом! Я имею в виду, что в первый раз его не заметила и не услышала. А во второй раз – как у них заведено, трижды постучала в дверь шкафа, он спросил: «Кто там?» (*хохочет*), я представилась, и он позволил мне заглянуть туда. Он меня сразу узнал... Ну, сидит там человечек, рядом – шитье. Улыбается. Шляпу не снимал, потому что ее не было.

Николай Сергеевич: Хороший же ему оттуда открылся вид на мою жену. Он сидел, а ты стояла? Ты ведь была в короткой юбке, когда пришла к Ире? (*встает*).

Тамара: Сиди. Да, в короткой. Скажи, что я специально надела ее, чтобы он меня разглядел, и я совершила визуальную измену, что сознательно позволила глазами всю себя «облапать», и что теперь у тебя украдено то, что должно быть сокровенным. Давай, теперь можешь вставать.

Николай Сергеевич: Конечно, это ничего не значит. Совсем ничего... (*звонок на мобильный*) Да, Лида... Какой комментарий? Конечно, я продвигал этот закон, мы оба это знаем... Да, это все знают, весь электорат в курсе... Надо так надо, я всегда в строю... В «Известия»? Годится... Нет, идеология семейной реформы - казенно звучит. Лучше - идеалы семейной реформы... Записывай. (*с игривым укором говорит Тамаре*) Почему мы, государственные, не побоюсь этого слова, мужи... нет... вычеркни «не побоюсь этого слова»... заново... почему же мы, государственные мужи, всеми силами пытаемся остановить кризис семьи? Ответ прост: семья – основа государства, и кризис семьи - не что иное, как кризис государства. Повсеместный распад семейных уз свидетельствует об утрате морали, что, в свою очередь, грозит распадом России. Ведь что за государство без морали? Сборище отпетых эгоистов, жуликов и извращенцев. Такое государство обречено. Угроза очень серьезная, а потому и меры наши - адекватны угрозе. Мы начали беспощадную борьбу с теми, кто

изменяет сам и провоцирует измену: мы ввели уголовную ответственность за супружескую неверность. За месяц мы достигли некоторых успехов. Пока счет наказанных невелик, но мы знаем, что изменников много, и мы их ищем. Они могут не сомневаться – мы их найдем - всех, до единого. Супружеская постель наконец-то стала местом пристального общественного внимания. Ни одно телодвижение не ускользнет от государева ока. Нет, это вычеркни... Пиши дальше. Либералы уже взвыли – но их вой входил в наши планы. Он стал прекрасным аккомпанементом к возрождению семейных ценностей силовыми методами... Хорошо? Верю тебе... Ты хихикнула? Почудилось? Дай Бог, дорогая, дай Бог... (*игриво*) Всеу? Я никогда и ничего не говорю всеу... Да! Добавь еще вот что: семья должна быть крепкой, чтобы противостоять внешней угрозе, иностранной угрозе. И когда муж отправится на передовую, жена станет солдатом в тылу. И связь меж ними, непрерываемая, неразрушимая даже смертью связь, поможет ему – бить врагов, а ей – оставаться бдительной и верной. (*кладет мобильный на стол, Тамаре*) Можно, я встречу тебя после работы? И как тебе мой комментарий?

Тамара: Потрясающе. А когда ты отправишься на передовую?

Николай Сергеевич: Так ли крепки наши узы, чтобы я туда отправился? (*вдруг раздражается, почти кричит*) Когда семейная реформа даст плоды, в нашей жизни не будет места ни для шкафосъемщиков, ни для мистиков-шизофреников, ни для такой вот иронии! Все будет просто и понятно!

Тамара: Встречать меня не надо.

Николай Сергеевич: Как скажешь. Кофе совсем остыл.

Втроем – заживем!

Вечер следующего дня. Вваливаются нетрезвые Николай Сергеевич и Александр.

Николай Сергеевич: Я настаиваю, тысячу раз настаиваю – ты должен жить в шкафу у нас! Только у нас, и ни у кого больше!.. Обижусь, если не погостишь, если не поживешь в нашем, в нашем, в нашем шкафу... Слушай, ну мы два часа всего знакомы, а ты уже такой удивительный! Где ты раньше был? Ну красавец ты! Переезжай! Все. Заметано. А то я со своей Тамарой совсем заскучал. А втроем – заживем!

Александр: Коля, мне и у Иры хорошо. Я даже надеюсь... нет – я питаю надежду, я ее все время питаю -- в скором времени перебраться из шкафа. Поближе к ней... Но спасибо тебе, спасибо.

Николай Сергеевич: Да что у Иры за шкаф? Насмешка, а не шкаф. Недоразумение, а не шкаф. Анекдотический шкаф. Там же только гном поместится. А этот – ты погляди, какой размах! Какие ножки! Да я там семнадцать таких добрых молодцев, как ты, поселить могу. Но пушу только тебя. Если хочешь знать -- я этот шкаф четыре года назад специально для тебя купил. Я ждал тебя. Вот верь мне. Вот верь. Веришь?

Александр: Да.

Николай Сергеевич: А любишь меня?

Александр: Люблю.

Николай Сергеевич: А чего скованный такой?

Александр: Ну... я вас по телевизору видел... А сейчас...

Николай Сергеевич: А голосовал за меня? А? Не лги, я душу твою вижу! Молодец! Честно молчишь! Понял тебя! *(наклоняется к Александру, доверительно)* Да и правильно, чего за такого мудака голосовать? *(Александр предпочитает не смеяться и промолчать)* И снова молодец! Два раза правильно промолчал! О, как ты мне нужен! Выпьем! *(наливает ему)*

Пей еще! Ох, Саша, тяжело мне.

Александр: Что-то случилось?

Николай Сергеевич: Люблю ее. Так люблю, что безумен есмь.

Александр: Ты страстен, Николай, ты страстен!

Николай Сергеевич: Думаешь?

Александр: Я тоже, кажется, влюблен.

Николай Сергеевич: В мою жену?

Александр: Нет, в Иру.

Николай Сергеевич: А она?

Александр: Загадка!

Николай Сергеевич: Это понятно. А любит ли?

Александр: Не знаю. Завтра желаю все выяснить... Завтра момент истины и счастья! А с твоей Тамарой мы один раз виделись, и это она мне рассказала, в каком сложном положении Ира. И я был в сложном положении, и вот два сложных положения соединились, и получилось что?

Николай Сергеевич: Что?

Александр: Любовь!

Николай Сергеевич: Дак у нее же Серега есть. Парень – загляденье! Человек – умнейший! Но он тебе не соперник, нет. А если бы ты мою жену полюбил, и я б тебе соперником не был. Соратником, Саша, соратником. Я б вам постель этими руками – видишь, этими двумя – расстелил. Я бы от вас мух и всякую нечисть отгонял. У меня есть опухало. Показать?.. Ну не пьйся так, не пучь глаза. Пей. Шучу. *(Александр испуганно хохочет)*. А Серега у нее с приветом. Так что мы его быстро с пути сметем. Телепат, е-мое. Пришел к нам в гости, и тут же рассказал о невиданном случае телепатии. *(Изображает Сергея)*. Ученые из Новосибирска и Коста-Рики провели

совместный эксперимент. Триста человек в Новосибирске мысленно хором пели «Боже, царя храни». А в Коста-Рике триста человек принимали сигнал. И они внезапно хором запели «Ламбаду». Эксперимент можно было считать неудавшимся, если бы в прошлое воскресенье сто сорок человек из Коста-Рики, которые принимали сигнал, не захотели принять и православие. Крестил их отец Никодим по Интернету, поскольку в Коста-Рике нет православных храмов. Пока нет! Правительство Коста-Рики специальным указом запретило принимать телепатические сигналы из Святой Руси... И тут Серж как почал кричать: «Вы понимаете, какие горизонты это открывает перед нашей разведкой? Перед нашим военным делом?» И счастливою рукою поднял бокал за телепатию, астрологию и почему-то за менеджмент. Лицо Иры стало похожим на огромный помидор.

Александр: Быть не может!

Николай Сергеевич: Точно говорю! В смысле – покраснела она. А ты веришь в телепатию? Вот о чем я сейчас думаю?

Александр: Не знаю.

Николай Сергеевич: Угадал. Я ни о чем сейчас не думаю. Так может, телепатия существует?.. Нет, вообще-то думаю: не случайно в Азии идет повальная перемена пола. Все мужики переделываются в баб. А почему?

Александр: Я тебя люблю.

Николай Сергеевич: Нет, не то. Ну почему?

Александр: Хотят женщинами быть. Интересно. А кому неинтересно?

Николай Сергеевич: *(передразнивает)* Интересно... Они понимают, куда катится мир. Женщины скоро овладеют всем. И мы вскоре им будем совсем не нужны. Ну, за исключением маленькой детали *(вдруг кричит)*. Мир вагиноцентричен! Вагиноцентричен!

Александр: Это как?

Николай Сергеевич: Вагина в центре мироздания!

Александр: Да ты что?!

Николай Сергеевич: Точно говорю.

Александр: Сам видел?

Николай Сергеевич: Или!

Александр: А раньше что было?

Николай Сергеевич: Ну... Мне неудобно.

Александр: Ты это все к чему, Коля? Ты гей?

Николай Сергеевич: Это ты мне? Ты мне это сказал?

Александр: Я... Я забыл кому...

Николай Сергеевич: Саня, я с незнакомыми мужчинами даже в лифт не сажусь. Со знакомыми – тем более... Слушай, а правда, что ты говоришь на каком-то нехорошем языке?

Александр: На хорошем! На удегейском!

Николай Сергеевич: Привычка не из лучших, Саня. Избавься поскорее.

Александр: Да как я могу? Это накатывает просто...

Николай Сергеевич: Ах, накатывает... Ты смельчак, если позволяешь чему-то накатывать... Бесконтрольно... Смельчак-то мне и нужен...

Александр: Да само накатывает!

Николай Сергеевич: Ну так накатим! За хитрых азиатов...

Александр: Господи, зачем же они все-таки переделываются...

Николай Сергеевич: Всеу? Всеу поминаешь - да? Штраф хочешь неподъемный, Саня? Я

же обязан теперь уведомить, я же сам, вот этими руками и вот этой головой, закон о «неупоминании всуе» создавал и продвигал... Но тебя – прощаю. Пей, Александр прощенный. *(Александр покорно пьет. Не до конца. Николай Сергеевич спрашивает с подозрением)* Русский ли ты человек?.. Отвечай, не раздумывая. И не вздумай вопросом на вопрос.

Александр: *(с испугом)* У меня все... многообразно все...

Николай Сергеевич: *(качает головой, с горечью)* Пропадешь ты без меня, Саня, вместе со своим многообразием пропадешь, Саня, разорят гнездо... *(кричит)* Ты русский человек?

Александр: *(кричит)* Я русский человек!

Николай Сергеевич: И да не перевербуют тебя! Аминь. *(пьет)* А Серегу мы враз отвадим. Мистик – мужик хлипкий. Вот тут, на твоём месте сидел и уверял, что выращивает себе третий глаз. Чтобы папу покойного узреть. *(всхлипывает)* Бедная Ирочка... Гибнут мужчины, Серега...

Александр: Я Саша.

Николай Сергеевич: Вот видишь! Я же говорил. Все перепутано, люди имена меняют несколько раз за ужин.

Александр: Вспомнил. Ира мне говорила, что Сережа очень любит папу своего.

Николай Сергеевич: Любит – слабо сказано! Только о нем, усопшем, и говорит. Нет, Сережа - это недоразумение. И вообще его мистицизм – языческий, он дурно пахнет. Чувствуешь? Чувствуешь?

Александр: Пахнет языческим мистицизмом?

Николай Сергеевич: Не наш он человек. Вот чем это пахнет. Не наш - и точка... А тебе жена моя нравится?

Александр: Красивая.

Николай Сергеевич: Не пожелай жены ближнего своего!

Александр: А я и не желаю.

Николай Сергеевич: Нет?.. Пей, Саня, золотой ты мой, ласковый ты мой, гнездо ты мое...

Александр: Не, я не гнездо, я, скорее, синяя птица.

Николай Сергеевич: Но если бы не этот мистический бзик, Серж был бы идеален до кошмара. Да и любит она его! Жуть! Все глаза проглядела, все степи обошла, семь морей проплыла, чтоб найти это сокровище. Я образно выражаюсь, ты не пугайся, Санек... Не отодвигайся ты, метафора это. Я что, не имею право на метафору?

Александр: Имеешь!

Николай Сергеевич: Вот так-то. Так что трудно тебе придется с Ирой. Зачем искать трудных путей, когда вокруг столько легких, зовущих, доступных, замужних женщин. Замужних, Сашенька! От мужа – уставших! Тебе отдают любовь, а мужу – супружеский долг. Разница, а? И муж несет тяжесть семейной жизни, тяжесть рогов, склоняется под ними, как раненый олень, а ты – легок, изящен и мил. Любишь секс?

Александр: Люблю. Во веки веков.

Николай Сергеевич: Аминь. Смотри. Вот фото *(достает фотографии)* Трезвей, трезвей. Любишь такую кожу? А маленькую грудь? Видел у кого-нибудь такие ступни? А если бы ты знал, если б ты знал, какой от нее запах! *(блаженно нюхает фотографии, передает ему)*. Узнаешь?

Александр: Тамара?

Николай Сергеевич: Она, любовь моя. Хочешь?

Александр: Ты что?

Николай Сергеевич: Трезвей, трезвей. Давай, давай. Ты друг мне?

Александр: Да.

Николай Сергеевич: Поможешь мне сладить с этим делом? В смысле – с этим телом?

Александр: С каким?

Николай Сергеевич: Ты гнездом-то не прикидывайся. В смысле – птенцом. Много, адски много денег хочешь?

Александр: Я, наверное, совсем офонарел от коньяка. Я пойду.

Николай Сергеевич: Когда вернешься, я понижу ставки. Подумай, Ира, как все женщины, любит красивые вещи. Пригласишь ее в Париж. Представляешь? Сидел среди чулок и бюстгальтеров, скромничал, а оказался подпольным миллионером. Шкафным миллионером, шикафным миллионером! *(хохочет)* Да ты интриган, Саша! Ты опасный! Ну? По рукам?

Александр: Ты серьезно? *(пауза)* Я пойду.

Николай Сергеевич: *(сует ему фотки)* Ну хоть поцелуй ее на прощанье.

Александр: *(орет)* Да зачем тебе это надо? Ты рехнулся?

Николай Сергеевич: Почему вы ко мне на ты?

Александр: Я пойду. Николай Сергеевич, я пойду.

(Александр медленно и неуверенно бредет к двери, Николай Сергеевич, паясничая, крадется рядом)

Николай Сергеевич: А насилие? Цените насилие?... Я могу все устроить. И заплачу.

Александр: *(бредет к двери)* Боже, сколько во мне коньяка... Так, наверное, себя чувствует коко-ньячная бочка... И галлюю... галлюююц... Галлюцинации слуховые.

Николай Сергеевич: Не открывайте дверь! Там зверь. Вы погибнете. Откроете дверь – а там бездна. Я всегда так думаю, когда к двери подхожу. Порой часами не решаюсь дверь открыть. Побудь лучше с нами *(показывает на фотографии)*.

Александр: Вы поспите, Николай Сергеевич. Я тоже посплю. Вы ведь пошутили?

Николай Сергеевич: Ну конечно пошутил! А вы? Поверили? Ну младенец вы, ну красавец вы! *(пытается его поцеловать)* Да я за свою Тому любого на семь частей разорву и землю на даче удобрю *(вместе хохочут, потом резко прекращают)*. Когда ее нет, только эти фотки мне жизнь и дают. А как она не хотела сниматься, как я ее уламывал – это история отдельная и захватывающая, я ее вам потом расскажу.

Александр: Дайте одну.

Николай Сергеевич: Возьмите вот эту. А то я все время, глядя на нее, мучаюсь вопросом -- она полуодета или полураздета? *(снова хохочут и так же внезапно прекращают)*.

Продолжение следует

В 2014 году, через два месяца после написания пьесы, она была поставлена в Москве, в «Боярских палатах» при СТД РФ (режиссер Сергей Левицкий). В 2016 году пьеса получила приз в Лондоне на VIII биеннале современной драматургии в номинации «Пьеса на общественно-политическую тему» (попечитель биеннале - британский драматург Том Стоппард). В 2019 режиссёр Ильшат Мухутдинов осуществил постановку пьесы на сцене Буинского Государственного Драматического Театра.

Александр Трегуб

ОПЕРА "ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ"

(По кинофильму Георгия Натансона
на сценарий Эдварда Радзинского.)

Либретто Александра Трегуба

*Посвящается Любви, Дню святого Валентина и
бесплатным во время карантина трансляциям из
Метрополитен-оперы*

Музыка Моцарта, Бетховена, Вагнера, Верди,
Россини, Пуччини, Леонкавалло, Чайковского,
Андрея Петрова и Аллы Пугачевой

Действующие лица и исполнители:

Бортпроводница Наташа/Татьяна Доронина.

Колоратурное сопрано

Физик Электрон Евдокимов. Контрастенор

Летчик Ефремов. Баритон

Физик Феликс. Тенор-альтино

Бортпроводница Мышка. Меццо-сопрано

Диспетчер. Бас-профундо

Официант. Лирический тенор

Таксист. Драматический тенор

Милиционер. Драматический баритон

Другие исполнители:

*Хор студентов и профессоров; хор посетителей
кафе; хор встречающих, провожающих и
отъезжающих в аэропорту Шереметьево; Алла
Пугачева*

Оркестровая увертюра

Опера открывается 20-минутной увертюрой.
В начале увертюры звучит пронзительное
соло флейты-пикколо, напоминающее голос
главной героини Татьяны Дорониной (Наташи),
прерываемое нежными переливами аккордов
арфы на мелодию "Я шагнула на корабль, а

кораблик оказался из газеты вчерашней". К 15-ой
минуте увертюры в оркестр вступает ансамбль из
10 валторн, развивающий лейтмотив мелодии про
кораблик музыкальным парафразом увертюры к
опере "Летучий Голландец" композитора Вагнера.
В заключение увертюры звучит барабанная
трель в комбинации с ксилофонами и колоколом,
предвосхищающие трагический конец оперы.

Акт 1.

Сцена 1.

Занавес открывается

На сцене показывается аудитория
Политехнического института. Вокальный
коллектив студентов и профессоров исполняет
хор "В Политехнический!" на стихи Андрея
Вознесенского. Солирует Электрон Евдокимов,
блестящий молодой физик, недавно
открывший новый физический закон,
коррелирующий распад электронов с распадом
любви, личности и Римской империи. Наташа/
Татьяна Доронина, стюардесса Аэрофлота, забыв
о сопровождающем ее спутнике Феликсе, тоже
молодом, но менее удачливом физике, исполняет
арию Татьяны "Ах, няня, я влюблена в физика
Евдокимова" из оперы композитора Чайковского
"Евгений Онегин".

Занавес закрывается

Сцена 2.

Занавес открывается

Собрание в Политехническом заканчивается.
Студенты и профессора давно разошлись
по аудиториям и домам, но Наташа все еще
продолжает исполнение арии. Наконец, ария
заканчивается. Заснувший под арию Феликс
просыпается и, несмотря на ревность к физике
Электрону, предлагает Наташе проводить ее
домой. Наташа и Феликс исполняют дуэт на
стихи Бориса Слуцкого "Что-то физики в законе,
что-то лирики в загоне"; дуэт затягивается, так
что все станции метро закрываются. Наташа и

Феликс идут домой пешком в сопровождении симфонического оркестра, играющего интерлюдия Россини по музыкальным мотивам песни композитора Андрея Петрова "А я иду, шагаю по Москве".

Занавес закрывается

Акт 2.

Сцена 1.

Занавес открывается

Московское кафе. Наташа/Татьяна сидит за столиком и заказывает мороженое пломбир и бутылку Боржоми. Пока официант, наконец, приносит заказ, у Наташи появляется редкая возможность закончить без помех 45-минутную каватину по мотивам арии Сюзанны из оперы композитора Моцарта "Свадьбы Фигаро" о трагически утерянном колечке. Неожиданно в кафе появляется Евдокимов. Наташа, Евдокимов и официант исполняют вокальное трио в сопровождении Аллы Пугачевой и ансамбля халтурщиков на слова сонета Шекспира " Уж если ты разлюбишь - так теперь". Евдокимов и Наташа признаются в глубоких чувствах, которые они испытывают друг к другу, а официант раскрывает свою заветную мечту стать метрдотелем ресторана гостиницы "Москва". Неожиданно Наташа вспоминает, что ей надо быть в аэропорту к 12 ночи, чтобы успеть на свой рейс. Физик Евдокимов уговаривает Наташу вызвать такси по своему домашнему телефону и провести остаток дня в его квартире. Наташа соглашается. У себя на кухне Евдокимов заваривает кофе и открывает бутылку советского шампанского, а Наташа в это время начинает исполнение арии, в которой глубоко раскрывает свою пробуждающуюся любовь к Электрону Евдокимову. Евдокимов пытается увлечь Наташу в спальню, но Наташа продолжает исполнение своей арии на кухне.

Занавес закрывается

Сцена 2.

Занавес открывается

Расстроенный и потерявший всякие надежды Электрон удаляется в свой кабинет и выводит уравнение Шредингера в сопровождении оперного речитатива на слова В. И. Ленина "Электрон так же неисчерпаем, как и атом". Наташа, наконец, заканчивает арию, смотрит на часы и осознает, что время близится к полночи, и она опаздывает на свой рейс. Наташа будит заснувшего под лирическую арию Электрона, и Электрон вызывает такси по телефону. Таксист обещает быть возле дома через 5 минут, но время проходит, и такси все нет. Наташа срочно исполняет арию Лизы "Уж полночь близится, а Германа все нет" из оперы "Пиковая Дама" композитора Чайковского.

Занавес закрывается

Сцена 3.

Занавес открывается

Такси, наконец, прибывает, Наташа и Электрон буквально впрыгивают в машину, и таксист резко стартует. По дороге Наташа, Электрон и таксист исполняют терцет на слова Андрея Вознесенского "Зеленые в ночи, такси без седока", причем таксист так увлекается, что проезжает светофор на красный свет. Появившийся милиционер исполняет арию шефа полиции Скарпиа "Насилие всегда возбуждает" из оперы композитора Пуччини "Тоска", и штрафует таксиста на 100 рублей.

Занавес закрывается.

Сцена 4. Аэропорт Шереметьево.

Занавес открывается

А в это время в аэропорту Шереметьево самолет ТУ-104 под командованием капитана Ефремова получает команду на взлет - несмотря на отсутствие бортпроводницы Наташи. Но тайно и безнадежно влюбленный в Наташу/Татьяну капитан Ефремов отказывается выполнить

команду Диспетчера и вместо того, чтобы взлететь, исполняет арию Гремина "Диспетчер, я взлетать не стану - безумно я люблю Татьяну" из оперы композитора Чайковского "Евгений Онегин".

Занавес закрывается.

Акт 3.

Сцена 1.

Занавес открывается

Аэропорт Шереметьево. Зал ожидания. Физик Электрон с букетом алых роз встречает Наташу из рейса. Электрон в сопровождении хора сотрудников аэропорта и встречающих, прибывающих и убывающих пассажиров исполняет арию Аллы Пугачевой "Миллион, миллион, миллион алых роз". Неожиданно в зале появляется бортпроводница Мышка сотрудница и подруга Наташи. В оркестре звучит музыкальная тема "Так судьба стучится в дверь" из 5-ой симфонии композитора Бетховена. Мышка приносит Евдокимову трагическую весть: самолет под управлением Ефремова разбился, и хотя экипаж и пассажиры уцелели, но Наташа погибла, спасая пассажиров. Хор замолкает. Букет Евдокимова падает на пол. Даже заключительная ария Риголетто из одноименной оперы композитора Верди в исполнении Евдокимова не может выразить весь трагизм происшедшего. Но Евдокимов не просто жалуется - он требует возмездия. В оркестре звучит лейтмотив рожка из оперы композитора Верди "Эрнани" и, в соответствии с кодексом чести летчиков Аэрофлота, в зале ожидания появляется Ефремов, готовый искупить свою вину кровью. Электрон Евдокимов исполняет арию на слова Валерия Брюсова "Быть может, эти электроны...", и в заключение арии предлагает Ефремову выбор: повеситься на лямках парашюта или отравиться аэрофлотовским завтраком для пассажиров. Мысль о втором варианте приводит отважного летчика в такой ужас, что он теряет сознание и в бессознательном состоянии

исполняет трагическую заключительную арию короля Ричарда из оперы композитора Верди "Бал Маскарад", в которой прощает всех, включая физика Евдокимова, стюардессу Мышку, Диспетчера и Аллу Пугачеву. Евдокимов, не в силах вынести потерю Наташи, закалывается авторучкой, а Мышка, тайно влюбленная в Ефремова, при виде потерявшего сознание летчика принимает двойную порцию завтрака Аэрофлота.

Занавес закрывается

Сцена 2.

Занавес открывается

На сцене один за другим, появляются летчик Ефремов, физик Евдокимов, бортпроводница Мышка и Дух Наташи. Ефремов держит в руках штурвал, Евдокимов держит в руках модель атомных орбиталей, Мышка держит в руках поднос с завтраком Аэрофлота, а Дух Наташи держит в руках солнечного зайчика. Ефремов, Евдокимов, Мышка и Дух исполняют знаменитый заключительный квартет Донны Эльвиры, Донны Анны, Дона Оттавио и Лепорелло "Первым делом, первым делом самолеты - а злодеев всех накажем мы потом" из оперы «Дон Жуан» композитора Моцарта.

Занавес закрывается

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

4

Занавес открывается

На сцене Диспетчер аэрофлота, исполняющий заключительную арию "Так смейся, диспетчер, над разбитым государственным имуществом" по музыкальным мотивам трагической арии Канио из оперы композитора Леонкавалло "Паяцы".

Занавес закрывается.

Дата написания либретто: День Валентина, 14 февраля 2021 года

Инна Трегуб

ОЛИМПИАДА

Двадцать лет назад, зимой 2001, я волею судьбы оказалась в составе группы химиков, осуществлявших допинговый контроль Олимпиады в Солт-Лэйк-Сити. Я все время собиралась написать об этом времени, таком не похожем на мою обыденную трудовую жизнь. Но не сложилось. К сожалению, я не вела дневников и не делала никаких заметок: полагалась на память, а она начала подводить, – время берет свое. С другой стороны, по прошествии двадцати лет, я могу, наверное, более объективно оценить события и их участников. Попробую это сделать.

Поскольку не все в моем рассказе будет подтверждено фактами и я могу ошибаться, основываясь только на воспоминаниях, я буду пользоваться измененными именами.

Часть 1. ЛАБОРАТОРИЯ

В январе 2001 я писала в Киев письмо. Описывала жите-бытье, жаловалась на пробки на автострадах Лос-Анджелеса, рассказывала о работе. «Неумолимо приближается февраль», – писала я, – и с такой же неумолимой неизбежностью приближается к берегам Америки олимпийский факел».

Со стороны можно, наверное, удивиться моему столь повышенному интересу к олимпийскому факелу – я отнюдь не принадлежу к спортивным фанатам. Тем не менее, мне предстояло провести два месяца в Солт-Лэйк-Сити в составе группы, делающей анализы на допинг. Мне этого не хотелось, но выбирать не приходилось. Мой работодатель, Олимпийская Лаборатория, структурно принадлежавшая Университету Лос-Анджелеса (UCLA), отвечала за проведение допингового контроля во время зимней олимпиады в Солт-Лэйк-Сити.

Олимпийская Лаборатория (Лаборатория) была создана в 1982 г. в преддверии летних Олимпийских игр, которые должны были проводиться в Лос-Анджелесе. Это была первая в Соединенных Штатах аккредитованная лаборатория такого типа. Лаборатория тестировала спортсменов во вре-

мя Олимпиады 1984 года в Лос-Анджелесе, Олимпиады 1996 года в Атланте, а также во время крупнейших чемпионатов, проводившихся в Соединенных Штатах. Во время мирового чемпионата по футболу в 1994 г., лабораторией было установлено, что один из футболистов использовал допинг. Имя этого игрока узнали позже из газет. Им оказался Диего Марадона.

Начиная с момента создания, Лаборатория выявляла нарушителей, проходила необходимые для этого аккредитации специальных антидопинговых агентств; здесь разрабатывались и внедрялись новые методики, сотрудники писали статьи. На сегодняшний день она продолжает быть самой значительной лабораторией антидопингового контроля в Соединенных Штатах.

Моя сестра, приехавшая в Лос-Анджелес в 1991, начала там работать по контракту. Это была ее первая и единственная работа в Америке. Понадобилось десять лет, чтобы ее перевели в штат, но к 2001 она руководила всем первичным тестированием, которое делали в Лаборатории. Сегодня она работает в позиции заместителя директора.

От сестры я узнала, что в Лабораторию набирают сотрудников. Мое резюме, хотя и не имевшее прямого отношения к допингу, чем-то заинтересовало руководство. Лаборатории требовались дополнительные людские ресурсы, а мне необходима была работа в Лос-Анджелесе. Я успешно прошла интервью и была нанята. Приближалась Олимпиада в Солт-Лэйк-Сити,

В это время нас насчитывалось около тридцати сотрудников. Состав был очень разношерстный и по увлечениям, и по образованию. Одновременно с людьми, фанатично преданными спорту и желавшими посвятить свою жизнь борьбе с допингом, здесь были те, кто, как и я, просто нуждались в работе.

Бессменным на то время директором Лаборатории был Профессор. Он же стоял у истоков ее создания. Одновременно он числился профессором факультета фармакологии и насколько я знаю, также имел докторскую степень в психологии. Это был одновременно Злой и Добрый Гений нашей небольшой организации. Он единолично карал и миловал, награждал и понижал, правда не мог единолично человека уволить (мешал профсоюз и потенциальная возможность, что это решение будет оспариваться в суде). Ему в то время было лет около 60. Высокий, тучный, с крючковатым носом и лысой головой, он напоминал мне иезуитского священника. В его харак-

тере правда было что-то иезуитское. Он великолепно разбирался в людях, быстро определял их таланты и выявлял слабости. Все в нем было масштабно. Он был знаком со всеми, кто имел хоть какое-нибудь отношение к принятию решений в антидопинговом контроле, любил давать интервью журналистам, был вхож во все антидопинговые лаборатории мира. Он добывал гранты и подписывал миллионные контракты. При этом он боролся за каждую копейку и серьезно недоплачивал своим подчиненным, лично проверял время прихода и ухода каждого сотрудника, знал, что сотрудники принесли на ланч, и что высвечивается на экранах их компьютеров. Несмотря на его тучность и огромный рост, у него была удивительно тихая, мягкая походка, и на работе он переодевался в домашние войлочные тапки. Это позволяло ему бесшумно подойти сзади к сидящему за компьютером сотруднику и постоять там незамеченным довольно долго. Некоторые попадали из-за этого в не очень приятные ситуации.

Но иногда он бывал удивительно щедрым, особенно, в отношении людей, к которым он благоволил, чаще всего во время так называемого «медового месяца». Мне повезло, и я в начале своей служебной карьеры получила воистинно королевский подарок – двухнедельную командировку в Париж.

Правой рукой директора была маленького роста худенькая азиатская женщина с приятным тихим голосом, непробиваемым спокойствием и стальным характером. Выросшая во Франции в семье вьетнамских эмигрантов, после окончания школы Алиса уехала учиться в Университет Лос-Анджелеса. Ее отношения с Профессором произрастали из далекого прошлого. Когда-то, будучи еще студенткой-третьекурсницей химического факультета Университета, она узнала о том, что создается Лаборатория для работы во время Олимпиады и предложила свои услуги. С тех пор она не покидала Лабораторию, участвовала в разработке всех методов, покупке всего оборудования и стала тем человеком, которому Профессор полностью доверял и на которого мог оставить Лабораторию во время отлучек. Без нее не принималось ни одно важное решение, ее слово на обсуждениях было последним перед заключительным словом Профессора. Очень часто она, с моей точки зрения, говорила именно то, что Профессор хотел услышать, но, может быть, я не права, а просто, проработав столько лет вместе, они уже думали одинаково. Впрочем, говорят, и ее служебная стезя не всегда была безоблачной при нашем автори-

тарном руководстве.

В мое время, устав от нервотрепок, и потому что могла себе это позволить, она перешла на почасовую консультантскую работу. Алиса решила воплотить в жизнь свою старую мечту – писать детские книги. К моменту моего с ней знакомства ее первая книга уже была написана в чистовом варианте, и она дала мне прочесть рукопись. Это была книга о ее детстве во Франции. Книга была живо написана, совсем неплохо, особенно, если учитывать, что английский – ее второй или третий язык. Все же это не была Астрид Лингрен. Чего-то не хватало... Я думаю, что издательства получают немалое количество произведений такого уровня. И здесь опять проявился незаурядный организаторский талант Алисы. Она действительно умела заставить вселенную со всеми светилами вращаться по нужной орбите. Книга вскоре была издана, причем не на средства автора, а уважаемым книжным издательством. Угощение для презентации книги, которая происходила в сквере, бескорыстно предоставила французская пекарня. Это были божественно вкусные, но к сожалению, микроскопического размера, коржики, которых, не хватило всем приглашенным. Наша лаборатория явилась в полном составе во главе с Профессором, а многие пришли с чадами и домочадцами, каждый из которых, разумеется приобрел книгу Алисы. Знаю, что впоследствии, и во многом благодаря нашим усилиям, книга даже была издана вторым тиражом. Потом Алиса написала еще пару книг (одну из них про Олимпиаду), но слава к ней так и не пришла. Через несколько лет она попыталась вернуться в Лабораторию, но это было уже при другом руководстве, которое в ней не нуждалось.

Следующими в нашей служебной иерархии были ученые. О каждом из них можно было бы долго и интересно рассказывать. Мне казалось, что люди заурядные и ничем не выдающиеся в Лабораторию не попадали или не приживались.

Супружеская пара из Загреба, великолепные специалисты и замечательные люди, Соня и Буба, присоединились к Лаборатории одними из первых, вскоре после Профессора и Алисы. Соня приехала в Лабораторию в постдокторантуру с мужем и двумя маленькими дочками. Муж Сони, Буба, великолепный химик, несколько лет работал в Лаборатории бесплатно, поскольку у Профессора абсолютно не было фондов на зарплату еще одному сотруднику. Фонды нашлись только, когда Буба прошел интервью в фармацевтическую компанию и получил от

нее приглашение на работу.

Через несколько лет они вернулись домой в Хорватию, несмотря на уговоры Профессора не уезжать. А еще через несколько лет началась война, Загреб бомбили, мужчин поголовно начали призывать в армию, оставаться в Хорватии было небезопасно. Буба любит рассказывать, как он, находясь в бомбоубежище, под взрывы снарядов позвонил в Лос-Анджелес Профессору и поинтересовался, нет ли у него открытой позиции в лаборатории. Надо отдать должное Профессору, он немедленно открыл позиции, затребовал визы и семья Сони и Бубы снова оказалась в Америке. На этот раз уже навсегда. (Впрочем, почти каждый отпуск они уезжали в Загреб повидаться с родственниками и пожить в своей квартире. Все-таки эмиграция из Хорватии отличалась от эмиграции с Украины в начале 90х ...)

Это был один из редких случаев, когда Профессор проявил себя очень гуманно и совершил благородный поступок. Он не только в кратчайший срок создал позицию, нашел фонды и выгнал Соню и Бубу в Америку, но и поселил их семью из четырех человек у себя дома, пока они осваивались и искали жилье. Соня часто рассказывала эту историю, объясняя свое долготерпение тем, что они с Бубой многим обязаны Профессору. Уверяла, что когда-то он был совсем другим человеком. Мне хочется ей верить.

Еще одним задержавшимся надолго ученым был Самородок, который поступил в Лабораторию еще студентом. Может быть, поэтому, Профессор испытывал к Самородку почти родительские чувства. Самородок был гениален и крайне неорганизован. Он никак не мог закончить учебу даже на степень бакалавра. Это не помешало ему стать независимым и очень грамотным специалистом. Ему давали задания, которые никому другому были не по плечу. Забегая вперед, скажу, что он все-таки закончил обучение, получил степень бакалавра, и сейчас именно он возглавляет Лабораторию. В отличие от Сони и Бубы, я с ним почти не пересекалась ни по работе, ни по жизни.

Еще одна личность, заслуживающая упоминания в этом рассказе, это Шестерка, неизменный секретарь/отдел кадров/страж ворот/исполнитель разнообразных мелких поручений Профессора и блюститель дисциплины. Страстью его была театральная сцена. Отработав часы в лаборатории, Шестерка по вечерам спешил на репетицию. Он состоял в какой-то труппе. Однажды сотрудники Лаборатория все отправились на премьеру смотреть Шестер-

ку. Это было уже после моего переезда в Северную Калифорнию, и я, к сожалению, не могла принять в этом участие.

Нижнюю часть иерархии составляли лаборанты. Это была очень разношерстная публика – от обожающих спорт студентов, которые часто сменялись, – до матрон среднего возраста, зарабатывавших пенсионную программу университета.

Структурно Лаборатория состояла из двух подразделений: «Научные исследования» и непосредственно допинговый контроль – «Обслуживание». Хотя на втором подразделении лежала огромная ответственность – не пропустить «положительный» образец и отстоять свой вывод перед сворой юристов, представляющих скомпрометированного спортсмена, говорили, что там все-таки было легче работать, поскольку эта работа была рутинной и меньше интересовала Профессора. Самородок и Буба руководили группами в «Научных исследованиях». Сестра возглавляла группу первичного тестирования, а Соня отвечала за проверку и подтверждение «положительных» образцов и составление отчетов в «Обслуживании».

Сразу после зачисления меня отправили помогать Соне. Работать было приятно и интересно, за месяц я многому научилась и приобрела независимость. Все были довольны. Но, как оказалось, у судьбы и Профессора возникли иные планы, и моей уютной жизни подходил конец. Потому что в это время в немецком городе Кельне Себастиан уже получил диплом мастера и оформлял визу в Америку.

Часть 2. ПОДГОТОВКА

2.1 СЕБАСТИАН

Не смотря на то, что наша Лаборатория была крупнейшей в Америке, за возможность обслуживания Олимпиады все же пришлось бороться. Для того, чтобы выиграть контракт, Профессор пообещал не только тестирование на стероиды, некоторые запрещенные гормоны, диуретики, чем Лаборатория была известна, но и на до недавнего времени не поддававшийся обнаружению гормон – эритропоэтин.

«Эритропоэтин (гемопоэтин) (тж. англ. erythropoietin, EPO) — один из гормонов почек (также секретируется в перисинусоидальных клетках печени), который контролирует эритропоэз,

то есть образование красных кровяных клеток (эритроцитов). По химическому строению является гликопротеином. Используется как лечебное средство. В спорте является допингом...» Википедия

Злоупотребление эритропоезином было распространено в 1990-е в лыжном, велосипедном и других видах спорта, где требовалась выносливость. Оно могло привести к образованию тромбов и даже гибели спортсменов. Поэтому синтетический эритропоезин входил в список запрещенных препаратов. Трудность его выявления состояла в том, что человеческий организм тоже вырабатывает этот гормон, особенно, если спортсмен тренируется на высокогорье. Долгое время единственным методом обнаружения был анализ крови на гемоглобин. Высокое содержание гемоглобина обычно свидетельствовало о повышенном уровне эритропоезина. К сожалению, этот метод был непрямым и не позволял разделить на натуральный и синтетический ЕРО. Примерно за год до описываемых событий группе ученых французской национальной антидопинговой лаборатории (National De Dépistage du Dopage de Châtenay-Malabry (LNDD)), возглавляемой профессором Франсуазой Ласне, был разработан прямой метод, позволявший не только выявление ЕРО в организме человека, но и его разделение. Сделано это было на основе анализа мочи. Эта методика была опубликована в журнале "Nature" и доложена на международной анти-допинговой конференции.

Другие лаборатории, включая нашу, начали перенимать опыт и осваивать новый метод. Профессору необходим был ученый с опытом работы с ЕРО, чтобы возглавить новый проект. Такой человек быстро нашелся. Когда в антидопинговом мире узнали, что Лаборатория Лос-Анджелеса выиграла контракт по обслуживанию Олимпиады и планирует тестировать на эритропоезин, к Профессору обратился Себастиан, молодой ученый из Кельнской анти-допинговой лаборатории, которая конкурировала с французской в работе по эритропоезину. Себастиан заканчивал учебу на степень магистра, специализировался в изучении и обнаружении ЕРО и, конечно, оказался идеальным кандидатом.

Я еще не работала в Лаборатории, когда Себастиан приезжал на интервью, но он произвел очень сильное впечатление на всех, с кем он тогда встречался. «Подожди, скоро ты сама его увидишь», – говорила сестра. Рассказывали, что он привез с собой

из Германии свой собственный горный велосипед и после интервью провел несколько дней на склонах Южной Калифорнии.

Через несколько месяцев он получил степень магистра, приехал в Лос-Анджелес возглавить новый проект, и я впервые его увидела. Нам предстояло проработать бок о бок почти два года. Мы много ссорились, потом стали союзниками, даже друзьями. Вместе мы добились больших успехов: во время олимпиады 2001 нам удалось обнаружить не только ЕРО, но также совсем новый допинг – производную ЕРО – NESP.

Меня сразу поразила его прическа. У него были длинные, почти до пояса, вьющиеся каштановые волосы, которыми он очень гордился и все время машинально их расчесывал, закручивал в калачик, распускал, собирал в «конский хвост», опять распускал, заплетал в косу. Любая женщина гордилась бы такими волосами, но видеть их у мужчины в те годы мне было непривычно. Впрочем, это была его единственная слабость. Я никогда раньше не встречала кого-либо с такой сильной волей и умением все подчинять идее. Он был очень худой и мускулистый, роста выше среднего, с глубоко поставленными карими глазами и прямым носом. Говорил с сильным немецким акцентом и был похож на немцев, изображенных во французских фильмах моего времени. (Отсутствие чувства юмора и желание всегда и во всем следовать инструкции вызывало у меня в памяти эпизоды из фильма «Воздушные приключения»).

Как положено правильному немцу, он фанатично любил спорт, предпочитая те виды, где он мог тренироваться и соревноваться индивидуально (бег, лыжи и, особенно, велосипед). Он полагался только на себя и мало кому доверял. Его спортивные результаты, достаточно хорошие, все-таки не были на уровне олимпийских, что его очень огорчало. Возможно, отчасти поэтому он нашел свое призвание в борьбе с допингом. Экономный и практичный, Себастиан жил просто, обходился без машины, везде, где можно и нельзя, ездил на велосипеде. Но было одно исключение – парашютный спорт. Раз в месяц Себастиан брал напрокат машину и отправлялся на небольшой аэродром за пределами Лос-Анджелеса, где делал несколько прыжков с парашютом. Его обычно плохое настроение после таких поездок ненадолго улучшалось.

Одевался Себастиан очень просто и практич-

но: джинсы, кроссовки, футболки. Однако футболки почти все были получены во время соревнований и на них сообщались названия многочисленных забегов и велогонок. Но однажды он появился в футболке, на которую была переснята фотография, где Себастиан и его дама сердца, держась за руки, спускаются на парашютах. Воистину «высокие отношения»!

Себастиан происходил из семьи католиков. Хотя он лично и не был религиозным человеком, мне кажется, его фанатизм, умение все подчинять идее и требовать того же от других, как и его аскетизм, вышли именно из католического воспитания. Но это уже мои домыслы.

Как и многие европейцы, которые приезжали в Новый Свет, чтобы «на людей посмотреть, себя показать», Себастиан относился к Америке свысока. Он решил не оформлять себе вид на жительство (Green Card), хотя возможность такая была – через университет, и ему это очень советовали. Впоследствии он не раз пожалел об этом решении.

В Лаборатории он тесно общался только с Бубой (как европеец с европейцем), их объединяли европейские корни и любовь к велосипеду. Поначалу он начал приударять, забыв на время свою парашютистку, за хорошенькой помощницей моей сестры, иранкой Гаяне. Но она собиралась в это время выходить замуж за преуспевающего дантиста и к Себастиану интереса не проявила. А вскоре, действительно, вышла замуж и исчезла с наших горизонтов.

Вторым сотрудником новой группы ЕРО, вошедшей в подразделение «Исследования», оказалась я. Меня перевели туда, как только появился Себастиан. И так в одночасье завершилась моя приятная жизнь под крылом у Сони в «Обслуживании».

Сразу по приезде Себастиан начал заказывать оборудование для нашего нового проекта, а я принялась изучать литературу. Кроме того, мне теперь полагалось участвовать в еженедельных собраниях отделения, где в это время много говорилось о предстоящей поездке Себастиана и Алисы в Париж, обучаться у французских коллег. Однажды Профессор был в очень хорошем настроении и решил, что я тоже должна пройти обучение в Парижской лаборатории. Возражений с моей стороны, конечно, не было.

Заказанное Себастианом оборудование и реактивы постепенно прибывали, и вскоре мы приступили к пробным экспериментам. Мне

пришлось обучаться совершенно незнакомым вещам. Это не было просто, особенно под надзором Себастиана, который начал устанавливать почти военную дисциплину и субординацию со рвением, присущим многим молодым и неопытным руководителям. Мои отношения с ним быстро испортились. Сколько я себе ни напоминала, что это была цена за возможность работать в Лос-Анджелесе, мне не нравилось подчиняться человеку, который был ниже меня по должности, по уровню образования, моложе по возрасту и не испытывал ко мне никакого уважения. Кроме того, я несколько раз ловила его на ошибках, особенно в расчетах, но благодарности за это не получала. Ему, по-видимому, тоже многое во мне не нравилось, и он это не скрывал. Но справедливость все же требует признать, что он был в то время единственный специалист в данной области, и оставалось очень немного времени, чтобы развернуть новый проект. Первый этап проекта – подготовка – должен был закончиться уже через 8 месяцев (незадолго до открытия олимпиады). А начинался отсчет времени с нашей командировки в Париж.

Продолжение следует

Трегуб Инна родилась в Киеве. Училась на химическом факультете Киевского университета, защитила кандидатскую диссертацию. В 1990 году эмигрировала в Израиль, там поступила в пост-докторантуру в Институт Вейцмана. Впоследствии работала в университетах в Англии, Германии и США. С 2004 г. работает в Силиконовой Долине в High Tech индустрии. В 2007-2008 годах получила еще одно образование – Life Coach, и эта профессия стала важной частью ее жизни. Инне Трегуб организует вечера-встречи бывших соотечественников «Салон». Писать начала в 2007 для журнала «На здоровье» как Life Coach. («Русские дети», «Саботажница и будущая я» и др.). Регулярно печаталась в международном альманахе «Образы жизни». В карантинную пору Инна Трегуб организовала популярную серию встреч на Zoom, посвященных разнообразным вопросам жизни и искусства; одно из направлений этой деятельности – цикл "До встречи", знакомящий с творчеством интересных поэтов. (Совместно с Марией Перцовой). Пообщаться с автором можно, написав на электронную почту: inna@innacoaching.com

Виталий Шрайбер

СТАРЫЕ ПЕСНИ О СТРАШНОМ

1.

Воскресным утром я вел машину по полупустому фривею 237 и слушал диск с записями Бориса Гребенщикова, которые накануне скачал из Интернета. Репертуар записей был для Гребенщикова нетипичным: в основном, старинные русские романсы и некоторые популярные песни советского времени. В том числе известная песня из кинофильма "Весна на Заречной улице". Задушевная мелодия, простые, трогательные слова:

*Когда весна придет не знаю,
Пройдут дожди, сойдут снега,
Но ты мне улица родная
И в непогоду дорога*

Все хорошо и естественно – человек любит свою родную улицу. Но вот последний куплет:

*Когда на улице Заречной
В домах погашены огни,
Горят мартеновские печи
И день и ночь горят они.*

И я подумал: а каково это в реальности жить на улице, где день и ночь горят мартеновские печи? Горят, выбрасывая в больших количествах металлическую и иную пыль, сажу, угарный газ, окислы серы. Я представил себе: серые дома, пыльные мостовые, чумазые бледные нездоровые лица людей. Какая-то малосимпатичная родная улица. И песня утратила обаяние.

Зачем в лирической песне о родной улице, о встрече с любимой девушкой, о безответной любви и прочих душевных переживаниях возникли эти мрачные мартеновские печи? Ясно зачем. Затем, что главный герой фильма – рабочий, пролетарий. Стало быть в песне должен присутствовать некий идеологический подтекст. Как бывшему советскому человеку мне это понятно. Потом уж я прочи-

тал, что изначально в песне были еще и другие куплеты, содержавшие важные идеологические слова:

*Я не хочу судьбу иную.
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.
Мне всё здесь близко, всё знакомо,
Всё в биографии моей:
Дверь комсомольского райкома,
Семья испытанных друзей.*

Гребенщикова эти куплеты выбросил, и я его понимаю. Не знаю как заводская проходная, но райком окончательно погубил бы песню. Это был бы уже не подтекст, а откровенная пропаганда.

2.

Этот эпизод послужил толчком. Я стал вспоминать, какие песни мы слышали и сами пели во времена моего детства и юности. Я мог бы, наверное, вспомнить другие песни, родившиеся, как и «Весна на Заречной улице», в период хрущевской оттепели.

Но мне почему-то вспомнились иные песни, лирика в которых, если и была, то мрачно-трагического оттенка, а идеологического подтекста не было, потому что сам текст был предельно, можно сказать, смертельно идеологическим. С этими песнями я познакомился еще раньше, чем с «Весной на Заречной улице» – в начале пятидесятых. В школе на уроках пения мы разучивали и пели хором пионерские, комсомольские и прочие советские песни. К примеру, где-то во втором или третьем классе разучивали «Песню о Щорсе», с такими словами:

*Шел отряд по берегу, шел издалека.
Шел под красным знаменем командир полка.
Голова изранена, кровь на рукаве.
След кровавый стелется по сырой траве*

Девятилетние детки пели про кровавый след на сырой траве. Подразумевалось, что детки правильно понимают: такие песни – это наш советский героический эпос. Только в отличие от русского народного эпоса, где мифический Илья Муромец сражался с мифическим Соловьем-Разбойником, советский эпос был ближе к реаль-

ной жизни. И детки, вероятно, понимали, интуитивно конечно, что кровавый след на сырой траве вполне может случиться и в их собственном недалеком будущем. Как это отражалось на их (нашей) психике? А ведь подобных песен было немало. Когда я невольно начал вспоминать, в моей голове одна за другой стали возникать строчки и куплеты; они просто горохом посыпались из моей памяти.

Вот самая популярная пионерская песня в годы моего детства:

*Орленок, Орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди,
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.*

И там же:

*Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.*

Действительно, не хочется. Но пели, не думая. А вот для детей постарше – комсомольского возраста:

*И боец молодой вдруг поник головой,
Комсомольское сердце пробито.*

*....Капли крови густой
Из груди молодой
На зеленые травы сбегали.*

Опять кровь на траве! Никак без нее не обойтись. А вот припев другой известной песни:

*Смело мы в бой пойдем
За власть Советов,
И как один умрем
В борьбе за это.*

Помню, что даже тогда эти слова вызывали у меня смутное недоумение: если все мы, как один, умрем, зачем нам – мертвым! – власть Советов? Сейчас, заглянув в Интернет, я выяснил, что эта песня, рожденная, как мне казалось, во время революции или гражданской войны, в действительности была переделана из русской песни времен Первой мировой войны. Оригинальная песня называ-

лась «Слышали деда», и в припеве были слова:

***Смело мы в бой пойдем
За Русь святую,
И как один прольем
Кровь молодую.***

Опять кровь, но чуть-чуть легче – быть может, умрут не все, кто-то, пролив кровь, все-таки выживет; но все равно звучит довольно мрачно. Примерно тогда же разучивали мы еще одну песню, которая сейчас мне кажется странной, а тогда не казалась, «Песню о юном барабанщике»:

*Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев – смелых бойцов.
Средь нас был юный барабанщик,
В атаку он шел впереди
С веселым другом-барабаном,
С огнем большевистским в груди.*

*Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Допеть до конца не успел.*

*С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал ...*

Большинство моих одноклассников в это время не знало, кто такие спартаконцы, но раз у них в груди горел большевистский огонь, значит – это наши люди. Казалось, что «юный барабанщик» – это мальчишка, шагающий впереди этих самых «спартаконцев» как пионер-барабанщик впереди пионерского отряда. Никому, конечно, в голову не приходило, что мальчишки не должны участвовать в сраженьях и что барабанщик, которому вздумается идти в атаку с барабаном впереди отряда, будет быстро и неминуемо убит, до привала просто не доживет, не говоря уже о том, что петь веселые песни на привале ночью не очень уместно. Странно, что не пришло это в голову автору текста песни. А кто же автор?

Оказывается, «Песня о юном барабанщике» – вольный перевод немецкой песни «Маленький трубоч» (Lied vom kleinen Trompeter), посвящен-

ной реальному человеку – некоему Фрицу Вайнеку, горнисту Союза красных фронтовиков, который был маленького роста, но вполне взрослый. В 20-х годах он был популярной личностью в среде немецких левых. Убит был не во время войны, а при разгоне полицией предвыборного рабочего собрания с участием Эрнста Тельмана в городе Халле. Что касается спартаковцев, то так называли себя немецкие социал-демократы, члены группы «Союз Спартака», которая стала основой коммунистической партии Германии. Перевод песни на русский язык в 1930 году делал Михаил Светлов, который и считается автором советского варианта песни. Видимо, это он заменил трубача на барабанщика, маленького ростом на юного и превратил его в героя Гражданской войны в России. Мне почему-то кажется, что перевод этой песни нельзя занести в разряд творческих удач Михаила Светлова.

3.

Однако еще раньше, в 1926 году, Михаил Светлов написал стихотворение «Гренада», которое, наоборот, по общему мнению, является несомненной удачей. Оно вызвало всеобщий восторг. Марина Цветаева писала Борису Пастернаку: «Передай Светлову, что его «Гренада» — мой любимый — чуть не сказала: мой лучший — стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было». А в 1959 году Виктор Берковский превратил стихотворение «Гренада» в песню. При столь талантливых авторах песня получилась действительно очень хорошая, поэтичная и романтическая. «Яблочко-песня», «трава молодая – степной малахит» – что ни слово, что ни куплет – то маленький шедевр, правда с привкусом грусти:

... «Яблочко» - песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времён...

Эскадрон мчится по просторам родных русско-украинских степей, а хлопца нехоти одолела «испанская грусть». Хлопец мечтает отдать землю в Гренаде крестьянам, разумеется, не спрашивая согласия испанских землевладельцев – в России ведь, отбирая землю, разрешения не спрашивали! Однако эти мечты приводят все к тому же

страшному результату:

*Я видел над трупом
Склонилась луна
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»*

И еще грустнее оттого, что

*Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко» - песню
Допел до конца.*

Но конец стиха (и песни), тем не менее, звучит бодро и оптимистично:

*Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить!*

Стихотворение «Гренада», написанное в 1926 году, сначала естественно ассоциировалось с гражданской войной в России. Потом – ошибочно – с гражданской войной в Испании, хотя в Испании Светлов не был. Позднее, объясняя чувства, владевшие им, когда он сочинял Гренаду, Светлов написал: «После многих лет, исследуя своё тогдашнее состояние, я понимаю, что во мне накопилось к тому времени большое чувство интернационализма. Я по-боевому общался и с русскими, и с китайцами, и с латышами, и с людьми других национальностей. Нас объединило участие в гражданской войне». «Большое чувство интернационализма» – это, конечно, прекрасно, но почему-то оно не распространялось на тех, с кем воевали, в кого стреляли, кого убивали (a la guerre comme a la guerre!) товарищи Михаила Светлова.

Традиция романтизировать войну и смерть на поле боя стара как мир. Немногие отваживались критически переосмысливать эту традицию. Одним из немногих был Виктор Астафьев. В его знаменитом произведении с красноречивым названием "Прокляты и убиты" есть строчки: «Преступно романтизировать войну... ничего грязнее, кровавее, жестче, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было».

Хотя здесь говорится о Великой Отечественной войне, участником которой Астафьев был, наверняка его слова относились и к любой другой войне. Соглашаясь с Астафьевым в принципе, я все же замечу, что желание романтизировать события войны с иноземными захватчиками, когда люди погибают, защищая Родину и отчий дом, является по моему более понятным и естественным, чем в случае войны гражданской. Гражданская война возникает когда граждане страны не в состоянии мирно, по-человечески разрешить накопившиеся разногласия и противоречия (экономические, социальные, этнические, религиозные, любые другие). И тогда из глубины человеческого сознания (или подсознания) выходят наружу дикие зверские инстинкты, и соотечественники, соседи, друзья, братья начинают убивать друг друга, уподобляясь членам первобытного племени, не поделившим добычу. Гражданская война в цивилизованной стране — ни с чем не сравнимое несчастье, тяжелая болезнь. Романтизировать ее противоестественно, все равно что романтизировать эпидемию безумия.

Но на протяжении всего двадцатого века Россия болела этой болезнью, которая то обострялась, то принимала латентную форму, проникала в плоть, кровь и мозг российского общества. Вот почему в 1957 году, то есть в период оттепели, умный и тонкий, всеми любимый Булат Окуджава пишет «Сентиментальный Марш» со словами:

*... Я все равно паду на той,
на той единственной гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной...*

А потом в 1965 году в знаменитом фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет (Застава Ильича)» показано, как в переполненном зале, где выступает Окуджава, молодые люди с одухотворенными лицами подпевают этим словам, и кажется, что все они тоже готовы умереть на той братоубийственной войне, если вдруг она возобновится.

4.

Естественно, огромный пласт песен породила Великая Отечественная война. Как ни странно, «страшных» среди них не так уж и много. Кроме того, в текстах тех песен, где речь все-таки идет

о смерти, о погибших бойцах, как правило, меньше нарочитого пафоса и неуместной романтизации, больше простых и естественных чувств жалости и скорби.

*В дугах за Вислой темной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой .*

*(...)Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят ...*

(...)Эх, дороги ...

*(...)Выстрел грянет –
Ворон кружит.
Мой дружок в бурьяне
Неживой лежит ....*

А в некоторых песнях – отчаянная надежда и вера в спасительную силу любви. Это на редкость замечательные песни с замечательными словами:

*(...)Верю в тебя, в дорогую подружку мою.
Эта вера от пули меня
темной ночью хранила ...*

*(...)Смерть не страшна,
с ней не раз мы встречались в степи.
Вот и теперь надо мною она кружится.
Ты меня ждешь,
и у детской кровати не спишь,
и поэтому, знаю, со мной ничего не случится.*

*(...) Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.*

5.

Наконец, закончены войны – две мировые, гражданская. Наступило мирное, казалось бы, время. Но вот появляется песня, мало кому известная, популярной не ставшая, но примечательная самим фактом своего появления:

*А с чердака по спинам – автомат,
И кровь ручьем по синему берету.*

*По мостовой прошел свинцовый град
И одного парнишки с нами нету.*

Где это случилось? 1968 год, Прага.
Еще десять лет прошло, и – Афганистан. Война – не война, а «выполнение интернационального долга силами «ограниченного контингента»:

*В чёрном тюльпане
Те, кто с заданий
Едут на родину милую в землю залечь,
В отпуск бессрочный,
Рваные в клочья,
Им никогда, никогда
Не обнять тёплых плеч.*

И еще песня «Друг Серега», тоже афганского происхождения:

*Потерти еще Серега,
Подожди еще немного.
Нет Сереги. Был Серега,
Забрала его дорога.*

6.

А сочинялись ли в России 20-го века (до горбачевской перестройки), песни антивоенного или пацифистского содержания, выражающие если не протест, то хотя бы сожаление об ужасах войны, скорбь по погибшим?¹ Не могу дать точный и исчерпывающий ответ на этот вопрос, но осмелюсь утверждать, что таких песен было очень и очень мало. Порывшись в памяти, я отыскал там только две такого рода песни.

В 1917 году, вскоре после Октябрьской революции Александр Вертинский написал песню «То, что я должен сказать», которую посвятил юнкерам, погибшим в Москве во время Октябрьского вооружённого восстания 1917 года и похороненным на Московском Братском кладбище. Там есть такие слова:

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!*

¹ В перестроечное и постперестроечное время антивоенные и пацифистские песни уже появились.

*(...)И никто не додумался
Просто стать на колени
И сказать этим мальчикам,
Что в бездарной стране
Даже светлые подвиги
– Это только ступени
В бесконечные пропасти –
К недоступной Весне!*

По поводу этой песни, где автор сочувствует погибшим врагам большевиков, Вертинского вызывали в ЧК для объяснений. Существует легенда, что он тогда сказал: «Вы же не можете запретить мне их жалеть!». На это ему ответили: «Надо будет, и дышать запретим!».

Еще одна – это песня Евгения Евтушенко «Хотят ли русские войны». Цитировать не буду ввиду того, что слова широко известны. Евтушенко искренне верил, что русские не хотят войны, и хотел убедить в этом весь мир. К сожалению, дальнейшие события, не подтвердили то, о чем поется в песне. Но отдадим должное Евтушенко: когда советские войска в 1968 году вошли в Чехословакию, Евгений Александрович написал протестное стихотворение «Танки идут по Праге»:

*Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.*

*(...)Пусть надо мной – без рыданий –
Просто напишут, по правде:
"Русский писатель. Раздавлен
Русскими танками в Праге".*

С некоторой натяжкой к разряду пацифистских можно отнести «Старинную солдатскую песню Булата Окуджавы:

*Руки на затворе, голова в тоске,
А душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.*

7.

Немало песен мрачного и убийственного содержания рождалось в России и вне связи с войной. Похоже, что идея смерти постоянно черным

вороном витала над русским песенным фольклором.

Вот знаменитая «Из-за острова на стрежень»:

И за борт ее бросает в набежавшую волну ....

А вот старая казацкая песня, может быть не столь знаменитая, но тоже довольно известная:

*Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся,
И сердце радостно забьётся
В восторге чувств не для меня!*

*(...) Не для меня придёт весна!
Я поплыву к берегам абхазским,
Сражусь с народом закавказским.
Там пуля ждёт давно меня!*

Русская народная песня

«Раскинулось море широко»:

*(...) На палубу вышел, сознанья уж нет,
В глазах его все помутилось,
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал – сердце больше не билось.*

*(...) Напрасно старушка ждёт сына домой,
Ей скажут – она зарыдаёт,
А волны бегут от винта за кормой
И след их вдали пропадает...*

Самая, пожалуй, известная и печальная из «гулаговских» песен:

*Этап на север, срока огромные
Кого не спросишь – у всех указ.
Взгляни, взгляни в глаза мои суровые
Взгляни, быть может, в последний раз.*

Тюремные, «блатные»:

Таганка

Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Мурка

*(...) Ты зашухерила всю нашу малину
И за это пулю получай*

Или вот популярная песня:

*Степь да степь кругом,
Путь далек лежит
В той степи глухой
Умирал ямщик
И набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу
Отдавал наказ:
«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла,
Здесь в степи глухой
Схорони меня!»*

Если вдуматься, возникают вопросы. Что занесло ямщика в глухую степь? И кто был его товарищ – тоже ямщик? Почему один ямщик умирает, а товарищ, видимо, вполне здоров? И почему товарищ не мог доставить умирающего или хотя бы тело умершего домой. Я – в Интернет. Выясняется, что в оригинале Лидия Русланова в первом куплете пела не «умирал ямщик», а «замерзал ямщик». Тогда понятней причина смерти – замерз. Но все равно непонятно, почему товарищ не замерз, но при этом не мог доставить тело замерзшего ямщика его родне? И что значит «не попомни зла»? Видимо, ямщик причинил товарищу зло. И потому понимает, что товарищ не спасет и домой не доставит? А может товарищ как раз его и убил? Неясно. Но все это не так уж важно. Важно что замерзает, умирает и ничто и никто его не спасет.

САМАЯ СТРАШНАЯ ПЕСНЯ

В общем, страшных песен очень много, одна другой страшнее, и всех не перечислить. А какая самая страшная? Я думал-думал, вспомнил, исследовал Интернет и в конце концов, выбрал на роль самой страшной песню, которая называется «Принимай нас, Суоми-красавица». На первый взгляд она вовсе не кажется страшной. Бодрая мелодия, сочиненная знаменитыми братьями

Даниилом и Дмитрием Покрасс, не менее бодрый и оптимистичный текст, написанный Анатолием Д'Актилем¹. Вероятно, не многие ее помнят. Написана без малого восемьдесят лет назад – в 1939 году, да и исполняли ее, видимо, совсем недолго. Вот ее полный текст.

Принимай нас, Суоми-красавица

*Музыка Даниил и Дмитрий Покрасс
Слова Анатолий Д'Актиль (Френкель)*

*Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми - красавица,
В ожерелье прозрачных озер!
Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвездную славу свою.
Много лжи в эти годы наверхено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывай же теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!
Ни шутам, ни писакам юродивым
Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину -
Мы пришли вам ее возвратить.
Мы приходим помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми - красавица,
В ожерелье прозрачных озер!*

Август 1939 года

Казалось бы, что тут страшного? Пришли товарищи, хотят возвратить соседям-финнам их родину, просят открыть пошире ворота. Но сосе-

¹ Анатолий Д'Актиль (настоящее имя – Анато́лий Адольфович Фре́нкель, при рождении *Носон-Нохим Абрамович Френкель*, 1890–1942; советский поэт-песенник, драматург, писатель-сатирик и переводчик. Автор текстов ко многим популярным песням: Марш конников Будённого, Марш энтузиастов, Тайна, Вам девятнадцать лет, Тени минувшего, Песня о дружбе и др. Публиковался под различными псевдонимами: *А д'А, три д'Актиль, Желчный Поэт, Евгений Онегин*.

ди почему-то упираются, ворота не открывают. Подозревают, что товарищи не возвращать им родину намерены, а наоборот нарывают ее захватить или, по крайней мере, отхватить от нее солидный кусок. А посему финны укрепления построили, да еще во главе своей армии поставили Карла Густава Маннергейма – бывшего генерал-лейтенанта русской армии, многократно награжденного за мужество и военное мастерство, и верой и правдой служившего России до захвата власти большевиками. И товарищам не оставалось ничего другого как устроить грубую провокацию на границе (так наз. «Выстрелы в Майнила» 30 ноября 1939 года) и без официального объявления войны вторгнуться на территорию упрямых соседей. Вместо веселой прогулки в краю лесов и озер получилась кровавая бойня.

Впрочем, сам по себе факт нападения на соседей и кровопролития хоть и ужасен, но не уникален. История Европы и вообще человечества пестрит подобными прискорбными фактами. Но эта песня страшна лживостью и лицемерием поистине уникальными: неуклюжая попытка замаскировать истинный смысл происходящего и представить в лучезарно-благородно-героическом свете агрессию по отношению к небольшой соседней стране. Страшна призывом, обращенным к будущим жертвам нападения, доверчиво распахнуть ворота перед захватчиками, обещанием вернуть им их родину, якобы кем-то захваченную. Наконец, страшна последствиями маленькой победоносной войны, бодрой прогулки по красавице Суоми. Вот данные о потерях в советско-финской войне на основании двухтомника «История России. XX век»²:

Категория потерь	СССР	Финляндия
Убитые, умершие от ран	~50000	19576
Пропавшие без вести	17000	4101
Военнопленные	~6000	825 ÷ 1000
Раненные, контуженные,		
Обмороженные	325 000	43 557

Во времена моего детства, то есть в конце сороковых годов и потом в пятидесятых, мне до-

² **История России. XX век** — двухтомное издание, освещающее проблемы истории России с конца XIX по начало XXI века. Подготовлено группой из более чем сорока российских и зарубежных авторов под руководством доктора исторических наук, профессора Андрея Зубова.

водилось слышать много живых воспоминаний, слушать радио, читать книги, видеть кинофильмы о прошедшей Великой Отечественной войне и ленинградской блокаде. Но о советско-финской войне почти ничего слышно не было. Если что-то я и знал, то не из газет и радиопередач, а из частных разговоров, да и то потому что наша семья жила в Ленинграде, а летом родители обычно снимали дачу на Карельском перешейке, где местные жители еще помнили финские названия дачных поселков: Репино – Куоккала, Комарово – Келломяки, Зеленогорск – Терийоки, где в лесу еще можно было найти зримые следы войны – окопы, дзоты, ржавое оружие и боеприпасы и кое-кто из взрослых произносил загадочные слова «линия Маннергейма».

Но потом все же оказалось, что был человек, который в 1943 году написал стихотворение «Две строчки». Это был Александр Твардовский, и его **две строчки** оказались весьма выразительными:

*Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.*

*Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.*

*Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал
Да лед за полу придержал...*

*Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,*

*Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последние десятилетия в России, включающие войны в Чечне, в Грузии, в Украине и Сирии, конечно же породили новые песни о страшном. Пока это самодеятельные песни, которые мало кто знает; нынешние российские СМИ, естественно, их не пропагандируют. Но со временем они станут известными.

Ну а пока... Недавно по одному из каналов российского телевидения я случайно увидел выступление певицы Елены Ваенги. Это рослая девушка крепкого телосложения. Одета в военную форму – гимнастерка, сапожки, пилотка – в сопровождении хора и оркестра она исполняла «Песню о Щорсе»¹, ту самую, с которой я начал свой рассказ. Исполняла в бодрой, задорной манере. Улыбалась, играла глазами и лицом, жестикулировала в такт словам «След кровавый стее-летя по сырой траве ...., э-ээ-х по сырой траве». А позади на сцене девушки габаритами помельче, одетые в красное, обеспечивали «подтанцовку»: кружились, бегали вприпрыжку, изображая, что скачут на конях, маршировали с красным знаменем. В публике кое-кто подпевал. И я подумал, что подобный жанр, видимо, в духе времени: страшное старое в новой попсовой упаковке.

Шрайбер Виталий родился в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) Государственного университета. Много лет работал на физическом факультете и в НИИ Физики университета. Доктор физико-математических наук. В качестве приглашенного исследователя работал в университетах Польши и Германии. С 2004 года живет в Калифорнии. Работает в одной из компаний Силиконовой долины.

Книгу воспоминаний Виталия Шрайбера "Сквозь перевернутый бинокль" можно заказать здесь:

<https://www.lulu.com/shop/vitaly-shrayber/through-inverted-binoculars/paperback/product-vmpjk9.html?page=1&pageSize=>

---

¹ Для справки: Николай Щорс погиб в 1919 году, всего-то 99 лет прошло. Обстоятельства смерти не вполне ясны, есть версия, что убили свои. Песня написана в 1935 году (83 года назад).

Галина Курляндчик

**ВЛАДИМИР ЛАЗАРЕВ И
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН¹**

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, РАЗДУМЬЯ, БЕСЕДЫ

AROLOGIA PRO VITA MEA
ОПРАВДАНИЕ МОЕЙ ЖИЗНИ (ЛАТ.)

Обобранным и униженным

... Вкус к справедливости Бог дал.

Порой я глупо воевал,
Сам по себе; без воинства.
Но свой народ не обирал,
Не унижал достоинства.
Пред дикой властью не дрожал,
За диким златом не бежал.
Грешил, страдал болезнями
Тоски... Но нож не обнажал,
Хоть и ходил по лезвию.
Больных душой не обижал.
И цену знал Поэзии.
Порой гулял, не знал границ.
Но перед злом не падал ниц:
Свой норв не насиловал.
Свой хлеб не собирал с темниц.

И не служил в полку убийц,
Бог миловал.

Владимир Лазарев

6 июня 1995, День рождения Пушкина

Владимир Лазарев: Весной 1988 года в период провозглашения резких перемен в жизни нашей страны в сторону её демократизации, я начал размышлять, почему Александр Исаевич Солженицын, высланный за границу в феврале 1974 года, продолжает быть лишённым гражданства СССР по статье 64 Уголовного

¹ Из книги Галины Курляндчик "Путь жизни и творчества Владимира Лазарева, писателя и мыслителя", 2019

кодекса «за измену родине», почему книги писателя, получившие всемирную известность, по-прежнему не выходят на его родине. Подумалось, что было бы верно начать разговор в «Нашем наследии», где я тогда работал. Я поделился своими мыслями с В.П. Енишерловым, главным редактором, и Еленой Чуковской как возможным автором статьи. Елена Цезаревна сказала, что она готова написать, но кое с кем посоветуется о своевременности такой публикации (наверное, прежде всего, с Лидией Корнеевной, своей матерью). Енишерлов же обратил моё внимание на длительный и сложный процесс печатания нашего иллюстрированного, цветного издания, полиграфическая база которого находилась в Лондоне. Он с академиком Д.С. Лихачёвым, председателем Фонда культуры, пошёл к Секретарю ЦК КПСС, «архитектору перестройки» А.Н. Яковлеву посоветоваться, как поступить. Тот сказал: «Вы должны находиться над схваткой!»

Елена Чуковская передала статью в «Московские новости». Там она пролежала долгое время без движения. Им, наверное, тоже партийное руководство порекомендовало «быть над схваткой». Автор адресовала свою статью в менее знаменитое издание «Книжное обозрение», где она и появилась 5 августа 1988 года (№ 32). Этот номер еженедельника Елена Цезаревна передала мне с дарственной надписью: «Владимиру Яковлевичу Лазареву, неутомимому и активному борцу за попранныю справедливость, эту статью, написанную по Вашей инициативе. С добрыми пожеланиями, Елена Чуковская». Я тотчас написал отклик, назвав его «Право на бесстрашную мысль». Он появился, правда, без названия, в следующем выпуске вместе с другими откликами (1988, № 33).

Ратуя за восстановление А.И. Солженицына в гражданских и литературных правах, я написал также о необходимости снятия запрета на имена Анатолия Кузнецова и Виктора Некрасова и возвращение их книг читателям. Главный редактор «Книжного обозрения» Е.С. Аверин поплатился за свою смелость и самостоятельность: верховники спустили на него всех своих псов, и он слёг в больницу с тяжёлым сердечным приступом.

Параллельно мы с Енишерловым решили послать в Секретариат правления Союза писателей СССР открытое письмо с предложением восстановить А.И. Солженицына в творческом союзе, признав его исключение неправомерным, и затем обратиться уже от имени Секретариата в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о восстановлении изгнанника в гражданских правах. Мы решили, что письмо должно быть коллективным. Поставили с Енишаровым свои подписи. И я отправился в Переделкино к Вениамину Каверину.

Вениамин Александрович, бледнолицый, сидел на закате солнца на террасе своей дачи в кресле, укрытый пледом. Здороваясь, протянул руку. Я ощутил холод его ладони. Видно было, что он недомогает. Внимательно прочитал письмо. Безоговорочно подписал его. Вслед за ним подписали Сергей Антонов, Лев Аннинский, Михаил Лобанов, Станислав Лесневский, Анастасия Цветаева, Ирина Одоевцева, Валентин Распутин, Владимир Крупин. Всего подписали 27 человек. Письмо было передано в Секретариат правления СП СССР. Оттуда не последовало ни звука. Глухое молчание.

В газете «Аргументы и факты» (№ 10, 1990 г.) была напечатана моя статья «Метаморфозы литературного департамента», а в новом журнале «Столица» – «Департамент писателей – последний бастион ГУЛАГа» (№ 1, 1991 г.)

В декабре 1988 года прошли два неофициальных вечера, посвящённых семидесятилетию А.И. Солженицына, – в Центральном Доме архитектора и в Клубе медицинского работника. Я принял участие в обоих. В конце речи я читал свои стихи, недавно написанные, горячие ещё:

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

*Послание А.И. Солженицыну
в штат Вермонт к 11 декабря 1988 года*

Мы проходим лишь первые правила правописания
По разбитым дорогам омывшейся кровью страны.
Александр Исаевич!
Обращаюсь к Вам в жанре послания:
Как Вы ныне Отечеству, как Вы России нужны.

А на этих равнинах все так же тревожно и снежно
В День рождения Вашего – в суженном
проблеске дня.

Игруны нам глаголят о правде. Ни толку в них нет,
ни надежды.

И уже на Кавказе кровавая дышит резня.

И одно за другим мы теряем свои поколенья.

Убиенные мальчишки не тревожат
командирские сны.

Разве русская мысль рождена
под звездой покоренья?

Ей иссеченной быть,

Снова изгнанной быть из страны?

Ты, отверженный Молохом,

не пропади,

не отчаивайся,

Даже если почудится в полночь

безмерной и тяжкой тоски,

Что столбчатый ГУЛАГ

вдаль кричит тебе:

«Не вертухайся!»

Вертухай и сами ведь пишут

в свои стенгазеты стихи.

Все, что делаю я, все не так, все не так постоянно.

Резким жестом лишь можно

российский наш недуг избыть.

И отечество наше пред Богом сейчас –

как открытая рана:

Пульс бы не упустить,

Время б нации нам не разбить.

Изгоняем мы гениев наших, и в сердце
вселяется морок.

Умирают они – мы назад возвращаем их прах:

Умиление и речи... Глядит

торжествующий Молох:

Все – при нем. И улыбка – на пьяных

кровавых губах...

9-10 декабря 1988

Эти же стихи я прочитал на встрече «Нашего наследия» с читателями в Центральном выставочном зале у Крымского моста. Иностраный корреспондент записал их на магнитофон. И вскоре они прозвучали по радиостанции Би-Би-Си. На ближайшем заседании Советского Фонда культу-

ры Первый Заместитель Председателя Гостелерадио СССР В.И. Попов, зачитав радиоперехват моего выступления, вопрошал: «Надо разобраться, что за люди у нас здесь работают?». Но председательствующий академик Д.С. Лихачёв не отреагировал на его слова.

Спустя некоторое время я написал Александру Исаевичу письмо. И получил от него ответ: «6.7.90 г. Уважаемый Владимир Яковлевич! Получил Ваше письмо от 20.6. Ваше стихотворение я знал тогда же, вскоре, спасибо: видел и слышал Ваше выступление по любительскому записанному видео. Движение моих книг на родине, конечно, очень затруднено, и особенно из-за задержки «Нового мира» и семитомника. И, конечно, Вадиму Михайловичу (В.М. Борисову – *В.Л.*) приходится трудно. – Но Ваш проект создания «артели» тоже не прост и вряд ли облегчил бы дело. Всем не управишь, как пойдёт. «Специальное заявление о Льве Толстом» – да, меня уж не раз об этом просили. Не могу с такой специальной целью сесть писать. Это слишком объёмно и струится во многом. От души желаю успеха в Вашей деятельности по сохранению храмов и кладбищ. Кладбища наши в ужасном состоянии. Всего Вам доброго. А. Солженицын».

Говоря о Солженицыне, не могу не сказать о связанных с его личностью двух писателях: Л. К. Чуковской и Ф. Г. Светове. Лидия Корнеевна Чуковская опубликовала за границей статью «Гнев народа» в защиту А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова. За это она была исключена из Союза писателей 9 января 1974. Феликса Григорьевича Светова по той же причине изгнали из писательского союза в марте 1982 года. Кроме того Светов подписал письма в защиту Татьяны Великановой, священников отца Дмитрия Дудко и отца Глеба Якунина. Светов отбывал тюремное заключение за свою литературную и общественную деятельность и работал потом ночным сторожем. Он писал мне: «После года пребывания в уголовной тюрьме *Матросская тишина* я прошёл ещё семь тюрем и был доставлен в последнюю перед ссылкой тюрьму в Кзыл-Озек в наручниках. Я не признал себя виновным ни во время следствия, ни на суде, отвечаю за

каждое своё слово и сегодня».

Когда несколько просветлело, и изменился дух времени, от них – Чуковской и Светова – ждали унизительных просьб о восстановлении в Союзе писателей. Я направил личное письмо в Секретариат правления московской писательской организации о том, что пришла пора отменить позорное решение об исключении их из творческого союза. Несколько месяцев длилось молчание. Я напоминал о своём письме в ряде открытых публичных выступлений. И вот, наконец, за закрытыми дверями писательского руководства решение об исключении (в разное время!) этих инакомыслящих было отменено как ошибочное. Лидии Корнеевне позвонил и кратко сообщил об этом московский оргсекретарь, отрывисто сказав, что она может явиться за членским билетом. Был ли такой звонок Светову, не знаю. Или не снизошли?

Галина Курляндчик: Через несколько лет в журнале «Советская библиография» (№ 4, июль – август 1991 года; он ещё назывался «Советская»), под рубрикой «Крупным планом» появился большой материал о Владимире Лазареве, отражающий его многогранное творчество. Заглавная беседа с писателем называлась «Нести гражданскую повинность...». В редакционном предисловии сказано: «Наш гость принадлежит к людям, которых, воспользуемся словами А. Солженицына, разжигает общественная жизнь».

Владимир Лазарев: В 1994 году вернулся Александр Солженицын. К этому времени после мгновенного распада СССР у него на родине вышла его горячая публицистическая книга «Как нам обустроить Россию?». В ней, между прочим, он заметил примерно так: прибалтийские республики можно отпустить. А, скажем, Казахстан необходим России, как подбрюшье её. Вскоре мелькнуло в прессе: группа казахов с возмущением отозвалась на эти слова, угрожая жизни писателя.

Из США Солженицын прилетел на Дальний Восток и оттуда поехал в Москву на поезде, останавливаясь в разных городах и встречаясь с людьми. Возвращение его снимало Би-Би-Си, намереваясь сделать большой документальный фильм. По Центральному российскому телевидению в «По-

следних известиях» постоянно показывали этапы его пути. Это было громкое возвращение. Александр Исаевич, радуясь, волновался, речь его была ускоренной. «Здесь все свои,— говорил он под открытым небом, обращаясь к народу. — Там все чужие». (Смотря телевизор, я подумал: здесь не все свои, и там не все чужие). А какой-то крестьянин сказал с экрана: «Дома, в деревне, — все свои, а сюда, в город, приезжаешь — все чужие». И ещё говорил Солженицын: «Выбирайте тех, кого хорошо знаете, порядочных людей, и посылайте их в Москву, во власть». (Это, конечно, благое пожелание, но осуществимо ли оно в реальности?)

Я считал, что в Россию нужно возвращаться негромко, но, верно, в этом случае неправ. Солженицын не просто вещал, но в долгой этой дороге внимательно прислушивался к мысли и чувству народному, к больному, горячему, живому слову народа. Похоже, собирал свою новую книгу. Его обжигающе обдавала своими волнами русская стихия после долгого отторжения от неё. Через несколько лет в книге «Россия в обвале» (1998) он задаётся вопросом: «Кого мы понимаем под словом «русские». И уточнит: «Мы понимаем под этим словом не непременно этнических русских, но тех, кто искренне и цельно привержен по духу, направлению своей привязанности, преданности — к русскому народу, его истории, культуре, традиции». Он приводит слова генерала Петра Врангеля, относящиеся к 1919 году: «С нами тот, кто сердцем русский». «Точнее не скажешь,— замечает Солженицын. Национальность не непременно в крови, а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности». Важное утверждение, особенно для России в пору труднейшего перехода к новому укладу жизни.

Вскоре после возвращения Александра Исаевича мне позвонила Елена Чуковская и сказала, что он хочет со мной побеседовать и приглашает к себе на рабочую квартиру. Мы условились о времени. Я пришёл с женой. На встрече также присутствовали Наталья Дмитриевна Солженицына и Елена Цезаревна Чуковская.

Писатель был молоджав, высок ростом, сухощав, одет по-домашнему — в ковбойке. Я не ожи-

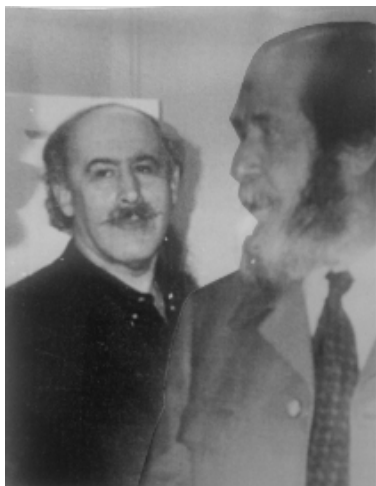
дал, что он такого роста, думал — коренаст. Он сел на небольшой жёсткий диванчик у стола, вблизи окна. Мы расположились полукругом на стульях. (Со временем я узнал от его близких, что его беспокоят боли в спине, в позвоночнике). Александр Исаевич сразу заговорил о России, которую увидел, о письмах, которые получает из разных краёв страны: власти незаботливо бросили нацию на произвол судьбы. Говорил о той внезапной крутости, с какой угнетают русских в недавних республиках распавшегося Союза. (Я был в согласии с ним. На руинах мгновенно распавшегося лжесоциализма моментально возникли акулы «предприниматели»: мульти-миллионеры и миллиардеры, захватившие реально власть, это предвещало новую народную трагедию. И она разразилась!) Думая, рассуждая, он лохматил волосы на макушке, точно молодой человек среди своих в студенческой компании. Он не переживает в беседе каждое слово: оно у него не рассудочное, но строго взвешенное, верно рассчитанное, четко оконтуренное. Он все не тратит в разговоре горячей энергии, сохраняя её для основной, напряжённой работы. Сказал: «Перестройка пошла, мягко говоря, не лучшим образом. Неглубокие, слабые умы затеяли её. Россия сейчас корабль с тысячами пробоин. Я увидел это — и как отовсюду из пробоин хлещет тёмный ледяной океан. Россия накренилась. Но не опускать же руки. Надо во спасение её постараться задраить хотя бы ту пробоину, что смертельно сквозит у твоего виска». Я заговорил о разрушенности библиотечного дела в сегодняшней нашей стране. О бедствиях библиотек и библиотекарей. О гибельном состоянии даже Российской государственной библиотеки в Москве. Узнав, что я возглавляю Совет содействия библиотечному делу в Фонде культуры, Солженицын спросил: «Какая из больших библиотек более всего нуждается в ксероксе?» Я, подумав, ответил: «Историческая». Он записал, а потом и осуществил это — подарил «Историчке» новую дорогую ксерокопировальную машину. (Любил конкретно помогать).

Как людям преодолеть упадок духа в пору обманутых надежд, в тяжких условиях жизни, которые, как видно, ещё нескоро изменятся к лучше-

му? Эта проблема углублялась слабоумием верховных властей и остро волновала нас. Долгий упадок духа, как известно, раскалывает народ, подрывает его внутренние силы и волю к преодолению невзгод. Опасный недуг – «усталость» нации. Слава Богу, что у нации есть такой неутомимый выразитель её боли, дум и чаяний как Солженицын. Страстная память в Солженицыне соединяется с точным расчётом и отвагой. Поэтому он и выстоял в битве с советским молохом. Одно из определений «Гений противостояния» – так мы с моей женой Ольгой Тугановой назвали Солженицына в книге «Круг понятий», которую долго писали «в стол». Она вышла в свет в Москве в 1995 и 1998 годах. Солженицын ни разу не соступал со своего пути и провидел многое. Служение Богу и России – его судьба.

Уже будучи в Америке, я видел по телевидению передачу о нём. Правая рука у него сильно дрожала. Сердце у меня вздрогнуло. Вскоре его не стало.

Галина Курляндчик: Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге в 2007 году выпустила в свет книгу «Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии». Она разделена на параграфы. 7 параграфов отмечают литературно-общественную деятельность Владимира Лазарева, связанную с Александром Исаевичем Солженицыным. (Владимир Лазарев «Мемуары». – «Новый журнал», Нью-Йорк, 2010, № 261, стр.177 далее).

Галина Курляндчик – потомственный библиотекарь. Родилась в семье военного в Крыму, выросла на Дальнем Востоке. Закончила факультет русского языка и литературы Рязанского государственного педагогического института. Много лет работала в научной библиотеке по программированию в Новосибирском Академгородке. С 2003 года живёт в городе Санта-Клара, Калифорния, где работала в городской библиотеке. Организовала сайт для бывших коллег «Новосибирский филиал Института точной механики и вычислительной техники АН СССР» (<https://www.nfitmivt.ru/>), где выкладывает свои публикации. Публиковалась в литературном альманахе «Образы жизни» и на сайте «ИнтерЛит. Международный литературный клуб» (<https://www.interlit2001.com/>). Выпустила несколько книг, посвященных истории своей семьи. Последние годы работала с известным поэтом и писателем Владимиром Яковлевичем Лазаревым, о котором организовала сайт и выпустила книгу «ПУТЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА ЛАЗАРЕВА, ПИСАТЕЛЯ И МЫСЛИТЕЛЯ: Впечатления, раздумья, беседы», которую можно читать в сайте, посвященном его творчеству: <https://www.lazarev-mildon.ru/upload/iblock/1f4/Path-of-Life.pdf>

Лина Маркова

**РЕЖИССЕР ТЕАТРА
ИМ. ВАХТАНГОВА
ГАРИЙ ЧЕРНЯХОВСКИЙ¹
(1944 – 2015)**

Вызов на сцену, спектакль “Сашка”

Маленький Гарри очень рано начал смеяться вслух, и его младенческий смех был особенный; было как бы два смеха: один обычный, колокольчатый, и другой смешок, мелко-бисерный, который он издавал, когда был чем-то особенно доволен: когда видел маму, когда нравилось что-нибудь – звук или движение какое-нибудь.

Удивительно было наблюдать, как этот ребенок любит маму. Казалось, это было сильнее обычного природного чувства. К двум с половиной месяцам он стал таким хорошеньким, что мама любила с ним ходить куда-нибудь, потому что на него все засматривались. Однажды она пришла с ним в школу старшего брата. Нужны были документы от школы, потому что мы уже готовились возвращаться в Харьков. Класную руководительницу брата, преподавательницу немецкого языка, тоже звали, как маму, Раиса Моисеевна. Когда мама появилась в школе с

¹ Из книги «Песенки и прибаутки моей семьи». Печатается с небольшими сокращениями.

ребенком на руках, Раиса Моисеевна всплеснула руками: “Как мог получиться такой ангел в такое страшное время? Какой красавчик!” Такие восклицания были нам в новинку и навсегда остались приятными, никогда не стали “как должное”.

Однажды уже в Харькове, перед самым концом войны этот ангел чуть не стал причиной аварии. Я и мама с Гарриком на руках шли по городу. Не помню, где это было, но был широкий перекресток, мы переходили улицу перед троллейбусом. Мама истощенная и толстый младенец с румяными щеками и русыми кольцами волос. На него всегда засматривались как на чудо в это голодное время, когда младенцы, если они и попадались, были далеко не такие упитанные. Мы заметили, что на него смотрит водитель толлейбуса. Мы уже пересекли дорогу перед ним и вдруг увидели, что он поехал, как бы по направлению своего взгляда, как бы за нами, и тут дуга слетела с проводов, посыпался каскад искр, троллейбус, как поезд, “сошел с рельс” и остановился.

В первый год своей жизни Гаррик стал общим любимцем всех тетей и дядей большой семьи. Наша семья вернулась в Харьков раньше всех, и все родственники, близкие и далекие, останавливались у нас, в сравнительно небольшой квартире, пока не находили своего жилья. В такой беспокойной и трудной обстановке младенец, как говорится, был совершенно ни к чему, и в самое первое время родственникам было не до того, чтоб это так уж скрывать.

Но уже через несколько дней этот якобы отрицательный фактор превращался в сугубо положительный. Младенец явно был символом хорошей жизни: красивый и толстый. Его все хотели держать на руках, и этот баловень еще до конца первого года своей жизни это понял и позволял доставлять другим удовольствие своей особой. Уставшие и голодные, родственники приходили домой после хлопотливого беспокойного дня и видели это не знающее ни заботы, ни труда счастливое существо и “отдыхали на нем”: танцевали, подбрасывали (“гочкали”), учили говорить, старались что-нибудь принести ему, несмотря на скудные возможности того времени. Дядя Петя, муж моей любимой тети Минны, танцевал с ним, припевая украинско-еврейскую танцевальную песенку:

Нащо мэни голд-унд-зильбер,
Як у мэне у-тю-тю-тю...
(Зачем мне золото и серебро,
если у меня есть у-тю-тю-тю –
маленький ребеночек.)

Самая старшая мамина сестра, тетя Аня, находившаяся с нами в эвакуации во время маминной беременности, после родов вместе с мамой выхаживала младенца и возлюбила его так сильно, что даже маме говорила, что никто его так не любит как она. Она ревновала его к другим родственникам и следила, чтоб они “не разгуливали” его слишком сильно. Отец просил тетю Аню не баловать его, но тетя Аня не могла себя сдерживать. Малыш, конечно, это почувствовал, и когда его просьбы о чем-нибудь не проходили с другими, подкатывался к тете Ане.

Он все начал делать рано, и рано научился ходить. Но тете Ане хотелось держать его на руках, поближе к себе. Мама поддерживала отца и поощряла ребенка ходить самого, да и тяжелый он был для истощенной мамы. Но когда ему хотелось, чтобы его несли на руках, он подходил к тете Ане, обнимал ее ноги, смотрел ей в глаза и жалобно говорил: “Тотана, анеть”. “Никаких “анеть” был при этом. Но тетя Аня очень быстро его “анетила”. Надо сказать, что и я залюбила своего маленького братца и считала его своим детенышем. Старше его на семь лет, я стала с ним гулять как только он научился ходить.

Уже упоминалось, что он стал известным режиссером, а первый его выход на сцену произошел, когда ему было два года. Я была во втором классе школы и вдобавок меня учили играть на скрипке. Мне очень хотелось быть такой, как старший брат, а поэтому я в школе тоже декламировала стихи и старалась их читать громким голосом. Учиться надо было на все пятерки, потому что в доме считалось, что четверки получают “последние лентяи”, которым лень сделать все до конца. И так во всем. Поэтому, когда к концу второго класса был концерт самодеятельности учеников начальной школы, я в этом концерте играла на скрипке, пела грузинскую песенку про черного барашка, танцевала белорусский танец “Лявониха” и читала стишок о матери, которая погибла на войне. Сти-

хотворение кончалось так:

Мамочка, любимая, родная,
Предо мной твой образ дорогой.
Я тебя веселой вспоминаю,
Молодой, красивой и простой.

Конечно, я репетировала все это дома с мамой, и маленький Гаррик был где-то рядом. Концерт был платный, собирали по пять рублей для сирот. На сцену нужно было подниматься прямо из зала по лесенке из трех ступенек.

Мама пришла на концерт с Гарриком. Когда концерт закончился и люди стали подниматься с мест, Гаррик, которому тогда только исполнилось два года, слез с маминых рук, направился к сцене и по ступенькам ползком взобрался на сцену. Люди стали смотреть на него, а он подошел к самому краю, стал вполборота и начал говорить. В зале стало тихо. Подражая мне, малыш торжественно произнес:

Апуки-туки-нуки, апуки, туки-та.
Апуки-туки-нуки, апуки, туки-та.
Мамочка!

Убимая!

Адня!

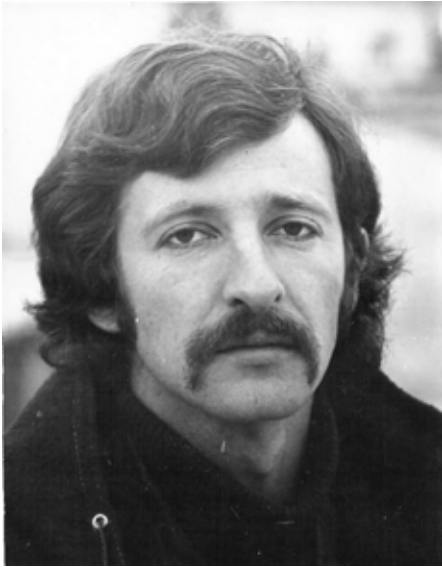
В зале поднялось что-то невероятное. Все хотели его потрогать. Кроме самого выступления, люди были поражены его ангелообразным видом, включая ангельскую упитанность, которую он еще не потерял – мама кормила его до полутора лет. Спрашивали “Чье это чудо?”

Первый успех Гаррика помог и сиротам: сдали деньги и те, кто не собирался, а те, кто не мог дать все пять рублей, дали хоть что-то.

Вскоре после этого эпизода мальчик заговорил совершенно без искажений. И тут посыпались его интермедии, “хохмы” и словечки (первое, как было сказано, было “анеть” еще до года, образованное от “тети Ани”, означавшее, что она должна сделать свою тети-анину работу: взять его на руки. Он рано начал всех смешить.

Большинство его сенок не поддается пересказу, потому что это происходило по ходу дела, как сама жизнь. Когда он замечал чью-то особенную манерку или движение, он тут же это забавно

имитировал. С годами это была не просто имитация, а изображение. Так он из лицедея выросал в актера – много позже он объяснял мне это различие.

Гаррик, студент театрального училища им. Щукина, Москва, 1973

Однажды кто-то в разговоре кого-то нахваливал, пожалуй, неумеренно, повторив несколько раз “ума палата”; Гаррик, которому было чуть больше трех лет, сказал в образовавшейся паузе: “ума палатка”.

Может быть, годом позже отец как-то утром перед выходом на работу не мог найти футляр от очков. Все принялись искать, чтобы отец не опоздал на работу, включая Гаррика, который вертелся под ногами и только мешал. Его пробовали остановить, а он вдруг сам остановился и спел с неким выражением лица, которое мог видеть, когда пели “у меня для этой самой штуки есть красавец мужи-мой Ахмед”: “у меня для этой самой штуки есть один особенный футляр”. Разумеется, он не мог знать о двусмысленности, но остро подметил выражение лица и повторил его, как бы в ответ на раздражение, которое навлек на себя. Все стали смеяться, забыли про футляр и возможное опоздание на работу, сразу стало легко.

С самых ранних лет Гаррик умел спонтанно разрядить ситуацию, и всем вдруг становилось ясно, что не стоит слишком волноваться. Старший брат назвал его “хохмач-самоучка”, и эта кличка к нему прилипла на все его детство.

Другой кличкой старший брат наградил его

за то, что он, как и герой замечательной книжки Бориса Житкова “Что я видел?” без конца спрашивал “почему”. Так он стал “Почемучкой”. К Почемучке вскорости было добавлено “Купилка”.

Чувствуя, что ему можно больше, чем другим, он часто просил “купи”, поэтому его обычно не брали в магазины. Летом 1948 года, когда мы были в городе Запорожье, где отец работал в экспедиции по восстановлению разрушенных металлургических заводов, мы все зашли за чем-то в магазин и проходили мимо отдела игрушек. В семье, где было трое детей, с деньгами было всегда не густо, а после войны особенно, и игрушек у Гаррика практически не было. Палочки, дощечки, доверенные кубики, которые кто-то дал из соседей – это были его основные игрушки. И вдруг он увидел такое богатство. Ближе других, прямо на прилавке был заводной зеленый крокодил, на котором сидел негритенок и погонял его. Малыша невозможно было оторвать от этой игрушки. “Почему нельзя?” “Почему дорого?”

Ночью я проснулась, услышав, что он всхлипывает. Не включая свет, я подошла к его кровати; он сидел и размахивал правой рукой. “Что ты делаешь?” “Я играю с крокодильчиком,” – сказал он и начал всхлипывать громче. Подошел папа, зажгли свет. Глаза у ребенка были совершенно сухие. “Шантаж,” – сказал папа. Но сердца дрогнули. Игрушка была куплена. Так он стал “Купилкой-Почемучкой”.

Запорожье, Гаррику 4 года, мне 11.

В дальнейшем он был более сознательным и не

всхлипывал. А когда захотел модно одеваться, в 15 лет пошел работать у отца в экспедиции. С тех пор в школьные каникулы работал. А много позже, когда уже учился в Щукинском училище, кто-то из товарищей, зная его страсть к красивой одежде, сделал на него шарж “Пиджак из Франции”.

В детстве был у него эпизод и с нашим “угольным” соседом, дядей Алешей. Гаррику было тогда лет пять. Однажды он стоял у входа в дом, а тут идет, качаясь, дядя Алеша. Дядя Алеша остановился перед дверью, как обычно едва держась на ногах и нависая над малышом, и начал излагать свое мнение о чем-

то, чего Гаррик не мог понять, потому что его внимание было занято упоминанием матери.

– Я, твою мать, – начинал дядя Алеша. Гаррику показалось, что дядя Алеша как-то не так хорошо говорит о его маме, и он сказал: – Дядя Алеша, не надо ругать мою маму!

На это, в свою очередь, справедливо обиделся дядя Алеша и сказал следующее:

– Да я.., да я.., твою мать, – но тут он безнадежно махнул рукой и вошел в парадное, оставив Гаррика в недоумении.

Гаррик, конечно, пересказал дома эту сцену в лицах, и все очень смеялись, а он не понимал, отчего смеются: он не хотел смешить, он хотел понять, в чем тут дело. Ему не смогли объяснить, но вскоре он и сам понял: сведения с улицы поступали регулярно.

В следующие летние каникулы мы опять были в Запорожье. В то лето шел фильм “Собор Парижской богородицы”, который произвел на Гаррика большое впечатление. Он изобразил всех героев, включая Эсмеральду. Но лучше всех у него получился Квазимодо. Он его немного боялся. Как-то так он изогнулся и что-то такое сделал со своим лицом, что сходство с актером было поразительное. И это было не физическое сходство (мальчику было пять лет), а нечто такое, что из невидимого становилось видимым. Изображая Квазимодо, он был настоящим актером, показывая других – лицедеем. Он с детства по своей природе принадлежал к театральной школе Вахтанговского направления, которая в свое время его и заполучила.

Когда Гаррик пошел в школу, обнаружилось, что у него что-то не в порядке со зрением. Оказалось, что у него астигматизм, и ему выписа-

ли очки. Во втором классе он записался в танцевальный кружок при дворце пионеров и репетировал дома свои партии в танцах. Наша квартира была в общем небольшая – маленькая спальня и довольно большая гостиная. Обеденный стол делил гостинную на две части. В первой, около балкона старший брат занимался на скрипке. Во второй, между столом и диваном, младший брат репетировал свои танцы. Старший брат как-то остановился в своих гаммах, посмотрел на экзерсисы младшего и спел: “Крутится-вертится мальчик в очках.” – И добавил: – “Хорошо, что не над головой...” А московский двоюродный брат сказал: “Старшие брат и сестра ударились в голову, а этот в ноги”.

Но с головой у младшего было тоже не так уж плохо – учился в школе легко и отлично, а кроме этого еще учился на фортепиано, участвовал в танцевальных и драматических группах и был юннатом (юным натуралистом) в зоопарке. Последним, пожалуй, занимался с самым большим увлечением.

Однажды принес домой морскую свинку. Мы поселили ее на подоконнике – в старом нашем доме начала XX века окна и подоконники были очень большими. Мы этого “морского свинка” называли Семен Семенычем по персонажу из пьесы Арбузова “Таня”, которую (пьесу) любила мама (роль Тани исполняла молодая Алиса Френдлих). Семен Семеныч пожил у нас какое-то время, был очень умным, всех нас знал и знал, кто хозяин в доме, вернее, хозяйка. А может, подражал своему мастеру в привязанности к маме. Она разговаривала с ним, и он вставал на задние лапки и был радостно возбужден. Насколько я помню, когда Гаррик рассказал на занятиях кружка, какой Семен Семеныч умный, он должен был вернуть его в зоопарк.

Пока Гаррик не пошел в школу, я всюду таскала его за собой. Мои подружки знали, что я всегда прихожу с братиком. Они не возражали, потому что знали, что он обязательно сделает что-нибудь смешное. Но и когда уже был подростком и студентом инженерно-физического факультета (первый вуз), он часто присутствовал на всяких моих вечеринках.

Мне 17, Гаррику 10; Клухори, 1954 г.

Он забавлял других, просто чтобы самому не было скучно. Чаще всего это были совершенно спонтанные интермедии. Так однажды он ни с того, ни с сего показал, как один из гостей, молодой врач, вступает в партию и получает орден. Такого поворота карьеры никто не мог ожидать от этого человека, и все хохотали до упаду, настолько парадоксальным это казалось и так достоверно он это показал. И что же? Через некоторое время все это буквально произошло: врачу предложили вступить в партию, он не смог отказаться, а еще через какое-то время его наградили. После этого к Гаррику стали приставать: “Покажи, как я защищаю докторскую”. “Покажи, как я получаю сталинскую премию” и так далее.

Получив партбилет и награду, молодой врач был допущен к преподаванию курса в медицинском институте. И тогда он решил позабавить студентов сценой чудесного излечения. Сначала он показал Гаррику больных спастическим параличом. Потом он пригласил его на семинар и продемонстрировал студентам “больного” спастическим параличом средней сложности. Студентам разрешалось подходить к пациенту, трогать его, здороваться с ним, спрашивать, как его зовут, делать записи и зарисовки. Врач же рассказывал о новом методе лечения и быстрого излечения спастического паралича (что невозможно). Через два месяца было продемонстрировано чудесное исцеление. Врач признался в шутке, студенты, конечно, смеялись, и все отправились в ресторан отмечать

исцеление. Но кто-то донес на кафедру, и доктор получил нагоняй. Его однако не выгнали, и он говорил друзьям: “Я отыгрался за партию”.

Мой старший брат, всю жизнь любивший историю, стал скрипачом, как того хотели родители, которым подсказывали обстоятельства: историк опасно было иметь независимое мышление в Советском Союзе, и родители настояли на музыке. Историк по призванию, любивший литературу, он сменил несколько профессий и большую часть жизни проработал в технологии. И только младший быстро оставил уже маячащую успехом карьеру физика в пользу зыбкой, но ставшей для него успешной профессии театрального режиссера. Этот всю жизнь работает по любви.

Став взрослым, что произошло рано, он часто повторяет фразу: “Как звезды сложатся”. Мне кажется, что стержнем его таланта является интуиция. Из разговоров на эту тему (на разговоры о замыслах, о своей работе он весьма скуп) у меня сложилось впечатление, что когда он должен что-то ставить, он сразу видит готовый спектакль и выстраивает роли и мизансцены в обратном порядке – от готового. К нему удивительно подходят строки Мандельштама:

Он опыт из лепета лепит.
И лепет из опыта пьет.

В США он впервые приехал с театром Вахтангова в 1990 году. Театр привез пьесу о Ленине, которого играл Михаил Ульянов. Ульянов, худрук театра, взял с собой Гаррику (с кем был в личной дружбе) и других деятелей театра. Пьеса шла в Чикаго, но Ульянов и другие ведущие актеры выступали также в Нью-Йорке на встречах с эмигрантами, а Гаррик отпросился ко мне в Калифорнию.

О приезде деятелей театра Вахтангова было известно в прессе, и у меня дома Гаррик давал интервью. У него спросили, что он думает об Америке. Он ответил, что он здесь всего три недели и еще не обдумал свои впечатления, но все же думает, что в Америке произойдет революция из-за ее системы здравоохранения. Ответ был совершенно неожиданный. “У вас был неприятный опыт?” – спросил корреспондент. “Нет, к счастью,

никакого. Мне трудно сейчас объяснить, почему у меня сложилось такое впечатление”.

Разумеется, он не мог собрать за три недели своего пребывания в стране сведений об американской системе здравоохранения. Сегодня, спустя 20 лет после этого интервью, в этой стране, наконец, серьезно заговорили об изменениях в системе здравоохранения.

У него спросили о демократии, и он сказал, что, конечно, политически он совершенно согласен и полусхотя добавил: “Но только в двух случаях я за диктатуру: в больнице и в театре”.

В том же интервью корреспондент спросил, может ли Гаррик привести пример, как советская власть убила талант кого-либо из людей искусства, кого он лично знал. Гаррик сказал, что власти и их цензура могут заставить человека замолчать или убить его физически, но “убить талант” никто не может.

Если бы у него спросили сегодня, за что вы любите Нью-Йорк, он бы сказал так, как он мне объяснял: “Нью-Йорк – открытый театр мира. Выхожу на улицу и уверен, что увижу какую-нибудь сцену или целый спектакль”.

Многие из таких увиденных уличных сцен легли в основу сериала “Прогулки по Бродвею” для канала “Культура” московского телевидения. Он был продюсером и режиссером этого сериала. Сериал шел около семи лет с высоким рейтингом. Так же как когда-то в Москве шел сериал “Вокруг смеха”, режиссером которого он был.

Еще будучи студентом инженерно-физического факультета, Гаррик ставил выступление команды Политехнического института для телевизионных студенческих состязаний Клуба веселых и находчивых (КВН). Его тогда заметил знаменитый комедийный актер Аркадий Райкин, который в дальнейшем пригласил его своим режиссером во время гастролей в Москве в середине 70-х годов. В то время Гаррик уже был студентом Щукинского училища.

А до этого Гаррик блестяще защитил диплом инженера-физика и был оставлен при кафедре института. Ожидалась отличная карьера. Но чуткий человек, профессор Палатник, начальник молодого сотрудника кафедры, сказал ему: “Дверь в физику тебе открыта. Но, может быть, тебе нуж-

но стучаться в театр? Тебе решать, я тебя в твоём решении поддержу.”

И Гаррик решил подать документы в один из наиболее престижных театральных вузов, училище имени Щукина при театре Вахтангова. Он выдержал большой конкурс, в котором принимали участие дети выдающихся деятелей театра и кино. За Гарриком стояли родители – отец-геодезист и мать-домохозяйка (ее уже не было в живых). Они всегда стояли и стоят за нами.

Одним из его первых крупных успехов был спектакль по одноименной повести В. Кондратьева “Сашка”, получивший Первую премию Ленинского комсомола.

По окончании Щукинского училища Гаррик ставил спектакли в нескольких театрах Москвы и в училище, где начал преподавать. Выпускной спектакль пьесы М. А. Булгакова “Зойкина квартира” был очень популярен и снят на киноленту. В училище же был поставлен “Пушкинский дом” А. Битова, еще до того, как сам роман был издан в России. А не издавался этот роман потому, что содержал, по тем временам, политическую крамолу.

К юбилею театра Вахтангова в 1990 году Гаррику была поручена третья постановка “Принцессы Турандот”, пьесы-эмблемы театра; первую ставил сам основатель, Евгений Багратионович Вахтангов, вторую – в 1960-м Рубен Николаевич Симонов.

Успех “Зойкиной квартиры” в училище был повторен затем и в театре Вахтангова. В 1988 году впервые после почти 18 лет я приехала в гости в Харьков, – тогда еще был СССР.

Возвращаясь из Харькова в Америку, я остановилась в Москве, чтобы хоть как-то прикоснуться к работе брата. Его театральная карьера началась и развивалась, когда я уже была в эмиграции. Он взял меня на репетицию “Зойкиной квартиры” в театр, где я провела целый день, была свидетелем его режиссерской работы.

На репетиции отработывалась сцена в ателье, где Гаррик придумал использовать театральный занавес для переодевания перед примерками.

На репетицию пришла завлит театра Юла Никитична Хрущева, удочеренная внучка бывшего советского премьера. Ее отец, сын Н.С. Хруще-

ва, погиб в первые дни войны. Она оказалась приятной, интеллигентной женщиной. Она сказала, что очень любит Гаррика и рада познакомиться с его сестрой. Мы провели весь день вместе и разговаривали во время перерывов. Вечером после репетиции мы зашли в ювелирный магазин и купили по одинаковой янтарной брошке на память об этом дне.

Где-то в середине дня в проходе партера появился высокий мужчина и направился прямо к нам, то есть, понятно, к Юле Никитичне. В полутьме зрительного зала, где мы сидели, я его не узнала. Юла Никитична сказала: “Это Васька”. Тогда я узнала его: это был один из ведущих актеров театра Василий Лановой. Он играл Калафа во второй “Турандот” с Юлией Борисовой в главной роли.

Лановой подошел к Юле Никитичне и спросил шепотом, указывая на режиссерский столик: “Константин Сергеевич сегодня в духе?” Назвав Гаррика именем Станиславского, Лановой не столько выразил свое уважение к нему, сколько, как мне кажется, привлек, возможно, подсознательно, некий негатив: ведь школы Вахтангова и Станиславского были очень разные по стилю и даже конфликтовали.

В дальнейшем, когда Гаррик уже был в эмиграции, Лановой разразился атисемитской статьей, в которой среди прочих “лиц еврейской национальности” досталось и Гаррию Черняховскому.

В середине 90-х Гаррик еще не окончательно переехал в Штаты и для связи давал мой телефон. Однажды мне позвонил бывший тогда министром культуры России Михаил Швыдкой, разыскивавший Гаррика в Нью-Йорке. Узнав, что говорит с его сестрой, Михаил Ефимович решил поделиться своим мнением о нем: “В историю российского театра он привнес свою манеру, свой юмор, свой мотив, свою интонацию; он заразителен и многими подхвачен. Ему, его манерам и стилю подражают очень многие, иногда сами того не сознавая”.

В памятный день репетиции “Зойкиной квартиры” я сама могла наблюдать такое подражание: исполнитель главной мужской роли (Амети-стова) Максим Суханов двигался и звучал точно так, как его режиссер.

В области философии есть много работ, посвященных философии имени. По еврейской традиции, Гаррик назван в память о деде Моисее-Гершле Шалите. Гаррик вполне верен этому аспекту своего имени. В его имени также заложена идея имени Гарри Пиля, актера и режиссера, популярного в молодые годы наших родителей. И “звезды так сложились”, что жизнь Гаррика отлично иллюстрирует философию данного ему имени...

ТАК МЫ РОСЛИ

Так мы росли в середине прошлого века в еврейской семье, переехавшей из местечка в большой город вместе со своим теплом, языком, песнями и прибаутками. Мы росли в атмосфере романтической любви между отцом и матерью, и поэтому нам так “вняты” были и любовь Татьяны к Онегину, и несчастная любовь Паоло и Франчески.

Детство родителей и родственников, прошедшее 100 лет назад, ещё несущее энергию ценностей 19-го века, оставило отпечаток и на нашем детстве, а значит и на всей жизни. Трудное было их детство, трудной была их жизнь – революции, войны, чистки и пятилетки, но они сохранили и передали удивительную доброжелательность к миру и к жизни. Мое поколение, так же как и поколения до и после моего еще были согреты их дыханием и теплом. Мы еще во многом выросли на прошлом, то есть, на идеалах и проблемах времени до 1917 года.

Мы, или хотя бы некоторые из нас, сумели заглянуть в зрачки века-зверя, но увы, склеить позвонки двух столетий, вероятно, никто уже не сумел.¹ Такого героя не нашлось. “Здесь провал сильнее наших сил”.²

Связь времён... Изуверствам фашизма и коммунизма были противопоставлены родившиеся в конце 19-го или начале 20-го представители той эпохи, когда высокие этические и эстетические идеалы ценились многими превыше всего

1 О. Мандельштам, “Век мой, зверь мой, кто сумеет/ заглянуть в твои зрачки/ и своею кровью склеить/ двух столетий позвонки?”

2 О. Мандельштам, “Ламарк”

остального. Была жива Ахматова еще 13 лет после смерти тирана! Сталину противостояли Прокофьев и Шостакович, Булгаков и Пастернак, Д. Лихачев и многие другие поистине интеллигентные люди. Противостояние это не было противодействием, но противостоянием космических тел противоположной полярности. И сияние, и страдания этих “тел” спасали наши души! И даже сам тиран и палач питался тем миром, любил классическую музыку, благодаря чему так много исполняли ее по радио. И так много было создано мелодичных лирических песен в то страшное время. Впрочем, это еще было время мелодичных песен по всей земле, и даже страшный режим не смог подавить лирическое начало, несмотря на “с песнями борясь и побеждая”...

Сладко было пробуждение в холодной послевоенной квартире под пение популярного тенора “Я встретил вас”; и понятен был Ленский, который тем же голосом, а иногда дуэтом матери и отца пел “В этом доме, как сны золотые, мои детские годы текли. В этом доме узнал я впервые радость чистой и нежной любви”.

Возможно, к концу 20-ого века баланс добра и зла, тепла и холода изменился; быть может, на нас надвигается космическая катастрофа в виде потопа или ледникового периода. Носителей прежних красото-ты и добра больше нет, разрушена их среда обитания, а новые еще не определились. Таким образом, дикая русская революция продолжается, она лишь изменила свою форму и своеобразно распространилась на весь мир, – революция теперь действительно всемирная.

А, может быть, космическая катастрофа эта грянет в виде войны цивилизаций. Напряженность между пластами населения земли огромна. Разрядка этой напряженности может быть страшна из-за медлительности духовно-этической эволюции и стремительности технологического развития и материальной жажды, включающей борьбу за власть и за национальные и религиозные приоритеты. Разрядка может быть страшна, если энергия духовно-этического выживания не будет хоть на бесконечно малую долю сильнее энергии материальной жажды.

В потоке машин, в нефтяном угаре, который физически и морально пропитал всю планету,

в холоде и мраке дней, уже не грядущих,¹ а наступивших, я вспоминаю отца и мать, их любовь, их время, их “пирушки и завещанья”, “чтоб тайная струя страданья согрела холод бытия”.²

Лина Маркова. *В Советском Союзе Лина Маркова была диссиденткой, активисткой движения за эмиграцию в Израиль. Она путешествовала по стране, собирая подписи под петициями, обращёнными к правительству СССР. Эти подписи, а также информацию об арестах единомышленников Лина Маркова передавала иностранным СМИ. Агенты КГБ, которые следовали за ней всюду, предупреждали Лину, что она может очутиться не на Ближнем Востоке, а на Дальнем (в Сибири). Она была одной из первых четырех советских граждан, которые подали заявление в Верховный Совет СССР об отказе от советского гражданства. В марте 1971 года Лина эмигрировала в Израиль, а с 1974 года живет в Америке. Л. Маркова участвовала в нескольких поездках к местам библейского и мифического прошлого Земли, возглавляемых ученым-библеистом Захарией Сичиным. Многие годы работала в Интеле, одной из ведущих компьютерных компаний Силиконовой Долины. Являлась членом редколлегии русско-язычного журнала «Terra Nova». Живёт в Маунтен Вью, Калифорния.*

1 А. Блок, “О, если б знали, дети вы, холод и мрак грядущих дней”.

2 Б. Пастернак, “Земля”.

ВИТА ГОЛУБОВСКАЯ – ХУДОЖНИК-ОФОРМИТЕЛЬ «НИШИ»

Закончила художественную школу в Академгородке, в Новосибирске, затем – биофак Ленинградского университета. Кандидат наук. Работает в биотехнологической компании в Сан-Франциско. Рисовала с шести лет в технике акварель, масло, графика. Увлекалась мозаикой, витражами и росписью по шёлку (батик). Оформила книгу стихов Марии Перцовой «Из жизни растений», 2019 г. Может помочь оформить книги в разной технике. Электронный адрес vitagol@yahoo.com

Борис Бернштейн

**ОТКРЫТИЕ
ВЫСТАВКИ.
ВЫСТУПЛЕНИЕ**

В Америке, как и вообще на Западе, трудно каждому художнику, не только приехавшему из России. Вообще, выбиться, найти или выстроить свою нишу совсем не просто, потому что искусство – суровая вещь, а современное положение дел на редкость сложно, беспрецедентно и отнюдь не свободно от абсурда. К традиционным проблемам прибавились новые, никогда ранее не виданные. Мир искусства меняется со временем, особенно стремительно и радикально – в последние полтора столетия, и ситуация художника, никогда не бывшая благополучной, становится особенно драматичной в новейшие времена. Это отдельная тема, не для сегодняшней выставки.

Мы говорим об Алле. Когда я рассматриваю ее произведения – в такой совокупности, как сегодня, у меня рождается неожиданная параллель. Мне вспоминается видный ученый-филолог, академик Эстонской академии наук, заместитель Бога на Земле по части финно-угорской филологии. Он был полиглот, знал, по-моему, языков сорок, и старался постоянно их упражнять. Встретив меня в коридоре Тартуского университета, он затевал со мной беседу на идише. Когда я ему стыдливо отвечал: «Извините, профессор, я не понял», этот светловолосый, голубоглазый эстонец презрительно восклицал: – «А шлехтер ид!». («Плохой еврей!»).

Алла – тоже своего рода полиглот. Она говорит с нами на нескольких языках сразу. Это чрезвычайно интересно. И чем дольше я наблюдаю, тем лучше вижу, как разрастается эта живописная полиглотия. Алла получила основательную школу в русле русской реалистической традиции. Эта ее родовая принадлежность хорошо прочитывается, этим изначально обеспечивается ее профессионализм, это фундамент. А далее, возможно, что именно в Америке – тут мне трудно судить – она обрела ту внутреннюю свободу, которая позволяет ей говорить если не на сорока языках, как упомянутый академик, то на нескольких живописных языках одновременно, выбирая нужный или подходящий в зависимости от предмета, от настроения, от внутренней программы. Алла работает в нескольких жанрах; главным образом, это пей-

заж, натюрморт, портрет, обнаженная натура. Единственное, чего она пока не пишет, это исторические или жанровые картины – что-нибудь вроде «Приезда гувернантки в купеческий дом» или, свежее, «Парада чьей-либо гордости на улице Маркет в Сан Франциско»... (Алла на эти слова улыбается и кивает в знак того, что она над этим подумает). Как видите, не исключено, что она этим займется. И подберет соответствующую стилистику, потому что каждому предмету своя речь, свой синтаксис, свой стиль разговора. Я думаю, что это ее многоязычие здесь прекрасно видно, нет нужды специально указывать пальцем. Совершенно очевидно, что для московских городских видов она использует «московскую» стилистику,

По дороге в Третьяковку

а для западноевропейских – «западноевропейскую».

Аванш, Швейцария

Собор во Франкфурте, Германия

Это столько же предварительное художественное намерение, внутренняя программа, сколько обстоятельства, побуждающие к непосредственным импровизациям. В коротком путешествии по Европе надо было писать быстро. И оказалось, что она это отлично умеет. Таковы некоторые европейские, очень быстрые, свежие, необычайно живые картины (я не хочу называть это этюдами, это картины). В них ощущается трепетность мгновенного впечатления, которое получено было от того или иного памятника архитектуры, улочки, словом – мотива, к которому художница оказалась наиболее чувствительной. Тем более, что в жанре городского вида у нее есть совершенно замечательный опыт – московский. Должен признаться, что московские виды Аллы мне лично очень близки. Вот эта старая Москва, неухоженная, непарадная и по-своему интимная

Старая фабрика в Москве

– я ее хорошо знаю, я жил вблизи от излюбленных мест Аллы. Не знаю, сколько раз я проходил по Озерковской набережной

Канал в Москве

и могу засвидетельствовать, что эти городские виды, действительно, полны подлинно московского настроения.

Белый букет и Пьеро

Слава Богу, в Америке и в Европе, когда она там бывает, у Аллы оказывается достаточно гибкости и восприимчивости, чтобы уловить атмосферу Сан-Франциско или Кёльна. При этом, заметим, она каждый раз интересно варьирует технику. Когда я говорю о многоязычии, я говорю о том, как кисть движется по холсту, как набирается краска и как темпераментно, быстро, или наоборот медленно и расчетливо красочное тесто или пленка наносится на шероховатую поверхность холста, и если речь идет об акварели, то текучая красочная субстанция – на поверхность бумаги, и что из этого получается.

Тут, не выставке, показаны и сравнительно новые стилистически приемы, которые Алла испытывает прежде всего в портретах. Это тяготеющая к монохромности, таинственно недосказанная предметность, манящие своей неясностью формы; пластический образ, фигура, лицо, вещь, тело, плоть как бы спонтанно возникают из непрерывной красочной материи (*Девушка в белом*). Я полагаю, что этому стилистическому изводу в ее творчестве сулит-ся большое будущее. А насколько она многоязычна нетрудно увидеть, если поставить эту картину рядом вон с той, на другом мольберте,

Кармен

где буйствует необузданная, яркая стихия танца, где сам принцип формирования зрительного образа прямо противоположен тому, что вы видите здесь. Все это – Алла с ее внутренней свободой, с ее раскованностью, с ее автоматическим бунтом против педантизма, одномерности, упорядоченности. Я просто не подберу других слов, чтобы определить ее способность переходить от одного предмета к другому, менять стилистику, сосредоточиться один раз на психологически точной портретной характеристике человека, которого она хорошо знает, как на этом замечательном портрете ушедшего недавно художника (*Семена Верховского*)¹, и до такого спонтанного разгула живописного темперамента. Сама художница называет эту картину (*уточнить, какую! -А. Х.*) «Чистила палитру», но это не «чистила палитру», это эмоциональный

взрыв, который она сумела перенести на холст.

Я думаю, что продолжением и отпечатком только ей присущего темперамента могут служить и работы ее учеников (они в соседнем зале). Ученик, если он одарен, это, потенциально, творческая индивидуальность. Но, как известно, нужен учитель, а он эту индивидуальность может развить, а может и погасить, или, как нынче стали говорить, может «довлеть» над учеником. (Вообще-то, это отвратительно безграмотный глагол, потому что «довлеет» – значит «довольно, достаточно»: «Довлеет дневи злоба его» ((Мф. 6, 34), т.е. «достаточно дню его злобы»). Но теперь журналисты и даже гуманитарии чуть что пишут: «довлеет на», или «довлеет над», или еще что-нибудь еще в этом роде, не обращая внимания на то, что корневая гласная «о», а не «а»...). Ну так вот: Алла *не довлеет* над своими учениками. Я сейчас, пройдя по соседнему залу, еще раз поразился тому, как умело и тактично она поддерживает в своих учениках именно то, что им дано от природы. Это необычайно ценное качество художника-педагога.

Необходимо отдельно сказать несколько слов о картинах, которые сделаны Димой, сыном Аллы. Тут мы присутствуем при чуде. Мы понимаем, что человеку с катастрофическим поражением зрения создавать картины или рисунки невозможно. Дима делает невозможное возможным. Нельзя не дивиться тому, как профессионально, с какой элегантностью это выполнено, каким эмоциональным подтекстом наделено. Всмотритесь в его акварели, его композиции, сделанные на компьютере, и вы увидите, что здесь царит особый персональный лиризм. То, что делает Дима, при его, увы, ограниченных возможностях, можно назвать подлинным самопревышением. Это победа над собственной немощью, случай дерзкого отвоевания похищенных судьбой возможностей, творческого усилия, позволяющего выйти за поставленные тебе пределы, – Дима еще раз поздравляю тебя, потому что это очень хорошо!

Ну вот, столько я бы сказал в качестве введения. Остальное – молчание, как говаривал Гамлет. Остальное адресовано зрению, способному читать на разных живописных языках.

Записала Галина Курляндчик

¹ См. "Портрет Семена Верховского" в цветном варианте на стр.124.

О КАРТИНАХ ДМИТРИЯ ЯНУШКЕВИЧА

Они из области снов и мечтаний. Не зря английское dream значит и то, и другое. Отталкиваясь от действительности, Дмитрий видит то, что скрыто от наблюдателя. Зритель совершает открытие вместе с художником. Мост, городской пейзаж, корабль, окутанные водой и небом, — идеальные образы мира, которые всплывают в памяти и воображении. Бело-голубой, стальной зимний снег, такое же небо с вкраплениями всех оттенков красного и золотого (1), (3) и коричневые здания, плывущие в многоцветном воздухе, — попав сюда, сложно найти дорогу обратно. «Заблудился я в небе, что делать?», — строка О. Мандельштама вспоминается потому, что все искусства повенчаны или хотя бы близки. А этот светящийся золотой мост, наверное, может переносить и соединять — берег искусства, сна, идеала с тем берегом, где мы живем. (4). Впрочем, берегов нет на этой картине, зато есть безбрежные воздух и вода.

Но бывают и кошмары. Собор Парижской богородицы, охваченный пламенем, выхваченный из реальности и похожий на страшный сон, становится символом хрупкости искусства и человечности (7).

О КАРТИНАХ АЛЛЫ ВИКСНЕ

Казалось бы, реализм. Поэт Мартин Мелодьев, грустно-лукавый, похожий на Пушкина в заснеженном шарфе; поэт Александра Немировский, новаторски глядящий из вневременного пространства и с трубкой, снова современной; искусствовед Борис Бернштейн, — его уже нет, но он незримо с нами, — мудрый Моисеевич, как назвал его Мартин. Медноволосая виолончелистка, серьезная девочка с игрушечным осликом, искрящийся виртуозностью саксафонист Виктор Ривкин (портрет написан при жизни музыканта), дочка художницы, может быть, увиденная сквозь слезы материнской любви, — я не знаю, только ли здесь реализм, наверное, еще импрессионизм подмешан, или какой-нибудь другой «изм», но я вижу этот живой свет, льющийся из картин, и ощущаю мерцание души в каждом портрете Аллы Вискне.

Алла Ходос

АЛЛА ВИКСНЕ. БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Алла Вискне родилась в Москве. Окончила Московскую академию искусств в 1974 году. В том же году она начала демонстрировать свои работы в групповых выставках в самых престижных московских выставочных залах, таких как «Манеж», «Кузнецкий мост», «Беговая», «Дом учёных», «Международный художественный фонд». В 1977 году она стала членом престижной молодежной секции Союза художников. В 1991 году ее работы экспонировались в одной из первых частных галерей Москвы. Впервые она показала свои работы в Калифорнии в 1992 году в Купертино. Впоследствии она выставляла свои картины в Сан-Франциско, Сан-Матео, Стэнфорде, Медицинском центре Пало-Альто, в галерее Коре, в картинной галерее Видмана в Лас-Вегасе, Лос-Анджелесе, в галереях Кармеля и в Москве. Ее работы — гордость многих частных коллекций в США, России, Израиле, Германии и Италии. В 2006 году Алла стала членом ассоциации Oil Painters of America. Она также является членом Международной ассоциации художников. В 2008 году — победитель Международного конкурса. С 2014 года — член Художественного фонда России.

Дмитрий Янушкевич
ЖИВОПИСЬ

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

Алла Виксне
ЖИВОПИСЬ

Алла Виксне на фоне созданного ею заказного портрета владельца издательства «Тетра» Сергея Александровича Кондратова. Портрет установлен на уникальном мольберте, ранее принадлежавшем художнику Верещагину. Москва.

Соло на виолончели

Портрет дочери

Портрет Ани

Портрет поэта
Александра
Немировского

Портрет поэта Мартина Мелодьева

Портрет художника
Семена Верховского

Портрет саксафониста Виктора Ривкина

Портрет искусствоведа
Бориса Бернштейна